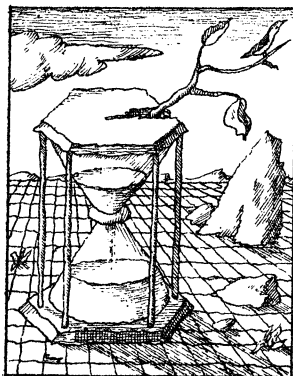

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЯЧЕСЛАВ НАЗАРОВ

ДОРОГИ НАДЕЖД

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЯЧЕСЛАВ НАЗАРОВ

ДОРОГИ НАДЕЖД

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1982

84Р7
Н 19

Художник В. ИВАНЮК

- Назаров В. А.**
Н 19 Дороги надежд (Предисл. Д. Жукова; Худож.
В. Иванюк. — М.: Мол. гвардия, 1982. — 304 с.,
ил. — (Б-ка сов. фантастики).
1 р. 100 000 экз.

В книгу известного сибирского фантаста Вячеслава Назарова вошли его лучшие произведения, объединенные общим замыслом: передать героике освоения новых просторов далеких планет и миров, зримо обрисовать черты и характер будущих звездопроходцев.

Н 4702010200—281
078(02)—82 — Без объявл.

ББК 84 Р7
Р2

СЛОВО О ВЯЧЕСЛАВЕ НАЗАРОВЕ

Сибирь покоряет Москву. Увлекают, покоряют не одну Москву сибирские писатели. Их книги и пьесы читает и смотрит вся страна, восхищаясь талантом, страстностью и поразительным умением откликаться на сокровенные мысли и чувства людей, живущих на самых разных меридианах и широтах. В одном лишь 1965 году, после читинского семинара молодых писателей, стали известны имена прозаика Валентина Распутина, драматурга Александра Вампилова, поэта Вячеслава Назарова...

Горько сознавать, что двоих уже нет в живых. Трагически погиб Александр Вампилов. А Вячеслав Назаров скончался совсем молодым, в сорок два года, от тяжелой болезни сердца. Он вошел в литературу как поэт. За стихи он был удостоен премии имени Красноярского комсомола. Вот названия его поэтических сборников — «Сирень под солнцем» (1960), «Соната» (1964), «Формула радости» (1968), «Световод» (1973). В 1972 году вышла его книга фантастических повестей «Вечные паруса», а в 1978-м изданы две сразу — «Время равных» и «Зеленые двери Земли».

Так ли уж далека фантастика от поэзии? Дело тут не в том, что истинный поэт не может быть не окрылен фантазией. По моему глубокому убеждению, настоящий литератор должен пробовать себя в самых разных жанрах и даже видах творчества. Научно-техническая революция породила узкую специализацию. То, что в прошлом веке было предметом насмешек — «Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя» (Козьма Прутков), — ныне затронуло даже литературу. Встречаются писатели, занимающиеся исключительно военной тематикой или посвятившие свое дарование лишь будням милиции... Поиск, стремление познать многомерность современного мира — вот главная черта творчества Вячеслава Назарова.

В тридцать лет, вступая в Союз писателей, он написал: «Моя биография коротка и обычна». А закончил свое жизнеописание словами: «Продолжаю жить и работать». В эти две страницы вместилось многое. В них отзвук преобразований, испытаний, выпавших на долю страны. Вячеслав родился в Орле, где работал

отец, Алексей Иванович Назаров, крестьянский сын, окончивший Тимирязевскую академию. Вскоре началась война, отец ушел на фронт, шестилетний мальчик с большой матерью остался на оккупированной территории. В автобиографии короткий перечень законченных учебных заведений, перемещений по службе и публикаций предваряется строками, в которых дух времени и размышления о природе человека передаются предельно кратко и емко.

«Я до сих пор просыпаюсь по ночам от лая овчарок, которых натравливали на меня как-то пьяные эсэсовцы. Иногда в сломанном дереве мне чудится виселица, которая стояла в центре села, а в стуже дождя — шальные пулеметные очереди, которыми ночью скучающие часовые прочесывали деревенские сады. Никогда-никогда не забудется мне немец, который тайком давал нам конфеты, и русский полицай, который стрелял в меня, когда я копал на брошенном поле прошлогодний гнилой картофель... Отец пришел с первыми частями Советской Армии. Немцы, отступая, сожгли нашу деревню, а мы с матерью две недели прятались в брошенном окопе. Над нами гудела, обжигая и калеча землю, Орловско-Курская дуга. В 1943 году по напех разминированному пустырю я пошел в школу, которая помещалась в подвале разрушенной бомбами Орловской больницы. Это было удобно — мы не прерывали занятий во время авианалетов...»

В Московском университете Вячеслав Назаров учился в 1953—1958 годах, когда, как на дрожжах, всходила новая поэзия, adeptов которой он потом насмешливо назвал «немножко бунтарями и пророками». Человеку, жадному до знаний, университет давал много. Кипучая аудитория, горячие споры на факультете журналистики. В это же время Назаров много занимался живописью. Родились и первые стихи, стоящие обнародования.

«Захотелось в Сибирь», — вспоминал Назаров. Его «распределили» в Красноярск, редактором на студию телевидения. Вскоре он становится режиссером-кинодокументалистом и получает возможность объездить сибирский край, побывать на гигантских стройках, познакомиться с великим множеством незаурядных людей — с рабочими, инженерами, учеными... На его глазах рождался мир будущего. В романтически приподнятых стихах «рычали машины», вставали бетонные громады, ложились в основание плотин «начальные камни», люди вырывали у природы энергию и металл, а на Байконуре «выходили в распахнутый космос». И уже совсем исполнимой казалась мечта «о звездной дороге». В поэтической публицистике Вячеслава Назарова проросло зерно фантастики. «Сегодня Красноярск похож на космодром...» Циклам своих стихотворений он дает названия очень четкие: «Творимый мир», «Скорость света», «Утренняя звезда»... И тогда же написались строки, которые потом Вячеслав Назаров будет дополнять,

переделывать и наконец вставит в фантастическую повесть: «Там в неизмеренной дали, за солнцем солнце открывая...»

Ныне технические чудеса уже никого не удивляют. Они стали привычными. Тогда же и человеческие чувства передавались с помощью метафор, навеянных энергетической романтикой.

Любовь людей —
моя любовь.
Людская боль —
мое несчастье.
Три миллиарда киловольт
пульсируют
в сведенных пальцах.
Они ревут в стволах аорт,
пророча взрыв и поражение...
Стихи тогда —
громоотвод
предельных перенапряжений...

Вячеслав Назаров жил, работал, писал в ритме своего времени. Воспевая технический прогресс, он не мог не тревожиться возможными последствиями злонамеренного использования достижений научной мысли. «Но если будет день, когда окаменевший пепел, еще хранящий радиоактивность, покроет почву вымершей планеты, как полотно смирительной рубашки, стянувшей туго тело идиота... — излагал он свободными стихами зловещее предположение и заканчивал его неожиданно, сложив элегический гимн вечной жизни. — То я хочу быть спорой... Серой спорой с непоборимой способностью деленья — живую спорой! Неизмеримо малой каплей бунта в бесплодном мире вечного покоя — всесильной спорой! Началом новых миллионолетий сурового и трудного отбора в пути от протоплазмы к совершенству».

Та же мысль пронизывает «Атлантиду», которой дан подзаголовок «Фантастическая поэма». Да, был «огромный остров, где пел бетон, сверкали сталь и пластик в прекрасных музыкальных воплощениях, где по спирали серого асфальта неслись, как пули, электромобили, ракеты перечеркивали небо...». Атлантида погибла то ли от землетрясения, то ли в атомном пламени, то ли по иной причине. А может быть, это произошло оттого, что люди стали обходиться без слов, привыкнув общаться лишь с помощью кнопок и пультов? Может быть, причина в гибели поэта, хранителя живой речи?

Убили слово.
Убили в спину.
Убили и скрылись в желтой мгле.

И только след автомобильной шины,
как рваная рана чернел на земле...
...Убили слово.
Убили зов.
Спокойней стало
без зова слов.

Фантастическая поэма-предупреждение звучит сегодня, когда руки безумцев тянутся к тысячам опасных кнопок, как нельзя более современно и своевременно.

А был он неприступным и могучим,
огромный остров,
где убили слово, —
рассчитанный по формулам бесспорным,
расчерченный по точным чертежам.
Где он сейчас?

Ни голоса, ни ветра...
Где след его?

Ни волоса, ни пепла...
И потому
мы начали с Начала —
от кремня в лапе
к лазерным лучам.

Переход к фантастической прозе был для Вячеслава Назарова совершенно естественным. Сперва он шел проторенным путем, поскольку власть сложившихся в научной фантастике традиций была очень сильна. К началу семидесятых годов уже существовал фантастический миф о будущем, в котором менялись лишь аксесуары и сюжеты. Впрочем, и сюжеты повторялись уже неоднократно. Вносились лишь поправки, связанные с новыми научными открытиями. Говорят, новое — это хорошо забытое старое. И греха никакого нет в повторении. Немало классических сюжетов бредет из века в век, но талантливость каждой новой книги увлекает, а о древности сюжета может вспомнить лишь введливый эрудит.

Уже в одной из самых первых своих фантастических повестей, «Игра для смертных», Вячеслав Назаров подхватил старую как мир мысль о том, что гений и коварство несовместимы, противопоставил научную щедрость физика Кларка расчетливому таланту математика Горинга, собиравшегося сделать великое открытие, развивая чужие идеи. И сделал это открытие (пространство с нулевым временем — пресловутое традиционное «нуль-пространство», с помощью которого фантасты добрались до звезд), но ценой собственной жизни, чем вызвал заключительную реплику Кларка: «Ты умно, ты хорошо играл, Горинг. Но ты не мог не проиг-

рать». Печать морализаторства и подражательности лежала и на повести «Синий дым», но уже в «Нарушителе» Назаров нащупывает свой путь в фантастике, и герои теперь носят не шикарные заграничные имена, вроде Тэдди, Гарри или Джо, а отечественные.

«Из-за полуприкрытой шторы Андрей рассеянно следил, как наливаются текучим золотым огнем камни и дальние горы, как трепетно и безостановочно пульсирует свет в полупрозрачной толще вздыбленных пород.

Сейчас зыбкая красота светового танца вызывала горечь.

Этот прекрасный, геометрически совершенный мир был мертв. Мертв с самого рождения».

Неземная красота чужой планеты, ее пейзажи, мастерски придуманные и поэтически описанные Назаровым, — все это как-то не вяжется со словом «мертв». Не может быть красивым мертвый мир. Ткань повествования неназойливо делает ощутимой тревогу героя повести Андрея Савина, его несогласие с товарищами, готовыми поставить крест еще на одной планете после того, как приборы, «всевидящие, всеслышащие, всемогущие и неустанные, мудрые и непогрешимые», вынесли свой приговор. И он совершает преступление или... подвиг. Космический устав категорически запрещает намеренное введение в чужие миры естественных организмов. Андрей нарушил устав, дал жизнь планете. Неизвестно, к чему это приведет, хотя концовка повести весьма мажорна...

Этические и философские проблемы, возникающие в связи с ростом человеческих знаний и техническим прогрессом, занимали Вячеслава Назарова до конца его короткой жизни. Если в фантастике он начинал как приверженец идеи, по его словам, «активной перестройки мира», то впоследствии уже задумывался о роли «писателя-поводыря по будущему», которое, как становилось ясно с течением времени, не укладывалось в рамки научных прогнозов.

Бездумная хозяйственная деятельность человека оборачивалась нарушением природного баланса. Назаров верил, что литература, и особенно фантастика («как прием сдвига и обострения проблем будущего») может стать «судьей и советчиком». Лично мне эта мысль кажется наивной, но именно она определила пафос новых произведений Вячеслава Назарова.

В повести «Зеленые двери Земли» (изд-во «Молодая гвардия», 1978), пронизанной радостным светом романтики, Назаров уже не столь категоричен в подходе к «перестройке». Герой повести профессор Панфилов и его сотрудники относятся к природе бережно, с любовью, как того требует этика сложившегося на Земле коммунистического общества. Они ищут контактов с дельфинами, у которых сто сорок органов чувств, включая радиолокацию, подводное зрение, рентгеновидение, метеочувство и т. д. При ближайшем знакомстве дельфины показались бы людям всемогущими, способными творить чудеса. Но, добившись полной гармонии, полного

слияния с природой, дельфины не пользуются своим всемогуществом. Назаров очень поэтично рассказывает о жизни дельфинов, об их красочном и многогранном восприятии мира. Однако более близкое знакомство людей и дельфинов не состоялось. Панфилову в повести противостоит дилемма от науки академик Карагодский, который сделал карьеру на «приручении дельфинов». Предполагаемый разум дельфинов опроверг бы все «фундаментальные законы науки», созданные Карагодским, и он подстраивает все так, что по дельфинам начинают стрелять. Пошедшие было на контакт с людьми, дельфины вновь замыкаются в своем обществе. Их старейшины говорят, что люди «нарушают равновесие природы и убивают друг друга. Разве могут убивать разумные существа? И разве могут уничтожать среду, в которой обитают?..». Ниточка надежды остается лишь в дружбе мальчика с дельфиненком и в словах одного из старших дельфинов: «Да, я уверен, что мы братья, разделенные временем и пространством, братья, забывшие родство, но мы живем на одной планете и должны найти дорогу от брата к брату».

В «Зеленых дверях Земли» есть описание болезненных ощущений, испытываемых профессором Панфиловым. «Словно тонкая дрель все глубже и глубже входила под левую лопатку, глухой болью отдавая в плечо. Боль давила виски, скапливалась где-то у надбровий, и тогда перед глазами порхали черные снежинки». Как и его герой, Назаров старался «утаить войну» с болью от окружающих. Но потребовались кардинальные меры, оставившие след в «Поэме ножа», посвященной кардиохирургу Юрию Ивановичу Блау.

...Потому, как на правый суд,
люди горе к тебе несут:
доверяют люди сердца
тем, кто искренен
до конца!
Мне бы так вот стихи писать
без издательской маэты:
над пороками нависать
точным лезвием
доброты.

Одной из последних повестей, раскрывающих психологию человека при встрече с неведомыми силами природы, было «Восстание супров». Оригинальность мышления и раскованный талант Вячеслава Назарова проявились в ней в полной мере. И дело тут не в сюжете, который можно было бы изложить так: люди нашли планету с океаном чудодейственной жидкости — «протовита»; в океане обитают странные гигантские существа «супры», наделенные природой всеми видами смертоносного оружия; люди отвле-

кают внимание супров перестрелками и забирают протовит, пока из-за ненависти к иной, непонятной форме жизни одним из персонажей повести не была пущена «чудо-торпеда», вызвавшая восстание супров и потерю планеты для людей. Повесть построена из рассказов тех, кто был свидетелем и участником происшествий. Восхищает мастерство, с которым Назаров вылепил характер каждого персонажа особенностями его прямой речи. Самой большой удачей поэта стал образ капитана Летучей Базы людей Морта Ириса, прозванного подчиненными Мортирой за сухость, бездушие, требовательность, а на самом деле любителя пухлых сентиментальных романов и выращивания цветов, надевшего мундир в силу необходимости, не потерявшего хладнокровия в опасную минуту...

В череде человеческих характеров, проходящих перед глазами читателя, кристаллизуется глубокий философский замысел, которым руководствовался Вячеслав Назаров. Как рождается напряженность отношений в мире? К чему может привести погоня ученых за «чистотой эксперимента»? Что такое нетерпимость и нетерпеливость? Страх перед космосом порождает новую армию на Земле, давно покончившей с войнами, новое оружие. А раз оружие существует, оно должно выстрелить. Повесть взывает к разуму. «Трудно быть разумным. Но если мы решились на диалог со Вселенной, надо быть разумным. Без тех условностей и оговорок, которые позволяем себе в стенах своего дома», — говорит старый ученый в повести Вячеслава Назарова, такой символичной именно сейчас, когда все больше накапливается оружия и все настойчивей звучит призыв к благоразумию, к миру.

Вячеслав Назаров скончался в июне 1977 года, не дожив до выхода книг с повестями «Восстание супров» и «Силайское яблоко».

В стоящей особняком фантастической повести-памфлете «Силайское яблоко» многогранный талант Вячеслава Назарова заиграл новыми красками. Время увлечения романтикой «парусов из бумаги», как он сам выразился, давно кончилось. На рубеже шестидесятых и семидесятых годов пришло прозрение, наступила переоценка ценностей. Замыслов было много, и все серьезные... От иллюзий помогает освободиться сарказм. И, обратившись в будущее, Вячеслав Назаров высказывает такое понимание зловещих сил, стремящихся продлить до бесконечности законы чистогана и власти, какое не под силу иным исследователям социальных отношений. Магия художественного слова позволяет открывать взору потаенное в таких неожиданных ракурсах, создавать картины с такой глубиной перспективы, что отпадает необходимость в сложных и путаных объяснениях. Уже с первых страниц «Силайского яблока» мы оказываемся в стихии увлекательной раскованности слова.

В коммунистической вселенной планета Свира остается своеобразным заповедником старого мира, и короткий путь недоучки Оксигена Аша к креслу диктатора, Кормчего, проходит через концентрацию нелепиц и парадоксальных совпадений, которые удивительно похоже отражают некоторые стороны современной земной сумятицы. Остроумная желчность «Вступления» сменяется стремительным действием самой повести, которой придан облик космического детектива. Двести лет уже правит Кормчий на Свири, где установилось этакое экономическое равновесие, когда все сыты, когда все открытия ограничиваются сферой потребления, а любимое слово жителей планеты — «иметь». Иметь больше, чем другой... Инспектору Шанину поручено выяснить причину долголетия Кормчего и относительной стабильности экономики Свиры.

Очень добротна фантастическая проза Вячеслава Назарова, насыщенная сатирическими обобщениями, неожиданными сюжетными ходами, многозначительными символами. Шанин сталкивается с таким явлением, как полное подчинение жизни Свиры «ордену пронизательных» или «проников». Орден запрещен, и тем не менее к нему тайно принадлежат и превосходно нарисованный автором пограничный майор Горон, и все более или менее заметные граждане государства, включая министров. Комична и зловеща фигура фактического главы ордена старшего сантехника Моса, который в кульминационный момент повести появляется в двери туалета... Завхватывающе описаны скачки на козлах — карикатурное подобие борьбы политиканов. Масса великолепных находок, выпуклость письма сделали повесть «Силайское яблоко» выдающимся произведением сатирической фантастики.

Поразительна и главная идея повести. «Министр милосердия», то есть полиции, Тирас рассказывает, что сперва правитель исправно выполнял указания ордена. «Потом правитель решил уничтожить нас, чтобы властвовать без помех. Он объявил «пронизательных» вне закона, он обрушил на «пронизательных» всю карательную мощь Свиры. Самовлюбленный младенец! За нами стоял опыт предков, опыт тысячелетий! Мы, неуловимые и безликие, делали так, что от руки правителя гибли его сторонники, а «пронизательные» занимали их места...» Правитель, Кормчий перехитрил «пронизательных». Он спрятался в неприступную башню, куда поступали все бумаги и выходили оттуда с резолюциями «Да», «Нет», «Отложить», обязательными для начальствующих. И так продолжалось две сотни лет, пока разведчик с Земли не выяснил, что Кормчий давно умер, а резолюции ставил несложный механизм. Призрак Кормчего мог править народом с помощью продажных, грызущихся из-за власти политиканов только потому, что народ был поглощен потребительской гонкой, а лучшие его представители — разобщены. Борьба за души людей, революция — таков финал повести.

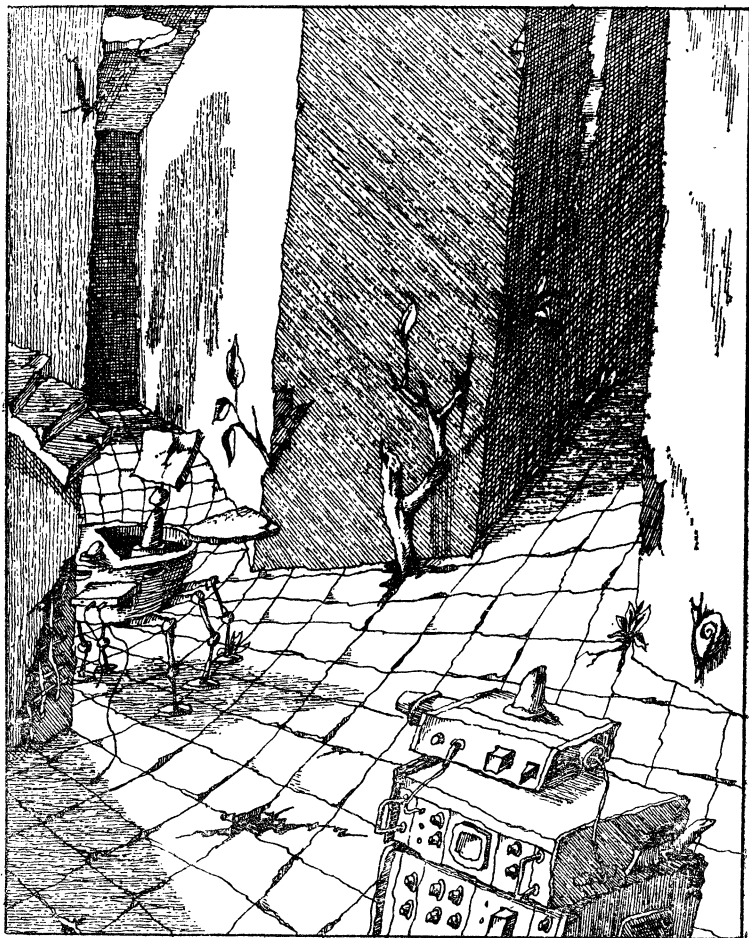
Вячеслав Назаров был замечательным писателем, талантливым поэтом, борцом за лучшее будущее, патриотом. Он не выпускал из рук пера до самого смертного своего часа, и скорбно, что час этот наступил в пору зрелости, в пору расцвета его таланта. О чистоте помыслов Вячеслава Назарова говорят его стихи:

Работа наша —
Россия,
мятеж ее и покой,
и чтобы от нашей силы
была она чуть другой —
хотя бы на самую малость,
на дерево или дом...
И чтобы это осталось,
когда навсегда уйдем.

ДМИТРИЙ ЖУКОВ

ИГРА ДЛЯ СМЕРТНЫХ

*Скажи мне, кудесник, любимец
богов,
Что сбудется в жизни со мною?*

А. С. Пушкин

Дэвид Горинг никогда не был фаталистом. Скорее наоборот. К своей судьбе он относился нежно и внимательно, как мать к любимому ребенку. С той далекой поры, когда он впервые обнаружил, что некоторые разногласия между родителями совсем не вредят ему, а, как ни странно, позволяют наилучшим образом устраивать свои мальчишеские личные дела, Дэвид Горинг поверил в свои силы. Потом пришло знание, и юный выпускник Бирмингемского университета сумел построить великолепную математическую модель человеческой жизни. В этой модели не было расслабляющих моральных категорий, что позволяло изящно и гибко вписывать в нее любые жизненные коллизии.

С этого времени Дэвид конструировал свое будущее увлеченно и профессионально.

Отец Дэвида, мистер Натаниэль Горинг, одареннейший математик, был профессиональным неудачником. Так, по крайней мере, утверждала миссис Горинг. Имея все шансы на успех, он до конца дней своих тянул лямку в лабораториях фирмы «Виккерс», вправляя мозги электронным олухам.

А молодой Горинг хотел многого. Его не устраивала отцовская долина — он жаждал вершин. Вершин славы, вершин богатства, вершин власти. Власти, которой подчиняются даже правительства и которую может дать ему только наука.

А потому он с упорством фанатика овладевал не только тонкостями физико-математических дисциплин по специальности, но и самыми невероятными факультета-

тивными курсами, в которые неведомо как затесались даже религиозные культы Древней Индии.

Он не спешил. У него было время. Вселенная вращалась для него, и каждый поворот планет приближал намеченный финал. В Большой Игре под названием «судьба» он умел подавлять свои эмоции и честолюбивые мечты точным анализом ситуации и своих возможностей в данной ситуации.

Неудивительно поэтому, что сразу после окончания университета он получил должность главного математика третьей секретной лаборатории фирмы «Виккерс» — место, которого не смог за всю жизнь получить его отец.

Дэвид был в меру красив, в меру вежлив, в меру горд. Его считали истинным джентльменом, потому что блестящий талант математика — единственное наследство, оставленное ему отцом, — никак не отражался на его узком холеном лице. Он работал в лаборатории вполсилы, расходуя свой талант бережно, по каплям, как химик — ценный реактив.

Как-то разбирая бумаги отца, состоящие в основном из погашенных и непогашенных долговых обязательств, Дэвид наткнулся на объемистый пакет с сентиментальной надписью «Сыну от отца». Решив, что это серия нравоучительных заветов, молодой Горинг собирался уже выбросить его в регенератор, но, развернув, обнаружил знакомую скоропись формул.

Содержимое пакета оказалось весьма занимательным. Десятки великолепных идей, наброски каких-то довольно бредовых гипотез, обрывки экстравагантнейших теорий — все, чем старший Горинг пытался усмирить свой ищущий бури ум. Дэвид просматривал бумаги отца с завистью — его поражала фантазия, смелость, оригинальность отцовских поисков. Его собственный мозг был слишком холоден. Он мог брать и обрабатывать, но не давать.

На бумагах Натаниэля Горинга не было подписи, и Дэвид без раздумий включил их в свой актив так же,

как несколько лет спустя приобщил к нему неоконченную рукопись профессора Митчела, своего бывшего университетского преподавателя.

Теперь у него был капитал, которого могло хватить на долгие годы.

И у отца и у Митчела Горинг не без удивления обнаружил многочисленные ссылки на Джозефа Кларка.

В Англии к исследованиям Кларка относились свысока. Авторитет Эйнштейна в то время был еще незыблем, и формулы Кларка казались параноическим бредом, больше того — надругательством над наукой. Его маленький институт в Нью-Джерси влачил жалкое существование, американские «отцы науки» отказывали ему в субсидиях, а английские «вундеркинды», которые, как и Горинг, мечтали о заокеанских суперлабораториях, при разговоре о Кларке презрительно поджимали губы.

Но Горинг был умнее. У него были разносторонние знания, интуиция, а кроме того, он любил быструю езду и хорошо знал прием, который гонщики называют «сесть на колесо». Как часто на университетских гонках он, выходя на трассу, не бросался вперед очертя голову, а спокойно ехал, дожидаясь рейсового «Электора». Когда стремительная хромированная масса международного экспресса проносилась мимо, Дэвид делал рывок и пристраивал свой маленький красный «Хэппи» в опасном соседстве с задними буферами могучей машины. «Электор» пожирал пространство со скоростью триста миль в час, яростно распарывая воздух клыками стабилизатора, а Дэвида несло за ним, как перышко в аэродинамической трубе.

Это была весьма рискованная игра. Она требовала предельного напряжения и молниеносной реакции: чуть отстал — ураганные воздушные вихри отбросят и перевернут маленькую спортивную машину, чуть замешкался при торможении экспресса — врежешься в него сзади. Весь трюк состоял в том, чтобы, почти интуитивно уловив начало торможения, резко вывернуть у са-

мых колес громады и пулей вылететь вперед, в открытый простор автотрассы.

Таким образом Дэвиду не раз удавалось прийти к финишу чуть ли не вдвое быстрее своих соперников.

Горинг доверял отцу и Митчелу, по крайней мере, как математикам. Заинтересовавшись немногочисленными опубликованными работами Кларка, Дэвид и сам почувствовал могучую силу его интеллекта.

Решение пришло не сразу. Оно потребовало досконального «дознания». И когда оно все-таки пришло, Дэвид знал о Кларке и его институте решительно все.

Игра продолжалась. Но в роли «Электора» на этот раз должен был выступить Джозеф Кларк.

Кто-либо другой на месте Горинга послал бы Кларку льстивое письмо с предложением услуг.

Дэвид тщательно отобрал несколько отцовских набросков, доделал их, кое-что переработал, кое-где изменил, отшлифовал — словом, довел до «кондиции» и напечатал в двух специальных журналах, за которыми прочно укрепилась недобрая слава «розовых». Разумеется, под своей подписью.

В третьей лаборатории разразился скандал. Сам директор фирмы вызвал Дэвида для объяснений. От его лысины шел пар. Еще бы! Выдумывать фантастические теории — это еще куда ни шло: каждый имеет право на хобби. Но печататься в «розовых» журналах, рядом с советскими физиками! Кому? Главному математику секретной — секретной! — лаборатории! Представителю самой респектабельной фирмы Англии!

Дэвид бесстрастно молчал.

Шеф потребовал немедленного опровержения. Какого? Какого угодно! Хотя бы того, что это студенческие работы и журналы добыли их обманным путем.

Дэвид обещал подумать. Директор облегченно вытер лысину.

Прошла неделя, другая, но Кларк никак не реагировал на статьи.

Дело принимало скверный оборот. Так можно крепко промахнуться. Тем более что шеф отстранил Горинга от работы до тех пор, пока тот не напечатает опровержение.

Дэвид нервничал. Он совсем не собирался остаться «на нуле», с подмоченной репутацией и подозрительной славой «пионера» среди «левых» юнцов, которых он презирал так же, как и «правых». Ему нужна была глобальная слава.

Неужели «Электрон» промчится мимо?

Горинг пошел на последний риск — он напечатал вместо опровержения третью статью.

И только тогда горничная принесла ему серый пакет со штампом «США, Нью-Джерси, Институт релятивистской физики».

Кларк не обещал золотых гор, молниеносной карьеры и беспредельных перспектив. Он был лаконичен и откровенен: «Ваши статьи мне нравятся. Мне нужен хороший математик. Если хотите — приезжайте. Ничего, кроме интересной работы, гарантировать пока не могу. Кларк».

Кто-либо другой на месте Горинга ближайшим самолетом вылетел бы в Нью-Джерси.

Дэвид Горинг телеграфировал: «Подумаю».

* * *

Джозеф Кларк пил кофе на террасе своей виллы. Вилла была старая, без модной стилизации «под Дикий Запад», где в деревянной, нарочито грубой утвари скрывалась утонченная автоматика. Видимо, даже полы здесь мыли вручную, потому что из комнат вкусно пахло мокрым деревом, а не пастой.

— Эйнштейн не бог, а обыкновенный гениальный человек. — Кларк пил кофе, как воду, крупными глотками. — Это никак не хотят понять ваши коллеги. Они сделали его Иисусом Христом современной науки, а тео-

рию относительности — библией. И если кто сунет нос не туда, куда надо — вой, отлучение от науки. Ведь вам тоже досталось, Горинг, сознайтесь?

Дэвид сидел напротив в соломенном кресле и вежливо кивал, но слушал вполуха. Он внимательно разглядывал своего нового шефа.

Один возмущенный физик, выйдя из себя, публично обозвал Кларка «погромщиком». Прозвище подходило как нельзя лучше. Джозеф Кларк был похож одновременно на Уолта Уитмена и пирата на отдыхе. Сходству с Уитменом придавали высокий рост, крепкая крестьянская кость и тщательно ухоженная пышная борода. Да еще, пожалуй, глаза. Вернее, даже не сами глаза, а какая-то бешеная, непримиримая сумасшедшинка, которая появлялась в его больших добрых глазах, когда он заговаривал о физике.

А в пирата Кларк играл — играл искренно и заразительно весело, как мальчишка. Как все добрые сильные люди, он любил пошуметь. Независимо от того, ругал или хвалил он своих коллег, витал в парадоксах дискретного пространства или просил у дочери очередную чашку кофе, в его хриплом басы кипело громовое море. И модный спортивный костюм только подчеркивал добродушную грубость его манер.

Дэвид остался доволен. «Этот буйвол еще наломает дров, — думал он. — Такого наворочает, что только держись...»

— Прав Эйнштейн? Прав. Прав Ньютон? Прав. Прав Дирак? Прав. Но все это — частные случаи чего-то общего, чего мы еще не знаем, будь проклята эта земля...

— Единая физическая теория? Вот уже несколько веков о ней мечтают все ученые. Вы хотите сказать, что нашли ключи к ней?

— Нет, — неожиданно тихо ответил Кларк. — Наверное, это не под силу одному человеку. Мне удалось кое-что найти, но пока это тоже частность...

Горинг насторожился. Перемена тона была столь разительна, что большой пятнистый дог в углу террасы поднял голову и удивленно посмотрел на хозяина, потом — недоброжелательно — на Горинга.

— Это касается гравитации?

— Нет. Гравитация пусть подождет, будь проклята эта земля. Меня раздражает время.

— Время?

— Да, время. Всевышнее, всевластное, всепроникающее, безостановочное, неумолимое, неизменное, непрерывное, единонаправленное, неделимое, невидимое, абсолютное в своей относительности, разрушающее и создающее, грозное и доброе, равнодушное, карающее...

Кларк говорил все громче и громче, и дог успокоенно положил голову на лапы.

— Мы переделали землю, мы остановили реки, мы растопили вечные льды, мы оросили пустыни, мы приручили океан, мы пробили дорогу в космос, мы заселили Луну, Венеру, Марс... Да что там — мы проникли в собственные душу и тело, сбили замки с тайников мысли, вдохновения, творчества, окунулись в глубины микромира и воспарили к чудовищно далеким галактикам... А время? Время идет, божественное и непостижимое. И мы покорно лезем ему в пасть, как наши первобытные пращуры. Римляне придумали бога времени Сатурна — а мы?.. Помните, у Гойи — «Сатурн, пожирающий своих детей»?

— Гойя?.. Кто это?

Кларк даже поперхнулся:

— Не шутите так зло, Горинг. Неужели вы не знаете Гойю? Вы не любите живопись?

Дэвид, слегка смутившись, быстро нашелся:

— У меня не было времени, шеф. Я изучал математику.

И Кларк мгновенно забыл о Гойе.

— Вот видите — у вас не было времени. За тысячи лет мы пальцем не пошевелинули, чтобы хотя бы потре-

вожить мистическое божество. А сегодня эта мистика, это «неизвестно что» закрыло нам дорогу к дальним звездам, поставило предел нашим знаниям, нашим желаниям, нашей воле. Время загнало нас в скорлупу солнечной системы, повалило на прокрустово ложе длительности человеческой жизни, связало по рукам и ногам стереотипной формулой — «несбыточное»...

— Вы поэт, Кларк, — криво усмехнулся Дэвид.

— Поэт? К сожалению, нет, Горинг. И зря — поэты, по крайней мере, вечно воюют с этим дряхлым богом, вечно бунтуют против него. Но я — физик. Я хочу знать, что это такое, как оно выглядит, это время. Я хочу мять его, рвать, растягивать и сжимать, выпаривать в ретортах. Я хочу согнуть его в дугу для начала...

Кларк так темпераментно показал, как он мнет и гнет в дугу время своими волосатыми кулачищами, что Горингу стало не по себе. Как всякий нормальный человек, он интуитивно побаивался пьяных и сумасшедших.

На террасу вышла высокая смуглая девушка в шортах и цветастом переднике.

— Еще кофе?

Кларк посмотрел на нее сердито, как машинист, вынужденный на полном ходу остановить состав перед неожиданным светофором.

— Нет, не надо. Впрочем, как мистер Горинг.

— Если можно — еще чашечку. Волшебный напиток, мисс...

— Меня зовут Мэгги.

— Дэвид. — Горинг поклонился, подумав, что такой девушке должно быть невероятно скучно в глуши. Мэгги рассматривала его открыто, без тени церемонного стеснения, с легким вызовом. В синих глазах поблескивала все та же кларковская сумасшедшинка.

— Моя дочь, — проворчал Кларк, провожая ее взглядом, совсем не соответствующим тону. — Сладу нет. Угнетает старика...

— Какой же вы старик, шеф? Глядя на вас, невольно

думаешь, что бессмертие вполне достижимая и банально простая штука...

— Ну-ну. Просто время пока побаивается меня. Я не шучу, Горинг. Смотрите-ка сюда...

Кларк вынул авторучку и поискал глазами бумагу. Дэвид торопливо сунул ему свой блокнот. Почерк у Кларка был неровный, буквы и цифры словно гнулись под ветром. Нечленораздельные комментарии физика помогали мало, но Горинг следил за его авторучкой, как кошка за мышью. Вначале Горинг как будто понимал ход рассуждений Кларка, прихотливые кривые его графиков, но потом начались такие дебри, привычные физические понятия соединялись в такие немыслимые сочетания, что Дэвид перестал поддакивать и ошарашенно замолчал.

Мэгги принесла кофе, но мужчины не обратили на него никакого внимания. Кларк взмок, борода его растрепалась. Дэвид сидел, сжав виски ладонями. У него слегка кружилась голова, словно он смотрел вниз с огромной высоты.

А Кларк ломился сквозь математические заросли уверенно, напрямик, оставляя позади обломки поверженных истин.

Наконец он поднял голову.

— Непонятно?

— Все это слишком... — Горинг неопределенно pokrutil пальцами у лба. — Ново, что ли? Вот в этой формуле скорость — бесконечная величина...

— Да.

— Но ведь Эйнштейн доказал, что есть предел скоростей — скорость света. Иначе нарушается закон причинности...

— Господи, вы так ничего и не поняли, Горинг. Закон причинности остается, но в другом качестве. Из диктатора он превращается в слугу. При помощи Петли Времени вы, например, сможете управлять своим будущим с безошибочностью шахматного автомата.

— Каким образом?

— Очень просто. Горинг сегодняшний вызывает к аппарату — назовем его хронофоном — Горинга завтрашнего и беседует с ним. Петля Времени может жить полчаса, и этого вполне хватит вам. Горинг завтрашний сообщает, что у него сегодня, то есть завтра, болит голова, потому что вы вчера, то есть сегодня, не выпили предложенную вам чашку кофе. Надеюсь, вы не хотите, чтобы завтра у Горинга болела голова?

— Постойте, Кларк, но ведь все это, простите, бред, мистика какая-то. Или вы разыгрываете меня?

— Ничуть. Пейте кофе, я вам кое-что нарисую сейчас...

Дэвид выпил кофе залпом, недоверчиво поглядывая на развеселившегося физика. Тот чертил что-то упоенно, по-мальчишески прищелкивая языком. Линии получались кривые, но уверенные.

— Вот вам, Горинг, принципиальная схема такого аппарата. Мечта фантастов первой половины двадцатого века — «машина времени». Правда, путешествовать в ней нельзя — это действительно нарушило бы так любимый вами закон причинности, но для переговоров с будущим она вполне пригодна. Пожалуйста!

Горинг тупо уставился в блокнот.

— И вы действительно верите, что это будет работать?

— Пока — почти уверен, если быть точным.

— И как далеко в будущее может заглянуть этот... хронофон?

— Видимо, это зависит от размеров Петли, а следовательно, — от мощности аппарата.

Кларк наслаждался растерянностью Горинга. Он объяснял эту растерянность новизной идеи, но у Дэвида было другое. Дэвид боялся неверного хода. Его вера в Кларка пошатнулась. Он ожидал увидеть и услышать в Нью-Джерси вещи необыкновенные, но «машина времени»... Это уж слишком. Это просто неприлично, как вечный двигатель. Всякий уважающий себя ученый...

Да что ученый, любой мальчишка расхохочется в глаза, услышав о таких вещах. Может быть, Кларк — маньяк, больной человек, бьющийся над бредовым воплощением бредовой идеи? Тогда — бежать, бежать очертя голову, пока еще не все потеряно, молить, юлить, обливать помоями и Кларка, и его единомышленников, пока ученая Англия не простит отщепенца. Унизительно, но необходимо. И это, кстати, тоже вариант — Дэвиду уже мерещились броские шапки газет: «День в логове лжи», «Горинг обвиняет...»

Нет, пожалуй, еще не все потеряно. Поражение может стать победой.

Горинг повернулся к Кларку. Тот следил за ним добро и серьезно.

— Можете не говорить, Горинг. Я знаю, что вы скажете: маньяк. Ну, даже если не скажете, то подумаете. Нет, дорогой, с этим у меня все в порядке, будь проклята эта земля. Я пошутил. Конечно, хронофон — игрушка, не более, хотя ничего принципиально невозможного в ней нет. Но ради хронофона не стоило ломать столько дров, если он кому и понадобится, то, видимо, только авторам научно-фантастических романов.

Кларк сунул авторучку в карман, пригладил бороду.

— Петля Времени — пока лишь проблеск, первый шаг к приручению бога Сатурна. Возникает столько вопросов, столько проблем, столько невероятных выводов... Словом, темный лес без конца и без края. Все это надо пощупать, проверить, попробовать на зуб... Терра инкогнита — земля неизведанная... Даже мне иногда страшновато становится, честное слово. Но игра стоит свеч, Горинг. Ради этого стоит сломать себе шею.

Дэвид совсем не собирался ломать себе шею, но последние слова Кларка несколько успокоили его. «Погромщик», оказывается, не так уж прост. Кажется, он все-таки крепко стоит на ногах. Надо основательно во всем разобраться. В конце концов, запасной выход — разоблачение Кларка — всегда к его, Дэвида, услугам.

Но если Кларк прав хотя бы наполовину — Дэвид сумеет сделать на нем свою Большую Игру.

Да, игра стоит свеч. «Пострелятивистская теория Кларка — Горинга...» Нет, не так — «Горинга — Кларка». Так звучит значительно лучше. А какой будет великолепный всемирный скандал! Какой щенячий вой поднимут убежденные сединой академики всего мира! И он, Горинг, будет поучать их с трибун симпозиумов и конгрессов...

Голос Кларка вернул его к действительности:

— Словом, располагайтесь. Но учтите — штатных экспериментаторов у нас нет. Ребята выкручиваются сами. Вы работали в электронных лабораториях — это очень хорошо. Значит, опыт у вас есть. Вам придется, кроме всего прочего, самому монтировать схемы, резать железо, варить, строгать, паять и так далее. Понимаю, что каменный век, но — увы...

Напряжение прошло. И как часто бывает, Дэвиду стало вдруг беспричинно весело.

— О'кэй, шеф! Игра продолжается!

— Какая игра? — не понял Кларк.

— Большая, шеф. Большая!

И через десять минут, когда выдавший виды красный горинговский «Хэппи», лихо накреньясь, вылетел на поворот, Кларк сказал дочери:

— Станный парень, этот Горинг.

— Красивый, — сказала Мэгги.

Дог зевнул.

* * *

Дэвид работал иступленно. Тот ценный реактив, которым наделила его природа и который он привык расходовать по каплям, теперь пошел в дело полной мерой.

Это было почище гонок в Бирмингеме. Кларк, жизнерадостный и добродушный на отдыхе, буквально свирепел, когда дело не клеилось. Он носился по отдела

как раненый бык, и горе было тому, кто попадался ему на глаза. Трубным голосом он требовал «идей», обзывал сотрудников бездарями и цифроедами, расшвыривал папки с расчетами и, перевернув все вверх дном, уезжал на сутки, а то и больше в Нью-Йорк, в музей Гугенхейма. Живопись его успокаивала, и он возвращался, тихий и виноватый, снова обходил отделы и извинялся, жалуясь на «старческий маразм». А на следующий день счетные машины снова были от напряжения.

Такие дни в институте назывались «циклонами» и случались не так уж редко. При первых признаках «циклона» срабатывала «служба оповещения», проще говоря, первые жертвы спешили предупредить своих коллег, и сотрудники разбегались кто куда. Пустые кабинеты приводили Кларка в еще большую ярость, и он вымещал ее на папках с расчетами.

«Циклоны» были на руку Дэвиду. Как тень, шел он по следам бушующего шефа и собирал бумаги. Дома он сортировал их: нужные аккуратными стопками ставил на полки, ненужные — выбрасывал. Вскоре дома у него образовалась целая библиотека, о существовании которой не знал никто. Во время отъездов Кларка Горинг подолгу копался в ней, изучал, сравнивал с общими набросками, которые Кларк записал в его блокноте в день их первой встречи.

Еще с детства у него была страсть к жизнеописаниям великих полководцев древности, к их стратегическим замыслам. Он отдал ей дань и сейчас, в его домашнем сейфе появился внушительный журнал с загадочной надписью — «План «Электор». Журнал развития». На первой странице красовалась сложная схема — геометрическая модель кларковской теории, где пустые кружочки означали пока еще неизвестные элементы конструкции, кружочки, наполовину заштрихованные красным, — доказанные, но не проверенные экспериментально, красные — доказанные и проверенные. Здесь же в журнале были схемы попроще, они напоминали графики шахмат-

ных партий — это были еженедельные анализы жизни самого Горинга, его достижений, промахов и действий, ликвидирующих промахи.

Словом, Горинг всегда был начеку. Кларк разбрасывался, метался, отступал и снова бросался в бой как одержимый, а Горинг цепко «сидел на колесе», следил, считал, собирал обломки и ночами, запершись, заштриховывал красным очередной кружок.

Горингу надо было стать «незаменимым» для Кларка, и он настойчиво мозолил ему глаза даже во время «циклонов», стоически перенося взрывы кларковского темперамента. Кларк «приручался» с трудом, но дело шло на лад. Ведь никто лучше Горинга не знал всех извилин проделанной работы, а к прошлому приходилось возвращаться много раз.

Однажды Горинг проделал эксперимент. Он целую неделю не показывался в лаборатории, сказавшись больным. По институту пронесся «циклон», потом другой, но Кларку чего-то не хватало. Наконец он понял и явился к Дэвиду собственной персоной. Дэвид, внутренне торжествуя, ненатурально чихал и кашлял, а Кларк страдальчески скрипел стулом.

Совершенно неожиданно пришлось кстати записки покойного профессора Митчела. О них Горинг вспомнил, когда весь институт бился над проблемой поляризации времени в сверхплотных средах. Дрожащими пальцами Горинг перелистал исчерканные листы и прикусил губу — там было решение.

Он набросал это решение на листке блокнота на глазах у шефа, небрежно присев на край его стола. Кларк долго вертел листок в руках, потом встал и заявил торжественно:

— Я пригласил вас как математика, Горинг. Но я вижу, что до сих пор недооценивал вас. Вы — настоящий ученый, и будет несправедливо, если будущая теория будет носить только одно имя...

— Ну что вы, шеф. Я делаю, что могу. Меня вполне

устраивает роль вашего помощника, — скромно потупил глаза Дэвид.

— Нет, не возражайте. Теория Кларка — Горинга! Ведь неплохо звучит, правда?

«Горинга — Кларка», — поправил мысленно Дэвид и церемонно поклонился, пряча заискрившиеся глаза.

Вначале Горинг пытался завязать дружбу с кем-либо из двадцати сотрудников Кларка, но из этого ничего не получилось. Большинство из них были люди по-кларковски одержимые, с головой ушедшие в свои проблемы и по-детски беспомощные во всем остальном. Они относились к Горингу ровно, без предубеждения, но и без особых эмоций. Они любили работу и умели уважать тех, кто работает. Кое-кто завидовал столь быстрому «вознесению» Горинга, но и они предпочитали помалкивать, видя явное расположение шефа к новому математику. Лучшее всех было у Горинга отношения с оператором Старковским, да и то потому, что Кэрл занимал у него деньги.

Горинг жил в постоянном напряжении, один против всех, и только Мэгги, с которой они часто встречались, как-то скрашивала одиночество. Он не имел на этот счет никаких конкретных планов, хотя знал, что нравится девушке. Просто ему было приятно с ней. В ее присутствии он мог ослабить тиски, в которых держал себя, слегка приоткрыться, дурачась.

Так прошел год. Красные кружочки на схеме Горинга неудержимо ползли вверх, завоевывая белое пространство листа, все ближе и ближе подбираясь к большому «кружку Х», в который должна скоро вписаться изящная, как у Эйнштейна, конечная формула Петли Времени.

Вечерами, смертельно усталый, он падал на тахту, не снимая ботинок, и курил, стряхивая пепел на ковер. Закрыв глаза, он перебирал все происшедшее за день и привычно анализировал каждую мелочь.

Пройдет несколько лет полемики и споров, и новая

теория завоюет мир. Это неизбежно. И тогда будет все то, о чем сегодня можно только мечтать, — и мировая слава, и власть, и деньги, и возможность жить открыто, без этих бесконечных оглядок, комбинаций, расчетов. Игра перейдет в блестящий, великолепный, стремительный эндшпиль. Еще несколько ходов — и жар-птица в руках...

Горинг повернулся на бок, и тахта под ним заскрипела. На лоб легла тяжелая складка.

С Кларком что-то происходит в последнее время. Он стал неразговорчив и скрытен. Редко заглядывает в кабинет, никого не торопит. И «циклона» что-то давно не было. Зато появилась новая страсть — рыбная ловля. Он сидит с удочкой с утра до ночи, а в институте приходится распоряжаться Дэвиду. И это сейчас, когда до конца работы рукой подать.

Вчера, когда в разговоре Дэвид ненароком обронил «наша теория», Кларк как-то странно посмотрел на него и стал рассказывать о рыбалке.

Может быть, Кларк передумал? На него это непохоже. Тогда в чем дело?

Дэвид загасил докуренную почти до фильтра сигарету и сразу же закурил новую.

Да, кажется, хватит сентиментальничать. На Кларка напала нерешительность? Что ж, тем хуже для него. Значит, настал момент вывернуть из-за корпуса «Электора» и вырваться вперед. Любой ценой. Даже если «Электор» после этого окажется в придорожном кювете.

Горинг — Кларк! Только так...

Ему сейчас тридцать пять. Вот уже двадцать лет, как он сознательно и неуклонно делает свою судьбу. Он еще ни разу не ошибся, ни разу не допустил срыва. Он играл наверняка, и игра подчинялась ему. До сих пор он презирал в душе тех, кому не повезло: они просто не знали правил. У них не хватало воли, чтобы сделать задуманное реальностью.

Неужели он спасует теперь?

Осталось немного: решение двух-трех уравнений и вывод конечной, общей формулы Петли. Прочую мелочь Дэвид может доделать сам. Но для этих уравнений и формулы нужна голова Кларка. Здесь не помогут ни отец, ни Митчел. И все-таки надо **ОПЕРЕДИТЬ** Кларка!

Головоломка. Неужели для нее нет решения?

Горинг закурил третью сигарету.

Раздался мелодичный звон видеофона. Дэвид нажал кнопку раньше, чем сообразил, что особой охоты беседовать с кем-либо у него нет.

На экране появилась Мэгги.

— Хэлло, Дэвид! — В глазах Мэгги плясали чертики. — Вы, кажется, обещали мне сегодня вечером прекрасный необитаемый остров? Или вы забываете свои обещания так же легко, как запоминаете ужасные папины уравнения?

Горингу пришлось подчиниться. С Мэгги не стоило ссориться.

«По крайней мере, развеюсь», — подумал Дэвид.

Они сидели у самого края обрыва, на маленьком островке посреди реки. Было прохладно. Дэвид накинул на плечи Мэгги свою куртку. Внизу, в золотых звездах, покачивалось темное тело лодки.

— «И были несовершенны люди ариев, но мощная Ирхиви приняла их на свою ладонь, и добрый Дьяус раскинул над ними голубое сари, и закрыл от взоров их мрачный лик Атмана, вид которого был опасен для смертных, и огненный Сурья раскрыл над ними золотой глаз свой...»

— Как хорошо! Что это, Дэвид?

— Ригведа, или Веда гимнов. Древнеиндусские религиозные гимны. Этим стихам что-то около трех тысяч лет.

— А что было вот здесь три тысячи лет назад?

— Не знаю, Мэгги.

— А что будет через три тысячи лет после нас?

— Не знаю.

— Значит, вы не волшебник. А я люблю волшебников.

— У вас есть знакомые?

— Да. Мой папа. Правда, когда у него хорошее настроение...

— Послушайте, Мэгги, что случилось с вашим отцом?

— Об этом я сама вас хотела спросить. Он стал какой-то унылый, неразговорчивый. Запирается от меня. Ходит на рыбалку, а рыбы не приносит. Я говорю: «Чем ты там занимаешься?» А он мне: «Золотую рыбку, — говорит, — сторожу, да никак не поймаю». А у самого глаза грустные-грустные. Ведь он опять в Нью-Йорк сегодня укатил, к своим импрессионистам.

Дэвид нахмурился.

— А вы точно знаете, что к импрессионистам? Он ничего не брал с собой?

— Что вы имеете в виду?

— Ну какие-нибудь записи, расчеты, схемы?

— Нет, конечно! Я сама его провожала. Зачем ему все это в музей?

— Да-да, конечно. Я просто так, Мэгги... Что-то холодно здесь стало.

— Возьмите вашу куртку. Я согрелась.

— Не надо, что вы. Пойдемте лучше вниз, к воде.

Они сбежали вниз, смеясь и подталкивая друг друга. Мэгги ухватила за куст и склонилась к самой воде.

— Идите сюда, Дэвид. Посмотрите!

Из глубины реки на них смотрели два нереальных, бледных лица с темными провалами вместо глаз. Дэвид слегка обнял девушку за плечи. Мэгги не отодвинулась, хотя Дэвид чувствовал, как напряглось ее тело. Она по-прежнему смотрела на воду.

— Никак не могу вас понять, Дэви. — Мэгги спрятала лицо в отворотах куртки, голос ее зазвучал глухо. — Кто вы такой? Вы совсем непохожи на других.

Вы слишком замкнуты. Отец говорит, что у вас умная голова, а мне *кажется*, что вы несчастны...

— Несчастен? — Горинг искренне удивился. — Почему же несчастен?

— Не знаю. Одинокий вы какой-то... Застывший... Лицо Мэгги вынырнуло из куртки, и глаза ее матово блеснули у самых глаз Горинга.

— Я, например, совершенно не могу представить, каким вы будете лет через пять или десять...

Горинг притянул Мэгги к себе, пытаясь поцеловать ее. Мэгги несильно, но твердо уперлась руками ему в грудь, пряча лицо.

— Не надо, Горинг. Я серьезно. Не грубите, пожалуйста. Это вам не идет. Смотрите лучше на воду — это успокаивает.

Горинг нехотя отпустил девушку. Они оба снова склонились над водой — лицо к лицу.

— Говорят, если загадать желание и долго-долго смотреть на ночную воду, то можно угадать будущее...

Горинг рывком выпрямился. Мэгги от неожиданности вскрикнула и едва не оступилась в реку.

— Хронофон... — чуть слышно прошептал Дэвид, дико тараща глаза в темноту. — ХРО-НО-ФОН! — заорал он во весь голос, и гулкое эхо над рекой дважды повторило непонятное слово, как будто запоминая его.

— Бешеный, — убежденно сказала Мэгги, оправившись от испуга. — Все вы здесь бешеные. Прямо сумасшедший дом какой-то.

— Домой, Мэгги, домой. Скорее домой, — приговаривал Дэвид, почти насильно заталкивая ее в лодку. Куртка соскользнула с плеч и упала в воду. Мэгги попыталась поднять ее, но Дэвид уже включил мотор.

Лодка летела по реке как ошалевшая черная птица. Водяная пыль двумя шлейфами дрожала по обе стороны лодки, но Дэвид все нажимал и нажимал на выведенный до отказа регулятор скорости.

Мэгги ничего не понимала и только крепче держа-

лась за поручень, пытаюсь прикрыть лицо ладонью от мокрого резкого ветра. Она даже обрадовалась, когда Горинг не стал провожать ее до виллы. Ее бил озноб то ли от холода, то ли от испуга.

Дома Дэвид подошел к зеркалу. Рубашка промокла и прилипла к телу, ботинки хлюпали, с брюк на пол стекала вода.

Дэвид вытер лицо ладонью и подмигнул своему отражению:

— Кажется, кто-то хотел поставить нам с тобою мат, старина? Клянусь всеми собаками Нью-Джерси, о нас плохо думают...

И он уже спокойно переоделся, причесался, высушил волосы феном и сел за рабочий стол.

План был неожидан, фантастичен и прост.

В эту ночь окно в кабинете Дэвида Горинга светилось до самого восхода солнца.

* * *

Мощное шестиэтажное чрево «Сатурна» алчно гудело. Главный электронный мозг института глотал перфокарты, как динозавр — хрустящие хлебцы. Оператор Кэрол Старковский, в белом халате и в белой шапочке, блаженно улыбался. Для него «Сатурн» был вполне живым существом, только очень большим и очень беспомощным. И не было для Кэрола большего счастья, чем баловать и холить своего любимца.

Старковский еще раз прислушался к гудению машины, и лицо его стало озабоченным.

— «Сатурн» устал, док, ему надо отдохнуть...

Горинг кивнул:

— Ладно, пусть отдыхает. А ты, Кэрол, посмотри-ка, пожалуйста, эту штуку...

Кэрол облегченно защелкал большими и маленькими выключателями, повернул главный рубильник, зачем-то вытер руки о халат и, еще раз цепко оглядев пульт, подошел к столу Дэвида.

— Схема?

Глаза оператора мгновенно вспыхнули азартом. Он быстро нагнулся над столом, словно переломился — длинное худое тело образовало почти идеальный прямой угол.

— Ничего не понимаю, — недоуменно поднял он голову, не меняя позы. — Что это за тарабарщина?

— Сам не знаю, — ответил Дэвид, не отрываясь от папки с расчетами. — Один мой старый знакомый по электронной лаборатории — фирма «Виккерс», слышал, наверное, — так вот он носился с какой-то оригинальной идеей. Лаборатория секретная, сам понимаешь — от них много не узнаешь. Но у него туговато с электроникой. Эта штуковина никак не хочет работать. Я вспомнил о тебе и обещал ему помочь. Ты ведь собаку съел на этом, не правда ли?

— Но должен же я знать, что это за электрогалиматя? Может, ваш знакомый того? — Кэрол выразительно покрутил пальцем у виска.

— Может быть... — По лицу Горинга пробежала тень. — Но ему нужно, чтобы работала именно эта схема. Он очень проеил, понимаешь?

Кэрол недовольно хмыкнул, и на пятнадцать минут все окружающее перестало его интересовать. Он что-то бормотал, чертыхался, сначала довольно зло, натываясь на непонятные места, но постепенно упоминания о черте звучали все более и более дружелюбно, пока не перешли в удивленно-одобрительное мурлыканье.

Дэвид с головой ушел в свою работу и, казалось, забыл о Кэроле.

— А ваш знакомый не дурак, — сказал наконец оператор. — Не знаю, зачем это нагромождение всяких чудес, но у него есть прелюбопытные находки... Да... Вот этот преобразователь просто чудо... Забавно... Знаете, док, я возьму это домой, ладно? На ходу тут не разберешься...

— Домой? М-да... Домой... Ты уверен, что это так сложно?

— Конечно, док, сюда столько напихано!

— Ну... Ладно, бери домой. Только, чур, никому ни слова — сам понимаешь, государственная тайна, с этим не шутят. — Дэвид потянулся, закинув руки за шею, чуть насмешливо посмотрел в глаза оператору. — Я ведь сам ничего в этом не понимаю, Кэрол.

— Будьте спокойны, я...

Кэрол не договорил. За дверью раздался рев. Через секунду створки тяжелых, покрытых металлопластиком дверей с треском разлетелись в стороны, и на пороге, подобно демону бури, возник Кларк. Дело явно пахло старым добрым «циклоном», причем весьма основательным.

Оператора как ветром сдуло. Горинг невозмутимо поднял глаза на шефа.

Кларк задыхался. Его трясло. От ярости он не мог вымолвить ни слова, а только мотал головой и мычал.

— М... м... мальчишка! — выговорил он наконец. — Что это значит? Что это за бред? Вам что, голову наекло? Что это такое?

Волосатый кулак со скомканными бумагами оказался перед самым носом Горинга.

— Что это такое, я вас спрашиваю? Вы разучились считать?

Дэвид смотрел на скомканные бумажки и медленно бледнел. Наступал самый решительный момент.

— Будь проклята эта земля, вы что, оглохли? Или это забастовка? Я вас спрашиваю...

— Хватит!!!

Кларк опешил. Он стоял и во все глаза смотрел на белого, как бумага, Горинга.

Когда Горинг заговорил, его голос был хриплым от ненависти:

— Да, это забастовка, Кларк. Больше — это пощечина, примите ее. Я не могу больше потакать вашим

прихотям. Не для того я приехал в эту дыру. Вы обещали мне интересную работу, а теперь, когда она подходит к концу, когда требуется последнее усилие, чтобы родилась теория, равной которой не было со времен Эйнштейна и Дирака — наша теория, вы сами говорили это не раз, — так вот теперь вы посиживаете с удочкой на бережку и философствуете с рыбками.

Дэвид с хорошо разыгранным возмущением отошел к окну, так, чтоб солнце било Кларку в глаза, а его собственное лицо оставалось в тени. Кларк, жмурясь, хотел что-то сказать, но Дэвид жестом остановил его.

— Зачем вам эти никчемные расчеты, что вы мне подсунули вчера? Для отвода глаз? Для оправдания собственной беспомощности?

— Горинг, вы несете чушь несусветную...

Кажется, проняло. Отлично. Дэвид сложил руки на груди.

— Нет, Кларк, сознайтесь честно — вам не под силу этот последний бросок. Вы состарились, вы устали, вы просто не хотите в этом признаться даже самому себе.

Удар попал в цель. Кларк сник.

— Да нет же, Горинг, тысячу раз нет...

— Тогда в чем дело?

— Не знаю сам пока, но у меня такое чувство...

— Кларк, сейчас нужны не чувства, а работа. Неистовая работа. Нельзя поручиться, что этими проблемами заняты только мы. Что, если кто-то успеет раньше нас? Я беспокоюсь не о себе, а о вас. Ведь вы сами останетесь у разбитого корыта со своим средневековым институтом, который продадут за долги...

При упоминании о долгах Кларк опустил голову, резко обозначились морщины на его лице.

— Может, ты и прав, Горинг. Не знаю. Мне и самому не хочется тянуть. Но не могу же я спускать на воду корабль, пока не уверюсь, что он не даст течь...

— Вы разуверились в теории?

— Нет, будь проклята эта земля. Но мне надо подумать. Может, это действительно старческий маразм, но мне что-то не нравится. Не знаю, в чем... Дай мне срок, Дэвид. Я разберусь во всем сам. Клянусь, я расскажу тебе первому обо всем и до конца. Не думай обо мне плохо...

Дэвид отвернулся, чтобы скрыть победную улыбку. Сцена явно удалась. Голос Кларка гудел виновато, где-то на необычно мягких, бархатных басах. Итак, первый этап «большого обгона» прошел безукоризненно. Осталось самое важное — узнать ВСЕ, что придумает Кларк, **РАНЬШЕ** самого Кларка.

Интересно, сколько провозится Кэрол со схемой?

Дэвид отошел от окна.

— Я просто устал, шеф. Сам не знаю, что говорю. Извините меня. Я погорячился...

Кларк как-то неуверенно положил руку на плечо Горинга.

— Ничего, сынок. Я понимаю. У меня тоже такое бывает. Я сам виноват. Накричал на тебя... Ты не сердись. Все мы здорово устали за последнее время.

Интересно, сколько провозится Кэрол со схемой?

— Шеф, как вы посмотрите на то, что я недельку посижу дома? У меня совсем отупела голова. Надо проветриться. Да и нервы сдают...

Кларк без всякого энтузиазма потеревил бороду и ответил:

— Ладно, Дэвид. Мы, к сожалению, не роботы. Отдыхай. Но... В общем, если тебе что-либо придет в голову, захочется посчитать — «Сатурн» к твоим услугам. Вот тебе и ключ. Занимайся хоть ночью.

Губы Горинга чуть дрогнули. Он, судя по всему, родился под счастливой звездой. Удача сопутствует сильным! Кларк не ведает, что творит...

— Шеф, у меня что-то барахлит видеофон. Нельзя ли взять на базе новый? Или хотя бы экран...

— Ну что ты спрашиваешь, Дэвид? Конечно! Скажи

Вилли, что я разрешил тебе брать с базы все, что заблагорассудится.

— Спасибо, шеф.

Горинг проводил Кларка до двери, придерживая за локоть, как больного, осторожно закрыл за ним тяжелые звуконепроницаемые створки.

* * *

Кэрол пришел через три дня. Он долго возился в передней, нарочито медленно снимая плащ и причесываясь. Но когда он вошел в комнату, даже его длинный нос сиял от плохо скрытого торжества.

— Ну и задали вы мне задачку, док. Клянусь «Сатурном», даже Кембриджский электроцентр выдал бы вам полный ноль. Заставить работать эту схему могла только нечистая сила, да и то если бы она была в хорошем настроении.

Кэрол расстелил на столе тщательно перечерченную схему и ткнул длинным пальцем с обломанным ногтем в правый угол.

— Вся загвоздка вот в этом блоке. Ваш знакомый слишком многого хочет от современных полупроводников. Они не могут работать в таком бешеном режиме. Первые же биения такой пульсации превращают их в простые железки. А железки, как известно, ничего не могут дать, кроме короткого замыкания.

Горинг стоял над схемой, упершись руками в стол, и нервно покусывал губы. Такой вариант никак не входил в его планы.

— Выход есть, кажется. Здесь надо поставить не один, а целую цепь блоков. Я вот набросал здесь, посмотрите. Такая каскадная штуковина сможет проработать минут пять...

— Пять? А потом?

— А потом — КЗ, короткое замыкание, если не выключить...

— Не пойдет. Мне нужно хотя бы полчаса...

Дэвид осекся, поняв, что проговорился. Но Кэрол ничего не заметил. Его наивная душа витала в ином измерении, где не было добра и зла, а только хитросплетения сопротивлений, транзисторов, конденсаторов и трансформаторов. Горингу понадобилось всего лишь мгновение, чтобы прочитать это в близоруко открытых глазах оператора, и он успокоился.

— Но может быть, надо просто увеличить количество блоков?

— Боюсь, что нет, док. Если их будет больше, то они просто-напросто будут гасить вашу пульсацию, и выходные параметры будут раза в три ниже.

— Нет, это не пойдет. Параметры на пределе.

— Не знаю, не знаю... Конечно, если... Впрочем, их не достать...

Старковский мялся, и это не ускользнуло от Дэвида.

— Кэрол, ты же голова. Что ты можешь предложить?

— Есть полупроводники, которые выдержат полчаса. Но они импортные, советские. Их не достать...

— Но, Кэрол!

Старковский страдал. Он переводил взгляд со схемы на свой потрепанный портфель и обратно. Нос его становился все печальнее и печальнее.

— Видите ли, док, у меня есть несколько штук. Вилли привез их для меня чуть ли не контрабандой. Но...

Серый переплет чековой книжки в руках Дэвида сверкнул, как нож.

— Сколько?

Старковский с тоской поднял глаза на Горинга.

— Я не в том смысле. Я купил их для «Сатурна»...

— «Сатурн» чувствует себя отлично и может подождать. Итак, сколько?

— Я купил их у Вилли за пятьсот долларов...

Чек оторвался с треском электрического заряда.

— Здесь тысяча долларов.

Оператор покраснел до корней волос и взял чек. По-

том вытащил из портфеля небольшой пакет и подал Горингу. Рука его заметно дрожала.

— Только не подумайте плохого, док. У меня болеет жена, а на лечение нужны деньги. Иначе бы я ни за что...

— Ладно, ладно, Кэрол. Спасибо тебе за помощь. Ты сам не представляешь, какую услугу ты мне оказал.

— Надеюсь, ваш знакомый будет доволен. Передайте ему привет от меня. Он, видимо, башковитый парень.

— Обязательно передам.

Дэвид задумчиво разглядывал содержимое пакета. Там лежала куча белых трубочек, похожих на мелкую лапшу. Он взял одну из них и поднес близко к глазам, разглядывая красную надпись: «USSR. Krasnojarsk».

— Красноярск... Ты уверен, что они выдержат полчаса?

— Абсолютно точно, док. Отличная работа. Совершенно новое решение. Я сам проверял — работают, как ангелы.

— Ну, спасибо, старина. Я в долгу перед тобой.

Когда Старковский ушел, Горинг подошел к стене и нажал что-то в левом нижнем углу большого синтековра. Ковер бесшумно ушел в стену, открыв проход в смежную комнату.

В углу под двумя сильными рефлекторами стоял большой стол, на котором громоздилось паукообразное устройство с тускло поблескивающим экраном видеофона вместо глаз. От него тянулся кабель потоньше — там, у окна, закрытого частым жалюзи, на высокой черной треноге покоилось нечто, весьма похожее на механического спрута: металлический пузырь с радужными разводами недавней сварки, у входного отверстия которого дрожали при малейшем движении воздуха длинные щупальца пружинных антенн.

Дэвид бросил на стол схемы, принесенные Кэролом, положил рядом пакет с полупроводниками и несколько минут стоял в задумчивости. Потом быстро снял мяг-

кий домашний халат и бросил его на спинку стула. Под халатом оказался комбинезон, в нескольких местах прожженный кислотой.

Пододвинув поближе манипулятор с инструментами, Горинг погрузился в работу. Две огромные черные тени метнулись в противоположные углы комнаты и застыли, как на карауле.

* * *

Вечерело. Красные полосы заходящего солнца, прорываясь между редкими деревьями институтского парка, висели параллельно земле. Окна кларковской виллы плавилась и пылали, и зыбкие лучи словно связывали их с огромным багровым шаром, гаснущим на горизонте.

Традиционный вечерний кофе остывал. Кларк, видимо, забыл о нем. Откинув голову на высокую спинку соломенного кресла, он, прищурясь, смотрел на солнце. Его борода отливала каким-то странным пурпурно-фиолетовым огнем, обрамляя продубленное временем и ветром лицо. Дог лежал рядом, положив голову на лапы, и тоже смотрел на пылающий край неба, изредка помаргивая густыми белыми ресницами.

Мэгги вошла неслышно и стала убирать со стола.

— Не надо, Мэгги. Пусть стоит.

— Ты меня напугал. Я думала, что ты пригрелся на солнышке и спишь.

— Нет, Мэгги, я не сплю. Я думаю, будь проклята эта земля...

Любимое кларковское «будь проклята эта земля» имело тысячу оттенков. Оно могло означать что угодно, кроме своего прямого смысла. Бурные раскаты «пиратского проклятия» гремели неистребимой радостью жизни в институтских коридорах и лабораториях, в городской толчее, в зеленом смеющемся чуде весеннего леса, навстречу молниям приближающейся грозы. Оно

звучало то гневом, то удивлением, то заразительным весельем. Но сейчас в этой фразе проскользнула горечь, и Мэгги сразу уловила ее.

— О чем же думает мой гениальный па?

— Я сделал великое открытие, дочь моя.

— Даже так?

Мэгги присела на подлокотник кресла, прижалась к отцу, запустила, как в детстве, пальцы в его полуседы вихры.

— Да, Мэгги. Я понял наконец, то, что давно мучило меня. Последний год мы с настойчивостью идиотов стучались в глухую стену, не подозревая, что дверь находится где-то совсем в другой стороне. Так что все это, — Кларк положил руку на толстенную кипу записей, — все это придется отправить в регенератор и начинать сначала...

— Сначала? Но Дэвид говорил, что работа практически закончена!

— Дэвид... Дней пять назад он мне такую истерику закатил, я не знал, что и делать, что говорить. Мне уже тогда было ясно, что дело пахнет крахом, но он так верит в Петлю Времени... Я просто спасовал. Тем более что у меня у самого еще теплилась надежда...

— Так никакой Петли Времени не существует?

— Существует, но черт знает что. Сначала ЭТО действительно ведет себя, как Петля, но потом... Потом начинается какая-то чертовщина... Воронка или труба — одному богу известно...

— Богу Сатурну? — лукаво улыбнулась Мэгги.

— Нет уж, дудки. Этому богу я не дамся. Я полезу в эту трубу и узнаю, куда она ведет, будь проклята эта земля! Просто мы дали маху. Мы плыли по поверхности, пытаюсь управлять течением, а надо лезть в глубину. Надо браться с другого бока. Понимаешь, пространственная инверсия минус-времени...

Мэгги закрыла ладонями рот отцу.

— Перестань, я все равно ничего не пойму. Раз ты

так говоришь, значит, это правильно. Ты у меня умница. Ты ведь все равно добьешься своего, ведь правда?

— Конечно, детка!

Кларк поднял Мэгги на руках и подбросил под самую крышу веранды. Мэгги охнула и снова очутилась в могучих отцовских объятиях.

— Ну перестань, папа,пусти, я же не маленькая! Кларк опустил Мэгги на пол.

Последний луч солнца погас, а с ним погасла до темного золота борода Кларка. Он продолжал смотреть на быстро темнеющий горизонт и чему-то улыбался.

— Знаешь, мне иногда кажется, что я бессмертен.

— Конечно, милый ворчун, как же иначе!

— Нет, Мэгги, я серьезно. Смерть — это когда человек выходит из игры. Когда наступает его предел, его потолок. А у меня всегда только начало. Я не могу уйти, потому что у меня слишком много дел на этой земле. Что будет без меня? Сплошное безобразие. Я уверен. И главное — Сатурн еще неизвестно сколько без всякого зазрения совести будет отбирать у людей все, что они с превеликим трудом создают, будет бессовестно заглатывать их самих, их мечты, их надежды, налагать непреложное вето на их великие стремления... Нет, такую роскошь, как смерть, я пока не могу себе позволить. Придется быть бессмертным. Ты не возражаешь?

— Нисколечко!

— Ну и отлично. Еще мой уважаемый оппонент Альберт Эйнштейн говорил... м-м-м... дай бог память... да! «Для нашей работы необходимы два условия: неустанная выдержка и готовность выбросить за борт то, на что ты потратил много времени и труда».

— Папа, сегодня ты просто великолепен!

— Только вот для Горинга это будет тяжелый удар. Он, конечно, человек со странностями, но отличный математик. Правда, на него иногда словно затмение на-

ходит: становится неожиданно туп, как пробка, и не понимает своей собственной вчерашней идеи... Впрочем, дело не в этом. Он поймет, надо только как-то поосторожнее ему все объяснить. Жаль разочаровывать, а придется. Я обещал рассказать ему первому... Сегодня звонил ему, но он, видимо, не наладил еще свой видеофон... Кстати, ты давно его видела?

Мэгги отошла к перилам, сразу погрузившись.

— Давно. Неделю назад.

— Вы с ним поссорились?

— Нет. Ты лучше не спрашивай, па. Мне самой надо разобраться. Кажется, я тоже скоро сделаю открытие, что все-все надо начинать сначала. Я не понимаю ни его, ни себя...

— Ну ничего, дочка, это пустяки. Надо только хорошо подумать.

— Это не пустяки, конечно. А думала я много. Только ничего толкового не придумала. С ним легко и просто проводить время, он умеет развлекать, но с ним... страшно.

— Глупости, дочка. Он просто замкнутый человек.

— Нет, па. Ты видишь его только на работе, а я... Что-то темное в нем, какая-то тайная недобрая сила. Словно два человека в одном — один снаружи, другой внутри. Кто он внутри?

— Серый волк, дочка, серый волк. Поверь старому бродяге — внутри каждого мужчины сидит серый волк. Выше нос, юнга, — и свистать всех наверх!

Мэгги замолчала, глядя на разгорающийся звездный костер. Кларк залпом выпил холодный кофе, шумно причмокнул и шелкнул дога по носу. Дог встал, отошел метра на два в сторону и демонстративно медленно улегся в прежней позе, с философским презрением отвернувшись от хозяина.

— А что вы скажете относительно небольшой прогулки, мисс? Или такой кавалер, как я, вас не устраивает?

В голосе Кларка снова проснулись могучие раскаты моря.

Мэгги сразу повеселела.

— Такой — устраивает!

Она подхватила отца под руку и потащила вниз, к синееющим аллеям.

Дог хотел подняться и идти за хозяином, но потом, видимо вспомнив обидный щелчок, передумал, улегся поудобнее и закрыл глаза.

* * *

Горинг закончил работу за полночь. Он сгреб в кучу весь хлам, накопившийся на столе, и смахнул вместе с инструментами в ящик. Потом достал сигареты и с наслаждением закурил.

Итак, всемогущая Петля Времени, вызванная к жизни Кларком, поменяла хозяина. Сегодня она будет работать на Горинга. Время, скрученное в Петлю аппаратом, принцип которого так неосторожно набросал Кларк в горинговском блокноте в день их первой встречи, будет сказочным джинном, покорно выполняющим его, Дэвида, волю.

Дэвид ласково погладил неровное, с бугорками от пролитого сплава, ребро хронофона. Нет, это поистине гениально — придумать такой фантастически простой и совершенно невероятный по сути своей план. Горинг сегодняшний с помощью вот этого аппарата вызовет Горинга будущего. Горинг будущий, конечно, уже будет знать Формулу — ведь будущий Кларк ему первому сообщит ее, выполняя обещание Кларка прошлого. Горинг будущий сообщит ее Горингу сегодняшнему, и Горинг сегодняшний будет знать ее РАНЬШЕ Кларка сегодняшнего. Великолепная Петля! Великолепный финал великолепной игры! Гонка подходит к концу — будьте добры посторониться, милейший «Электор». Ваша мис-

сия выполнена. Впереди — Горинг! Трибуны рукоплещут...

А может быть, вообще Кларка — в кювет! Ведь Формула в руках... Поделом ему — пусть не будет таким рохлей. Удача сопутствует сильным!

«Формула Горинга!» Это звучит как фанфары...

Медлить нечего. Можно начинать испытания этой адской машины. Как поведет себя джинн, вылезая из бутылки?

На Горинга неожиданно напала какая-то оторопь: ему показалось, что он спит и никак не может проснуться. И что вся эта мрачная комната, и Кларк, и цепочка уравнений, и нелепый железный паук на столе — не более как наваждение, причудливый всплеск кошмара. Но это продолжалось лишь мгновение, и прежняя твердость снова вернулась к нему.

Дэвид пододвинул к себе НЭМ — настольный электронный мозг. Это была старая модель с клавишами и без диктофона — современные модели принимали задания с голоса, «слышали» хозяина. Когда Дэвид поморщился, принимая эту рухлядь с базы, разбитной Вилли бодро острил: «Берите, док, все равно других нету. А этот хоть глух, а НЭМ».

Прибор был, в общем-то, надежный, но неумная фантазия конструкторов придала ему довольно-таки бредовый вид: корпус имитировал человеческий череп, в котором клавиши были на месте зубов, а сигнальные лампочки прятались в глазницах. Работать с таким прибором — особенно ночью — было как-то не очень весело.

Однако развеселый череп сейчас не очень смущал Дэвида, наоборот, в нем была какая-то пикантность, соответствие духу момента. Он откинул заднюю крышку черепа, покопавшись, вытянул два зеленых проводка и присоединил их к хропofону. Потом поднял жалюзи и пододвинул ближе к окну треногу, направив отверстие металлического пузыря прямо в звездное небо. Оглядев

систему и убедившись, что все в порядке, он включил рубильник.

По комнате прошло едва уловимое движение — это качнулись и заколебались стрелки многочисленных измерительных приборов. Горинг сел за стол и включил хронофон.

Экран засветился зеленоватым светом, и на нем появилось изображение. Это было точное зеркальное изображение Горинга, и оно повторяло его движения с тщательностью обыкновенного зеркала. Они сидели друг против друга — Горинг у экрана и Горинг на экране — и внимательно разглядывали друг друга.

Дэвид нажал несколько клавиш НЭМа, который подмигнул ему зеленым глазом, докладывая, что задание принято, и повернул чуть-чуть вправо регулятор Петли.

По экрану пробежали многоцветные полосы. Механический спрут у окна ожил: его антенны-щупальца потянулись за окно, к звездам, из отверстия высунулся острый кроваво-красный язык. В комнате повис глухой низкий звук, который становился все выше, словно кто-то перебирал клавиши органа. Кровавый язык желтел и удлинялся и тянулся в небо, меняя цвета, пока не превратился в узкий фиолетовый луч, который с легким хлопком скоро исчез совсем. Щупальца антенн вытянулись до предела и почти касались друг друга, словно спрут стремительно плыл в невидимом море.

Стало тихо и темно. Светились только шкалы приборов и экран. Рябь на экране таяла, из-под нее проступало изображение. Это тоже был Горинг, но уже не зеркальный — в отличие от Горинга у экрана, сгорбившегося, как рысь перед прыжком, Горинг на экране что-то кричал, поднимая обе руки вверх.

Аппарат работает! Хотя пока всего на несколько секунд вперед, но хронофон показывает БУДУЩЕЕ! Горинг, торжествуя, заорал что-то нечленораздельное и победным жестом вскинул обе руки вверх.

В это время картинка на экране показывала уже

другое: Дэвид с лицом серьезным и напряженным поворачивал регулятор Петли.

В душе Горинга все пело и клекотало. Ему хотелось обнимать и целовать своих электронных чудищ, и даже зеленоглазый череп НЭМа казался ему олицетворением галантности и красоты.

Однако дело есть дело — эмоции потом. Дэвид по-серьезнел и взялся за регулятор — надо расширить Петлю, поглубже заглянуть в будущее.

Он перевел регулятор сразу на три деления. Изображение снова свело цветовой судорогой, и на экране возник Горинг в плаще с чемоданом в руках.

Дэвид удивленно поднял брови: куда это он собрался? Несколько секунд он в замешательстве рассматривал свое изображение, явно направляющееся к дверям, потом, чертыхнувшись на себя за забывчивость, включил переговорное устройство.

— Ты куда? — спросил он Горинга будущего.

Горинг будущий вздрогнул, как будто кто-то разрядил под самым его ухом кольт. Он оглянулся и, лишь встретившись глазами с Дэвидом у экрана, облегченно передохнул и попробовал улыбнуться:

— Ух! Так с непривычки инфаркт получить можно... Куда иду? Ну, разумеется, — к «Сатурну»...

— К «Сатурну»? — не понял Дэвид у экрана.

— Конечно, дорогое мое прошлое, — Горинг будущий уже ухмылялся.

Голос из будущего звучал глухо и вместе с тем гулко, как в развалинах древнего храма. Дрожь пробежала по телу от его потусторонней вибрации.

«Зачем...» — хотел спросить Дэвид, но не успел: раздался сухой резкий треск, и экран погас. НЭМ подпрыгнул и задымился. Его зеленый глаз потух и загорелся красный — сигнал аварии. Щупальца антенн разошлись в стороны с воющим стоном, и механический спрут, взвизгнув, проглотил свой вновь появившийся багровый язык.

В комнате запахло гарью.

Дэвид одним прыжком очутился у стены и рванул рубильник. Стрелки приборов качнулись и замерли на нуле.

Горинг прислонился к стене. Что случилось? Неужели Старковский надул его?

Пластиковый череп смотрел в пространство погасшими глазницами. Над ним висел легкий голубоватый дымок.

НЭМ?

Дэвид щелкнул застёжками и открыл верхнюю крышку электронного мозга. В нос ударил едкий запах обгоревшей проводки. Драгоценные рубидиевые микрокапсулы сплавилась в сплошной ком, по черным гроздьям сгоревших транзисторов еще перебегали колющие злые огоньки.

Вот в чем дело! Просто электронный мозг не выдержал нагрузки, «свихнулся» бедняга от напряжения, от сумасшедшей смены противоречивых команд, которые давала ему Петля.

— Бедный Йорик!

Дэвид поднял в руке пластиковый череп, пародируя Гамлета. Несмотря на кажущееся спокойствие, он был взвинчен до крайности. Он не ощущал усталости, хотя работал уже двое суток без передышки. Он не чувствовал собственного тела: только чуть покалывало сердце, давая знать о выкуренных сигаретах и выпитом кофе. Мысли летели легко и стремительно, как призраки в страшном сне.

Что-то делает сейчас Кларк? Видимо, спит на террасе, закутавшись в двойной стеганый плед, запутавшись в своих разносторонних теориях и сентиментальных моральных канонах. Спит и не знает, что его покорный ученик стал всевластным Повелителем Времени и что его, Кларкова, карта — бита.

— Бедный Йорик!

Дэвид не без труда вернулся из сияющего

завтра к неотложному сегодня. Череп в его руке еще дымился.

— Типичный инсульт, как говорят медики. Человек и машина — все смертны. А посему — адье, дорогой друг!

И Горинг ловким броском отправил отслуживший службу НЭМ в ящик с хламом.

Однако что же делать дальше? Как сказал Горинг будущий? «Куда иду? Ну, разумеется, к «Сатурну»...» Гм... Попахивает мистикой. Впрочем... О господи!

— «Сатурн», а не Сатурн!

Конечно, «Сатурн»! Как он сразу не догадался! Ведь еще тогда Кларк говорил, что размер Петли будет зависеть от мощности прибора, «Сатурн» — вот это голова!

Горинг стал лихорадочно упаковывать хронофон в чемодан. Это оказалось делом нелегким. «Паук» вошел сразу, но щупальца «спрута» с визгом вырывались из-под крышки, несколько раз ударив Дэвида в лицо. Дэвиду пришлось провозиться минут пятнадцать, прежде чем закрылся замок чемодана.

Дэвид почувствовал, что смертельно хочет есть. Но медлить было нельзя. Он достал из холодильника ветчину, сделал наспех несколько бутербродов и сунул их в карман плаща. Туда же отправился и термопакет с горячим кофе.

Ну, кажется, все. Ах да, ключ. Какая удача, что Кларк сам предложил ему ключ от «Сатурна»!

Дэвид открыл сейф, достал ключ. Впрочем, ключом это замысловатое изделие, напоминающее увесистый лучевой пистолет, можно было назвать, только обладая фантазией Старковского. Старковский в свое время отказался от всякой охраны «Сатурна», явно не доверяя бдительности сторожей, а еще больше — элементарности пяти чувств. Его питомец нуждался, по его мнению, в глобальной охране, и он придумал нечто совсем неожиданное — какой-то чудовищный «мыслящий» суперключ на микротранзисторах, который основательно «задумывался» даже перед тем, как открыть дверь озона-

тора или душевой. Кларк тогда долго ворчал, но потом неистребимая любовь к чудакам победила, и Старковский получил разрешение.

Теперь безлюдье «Сатурна» было только на руку Горингу. Дэвид с усмешкой повертел тяжеленный «волшебный ключик» и сунул его за пояс комбинезона.

Теперь — вперед!

— Ты куда?

Горинг вздрогнул, словно кто-то разрядил под самым его ухом кольт. Он оглянулся, и первое, что он увидел, было ослепительно белое колесо, висящее над столом. Сначала центр колеса был сплошным черным пятном, но вот, бешено вращаясь, колесо превратилось в голубой обод, который постепенно мерк, а из черного пятна в центре стало вырисовываться лицо, словно материализуясь из цветного тумана.

Горинг узнал в полупрозрачной голове себя прошлого. Он облегченно передохнул и попробовал улыбнуться:

— Ух! Так с непривычки инфаркт получить можно... Куда иду? Ну, разумеется, — к «Сатурну»...

Лицо Горинга прошлого вытянулось.

— К Сатурну? — удивленно и испуганно спросил он.

Дэвиду стало смешно. До чего же глупо и нелепо выглядел этот Горинг прошлый! Удивленная и беспредельно тупая полупрозрачная физиономия с нимбом вокруг головы вдобавок. Ни дать, ни взять — святой великомученик. И голос — глухой и гулкий одновременно, как в развалинах древнего храма. Прямо потусторонний дух.

— Конечно, дорогое мое прошлое, — ухмыльнулся в ответ Дэвид.

Неожиданно Горингу пришла в голову забавная мысль: а что, если библейские легенды о громе среди ясного неба, о глухом и гулком голосе среди туч, вещающем засуху или мир, явления святых с нимбами вокруг головы — что, если все эти сказки — правда? И что все это — сеансы хронофонной связи через века

из будущего, в котором, естественно, все будут знать и формулу Петли, и устройство хронофона? Значит, наша «свобода воли» — блеф, и мы живем в причинно-следственном ключе, уготованном для нас нашими потомками? Неужели...

Кольцо с головой Горинга вдруг с грохотом взорвалось, превратилось в колонну синего света, настолько яркого, что Дэвид зажмурился. Уши заложило тянущим душу свистом, который через секунду стих, достигнув нестерпимой высоты.

Когда Дэвид снова открыл глаза, в комнате царили покой и тишина. Ничего не изменилось: стол и стул стояли на месте, приборы смирно висели на стенах. Дэвид с чемоданом в руках обошел всю комнату и никаких изменений не обнаружил.

— Видимо, наша уважаемая Петля обожает фейерверки и шумовое оформление, — процедил он сквозь зубы. — Что ж, учтем. У джиннов тоже должно быть свое хобби.

Однако настроение у него упало. Он с детства не любил непонятное и таинственное. Может быть, отложить все на завтра?

А если именно завтра Кларк выведет формулу? Тогда...

Горинг представил себе задний бампер «Электора», на огромной, уже недостижимой скорости уходящий от него все дальше и дальше в голубизну автотрассы...

Нет! Сегодня — или никогда.

Горинг шагнул к двери.

Если бы он оглянулся, то наверняка заметил бы прямо над столом в потолке маленькое отверстие, похожее на пулевое.

* * *

Кларк проснулся от сильнейшего удара грома.

Он открыл глаза и снова зажмурился. Даже сквозь закрытые веки бил яростный синий свет. Это не могло быть молнией — свет был постоянен.

Кларк рывком откинул плед и босиком выскочил на дорожку сада.

Было светло как днем. В неестественном мертвом свете деревья казались высеченными из черного мрамора. А за ними стояла исполинская башня из синего огня, бесконечно высокой вершиной упираясь в Полярную звезду.

От свиста вылетели стекла виллы, но оглохший, полуослепший Кларк продолжал стоять на мокром песке, не чувствуя резкого холода, пока перепуганная Мэгги не втащила его на террасу.

Башня уже в полной тишине медленно меняла цвета: голубой, зеленый, желтый. И все вокруг — перила террасы, песок дорожки, трава, шоссе за оградой, институтский парк, здания лабораторий и домики городка, прорисованные нерезко сквозь лохматые липы, — все, подчиняясь этому неспешному ритму, менялось на глазах, приобретая то влажную прозрачность аквамарина, то мудрую тяжесть малахита, то маслянистый жар золота.

Мэгги и Кларк молчали, стоя на террасе, пораженные, ошеломленные, даже не пытаясь догадываться о причинах этой фантазмагии. И только когда башня стала огненно-красной, в комнате заверещал видеофон.

Всклокоченный, с перекошенным лицом, Кэрол Старковский кричал с экрана, захлебываясь:

— Шеф, это «Сатурн»! «Сатурн» горит! Тревогу, шеф! «Сатурн»!

Через пять секунд взвыли сирены.

Старковский ошибся. «Сатурн» не сгорел. Когда световая башня, темнея, с легким гудением окончательно исчезла, все шесть этажей электронного мозга оказались целыми.

Впрочем, не совсем. Здание выглядело словно памятник древней архитектуры: во многих местах облезла краска, в алюмобетоне появились трещины, из которых в свете прожекторов темными змеями ползли

вверх толстые побеги плюща, даже нержавеющей металл главной двери покрылся зелеными потеками окислов.

О том, чтобы проникнуть в здание, не могло быть и речи. Решили ждать утра.

Кларк ходил взад и вперед по залу главной лаборатории, которая стояла рядом с «Сатурном», и старался не замечать умоляющих глаз Старковского. Давать какие-либо комментарии к случившемуся он наотрез отказался.

Утром перемена оказалась еще разительнее. «Сатурн» явно постарел лет на триста. Он смотрел на людей подслеповатыми мутными стеклами, как выживший из ума дед.

Проникнуть внутрь решились только трое: Кэрл, Вилли и, несмотря на бурные уговоры Мэгги, Кларк.

Главная дверь, как, впрочем, и запасная, никак не реагировали на магический ключ Кэрла. Видимо, испортился замок. Пришлось вскрывать ее лучевой пилой.

Внутри было не лучше. Бетонный пол и стены поросли лишайниками и плесенью. Лифт не работал. В нем жили мыши. Медные шины трансформаторов с полуогнившей изоляцией покрывал толстый зеленый налет. Железные пластины проела ржавчина. Плотные пологи паутины сверху донизу драпировали полутемные залы. Винтовая лестница обрушилась в нескольких местах, и Кларк запретил по ней подниматься. Кэрл метался из зала в зал и плакал злыми слезами.

Единственный путь наверх был по трубе принудительной вентиляции, которая спиралью опоясывала все здание. По ней надо было ползти на коленях, но иного пути не было. Кэрл полз первым. Он хотел было вылезти на втором этаже, но Кларк сдавленно прогудел: «В операторскую...»

Ползти было невероятно трудно. Не хватало воздуха. От острого запаха плесени першило в горле. Руки и

колени скользили по влажным замшелым стенкам. Каждый метр требовал столько энергии, что уже через пять минут все трое обливались потом. Фонари на шлемах вспугивали десятки летучих мышей, которые начинали неистово метаться в проходе, и без того узком. Кларк вылез на четвертом этаже и пробормотал, задыхаясь: «Больше не могу...» Вилли не без тайной радости остался с ним передохнуть, но тощий Кэрол полез выше.

Последние два этажа оказались самыми трудными. Когда Кэрол достиг наконец вентиляционной воронки, у него уже не было сил выбраться наружу. Хрипло дыша, он лежал на краю воронки до тех пор, пока снизу не послышалось тяжелое пыхтение Кларка.

Выключив фонарь, Кэрол неловко спрыгнул вниз. Из-под его ног шарахнулось сразу несколько больших сов, с тревожным уханьем устремившихся в темные углы.

Здесь, как и в остальных залах, было полутемно, свет проникал в основном через большое, неизвестно откуда взявшееся, круглое отверстие в толстой броне сферической крыши. Окна были затянуты паутиной, как плотными шторами. Всюду лежал толстый слой пыли, на котором замысловатыми иероглифами отпечатались птичьи следы.

Пульт, гордость и радость Кэрола, темнел в глубине зала сплошной горой паутины, пыли и засохшего плюща. Старковский направился к нему, понуро волоча ноги.

На полдороге он остановился, с удивлением разглядывая непонятный прибор, вернее, остатки прибора на покосившемся треножнике — удлиненное яйцо, проеденное в нескольких местах белой окисью, с отверстием на заостренном переднем конце, вокруг которого, как шипы, топорщились оплавленные неведомым жаром остатки вольфрамовых пружин. От треноги к пулту, вернее, к его задней крышке, немилосердно со-

рванной, пятнистой гадюкой полз изгрызенный мышами кабель.

— Так я и знал...

Это сказал подошедший сзади Кларк.

И тут только Кэрол увидел главное. Рядом с пультом, сгорбившись на винтовом стуле, пустыми глазницами уставившись в давно погасший экран, сидел полуистлевший скелет.

— Ничего не понимаю, — простонал Старковский, обретя дар речи. — Абсолютно ничего не понимаю... Я же был здесь вчера вечером... Все было в порядке.

— Простите, шеф, но тут что-то не так, — Вилли почесал в затылке. — Я, конечно, ни в бога, ни в черта не верю, но... Видел я в кино древние замки. Которые по триста, по четыреста лет без людей стоят. Больно похоже, шеф.

Кларк внимательно рассматривал дыру в крыше и ответил не сразу.

— Ты почти прав, Вилли. «Сатурн» действительно пробыл без людей не меньше трехсот лет... Кэрол, сколько горел весь этот фейерверк?

— Н-не знаю... Минут пятнадцать-двадцать...

— Великолепно... Нам всем повезло. Если бы «Сатурн» выдержал еще полчаса, весь городок превратился бы в руины, а мы — в скелеты, будь проклята эта земля. Нас бы тоже затянуло...

— Но что случилось?

— То, о чем я хотел сказать Горингу, но не успел. Петля Времени, замкнувшись, становится неуправляемой, превращается в стремительно растущую воронку, где время несется все быстрее и быстрее. Триста лет — за пятнадцать минут. Пока не превратится в чистое пространство с нулевым временем.

Кларк снова уставился на потолок, словно в круглой дыре пряталось то, что он искал всю жизнь:

— Господи... Да это же нуль-коридор! Это же сверхсветовая скорость, будь проклята эта земля!

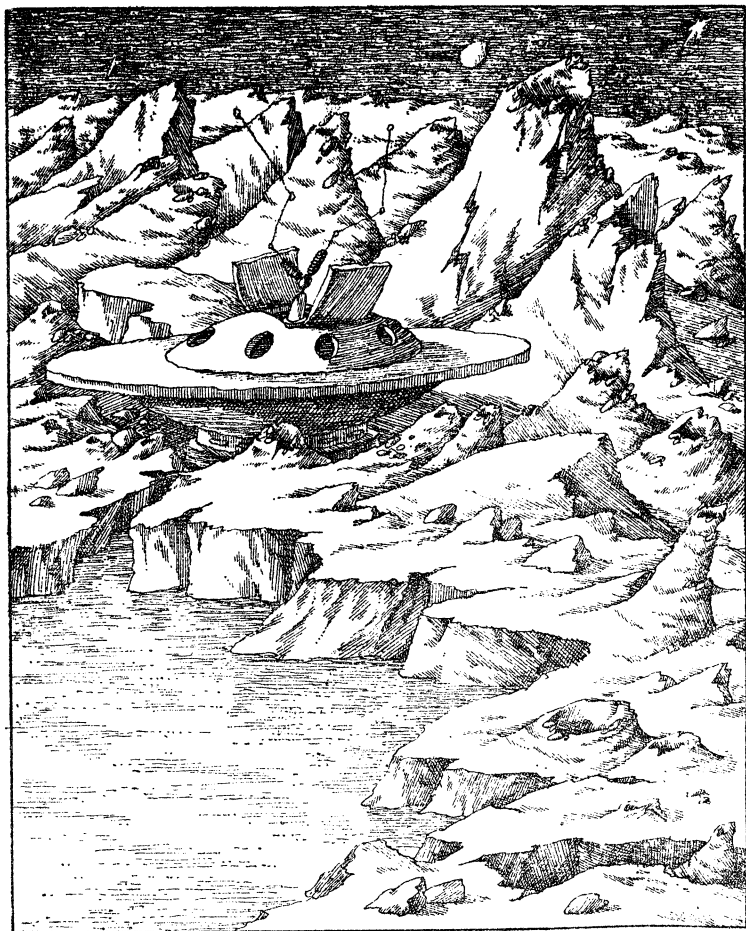
Он было повернулся к вентиляционной воронке, чтобы немедленно спуститься вниз, но задержался у скелета, задумчиво теребя бороду.

— Одного я не могу понять — зачем ему все это понадобилось?

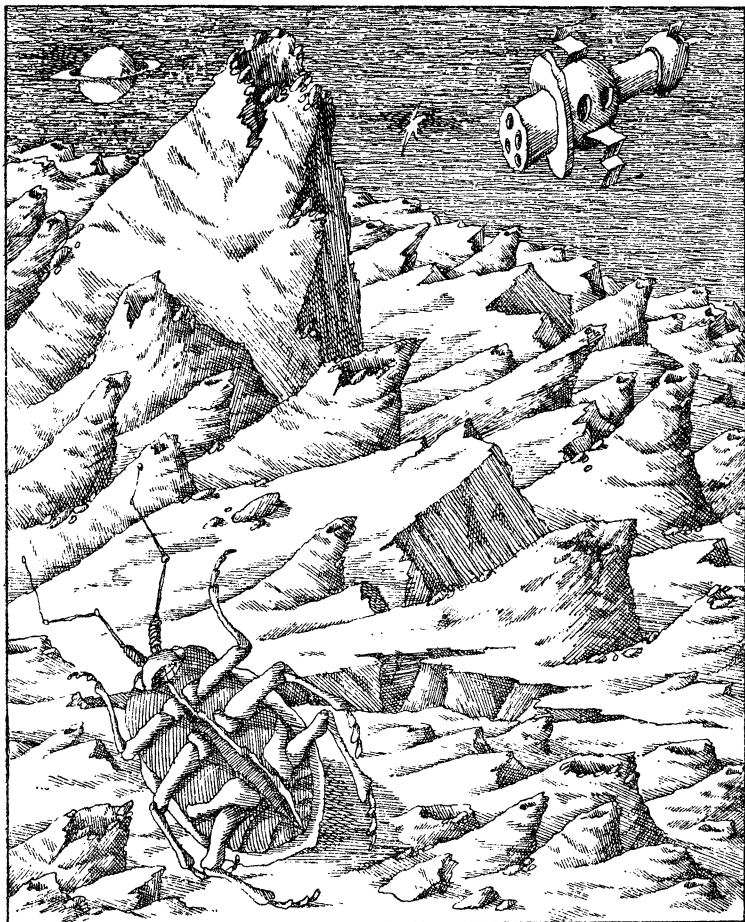
Дневники Горинга нашли немного позднее.

Кларк читал их в бывшей секретной мастерской Горинга, у вскрытого сейфа. Он читал их молча, и с каждой страницей, исписанной жестким каллиграфическим почерком, все больше каменело его лицо. Он прочитал все, что было написано, и перелистал страницы, оставшиеся чистыми...

— Ты умно, ты хорошо играл, Горинг. Но ты не мог не проиграть.

НАРУШИТЕЛЬ

В кают-компании никого не было. Андрей швырнул на стол пачку записей и огляделся. Настенные часы напомнили ему, что раздражаться нечего: до начала совета еще пятнадцать минут. Он опять поторопился, и винить нужно только себя.

Андрей вздохнул и уселся на свое место. Кресло под ним заскрипело.

То-то и оно. Полгода в космосе не шутка. Даже для металлических кронштейнов кресла. А для человеческих нервов тем более. Особенно когда эти полгода — сплошная цепочка неудач.

Неудач ли?

В кают-компании тонко пахло сиренью.

Традиционная веточка сирени — последний подарок Земли — за полгода превратилась в целый куст. И неожиданно зацвела. Словно почувствовала, что скитаньям конец, что скоро замаячит в прицельных визирах желтый шарик Солнца и откроется черная труба Большого Звездного Коридора, приглашая домой. А потом зеленовато-голубая Земля закроет полнеба, и загудят под магнитными подошвами трапы лунного космопорта... Сирень вернется к тем, кто подарил ее — к мальчишкам и девочкам в красных галстуках. Таков обычай.

А пока сиреневый куст стоит в углу, и на влажных сине-фиолетовых соцветьях гаснут малахитовые блики чужого заката. И самое странное, куст очень вписывается в окружающий безжизненный пейзаж, который равнодушно и объемно рисует широкий, во всю стену, обзорный экран.

Зачем понадобился такой большой экран? Такое ощущение, что сидишь на веранде и только хрупкое стекло отделяет тебя от чужого мира. Мира, в котором ты — непрошенный гость. Ощущение не из приятных, особенно к исходу шестого месяца. Недаром кто-то из ребят приладил к видеостене самодельные портьеры: так спокойнее. А на чудеса они уже насмотрелись. Хватит!

Андрей встал, чтобы задернуть портьеру, взялся за лохматую кисть шнура, но вниз не потянул: загляделся. Загляделся в тысячу первый раз, загляделся вопреки непонятному раздражению и вполне понятной усталости. Знакомая картина властно приковывала к себе взгляд.

Справа, где-то за горизонтом, умирало зеленое солнце. Его корона еще горела из-за острых зазубрин далеких гор, но тяжелое полукольцо серебряных облаков, переливаясь, смыкалось все уже. Собственно, это были даже не облака, а сгустки электрического свечения — что-то вроде земных полярных сияний. Они катились вперед, как пенный гребень исполинского черного вала, и плотная темнота на глазах заливала небо. Острые иглы звезд мгновенно протыкали накатывающуюся черноту, но не надолго — слева из-за горизонта вставало нечто чернее черного, нечто огромное и круглое, оно поднималось, распухало и заглатывало едва родившийся звездный планктон.

На этой планете не было ночи. Просто зеленый день сменялся черным, потому что вслед за уходящим видимым солнцем вставало невидимое, обрушивая на поверхность пылящий поток ультрафиолета.

Поверхность... Глядя на беспорядочное нагромождение геометрических тел, заполнивших окружающее пространство, поневоле начнешь сомневаться в самой возможности существования ровного места. Гигантские пирамиды, конусы, тетраэдры, октаэдры, немыслимые ритмы острых ребер, пиков, наклонных плоскостей, винтообразных полированных граней, одинаково сумеречно-

синих в свете зеленого вечера, навевали безотчетную тоску.

Черное утро меняло пейзаж.

С появлением серебряных облаков гигантские кристаллы становились прозрачными. Окружающее стремительно таяло — исчезали пирамидальные горы и конические пропасти, цилиндрические башни и ромбические утесы — все превращалось в бесплотные туманные тени, и корабль словно повисал над дымчатой пустотой.

Черное солнце поднималось выше, и опять неузнаваемо менялась окрестность.

Под мощным ультрафиолетовым излучением вся поверхность начинала светиться — сначала легким бледно-золотым свечением, потом все ярче и ярче, — пока не загоралась всеми оттенками от лимонно-желтого до оранжево-красного.

Из-за полуприкрытой шторы Андрей рассеянно следил, как наливаются текучим золотым огнем камни и дальние горы, как трепетно и безостановочно пульсирует свет в полупрозрачной толще вздыбленных пород.

Сейчас зыбкая красота светового танца вызывала горечь.

Этот прекрасный, геометрически совершенный мир был мертв. Мертв с самого рождения.

И останется мертвым.

Вспомнились патетические слова одного из «отцов» современной космогонии, Штейнкопфа: «Надо смириться наконец с наличием сил, которых мы никогда не сможем познать. Планеты класса К — чужаки в нашем звездном мире. Дозвездное вещество и жизнь — несовместимы, и живому никогда не проникнуть за барьер, поставленный самой природой. Пусть чересчур горячие головы обвиняют меня в консерватизме — я уверен в своей правоте. Докажите, что в мирах класса К возможна жизнь, покажите хотя бы одну бактерию с кристаллопланеты, и я первый скажу вам — идите!»

Пора смириться... Да, кажется, пора. После долгих дебатов ученые выбрали тринадцать кристаллопланет в тринадцати системах двойных звезд так, чтобы избежать случайного совпадения. Полгода юркий звездолет «Альфа» нырял в глубинах пространства и времени, и семеро разведчиков дотошно изучали загадочно одинаковые кристаллические миры. Полгода Андрей обшаривал геометрические лабиринты, до рези в глазах всматриваясь в шкалы витаскопов, смутно на что-то надеясь. Двенадцать раз надежда сменялась разочарованием.

Эта планета — тринадцатая.

Да, он хотел найти злополучную бактерию. И не затем, чтобы поколебать авторитет Штейнкопфа.

Просто за немногие годы, проведенные в космосе, он увидел и понял много. Он прочувствовал сердцем и нервами всемогущую силу и жадность жизни. Он находил следы органики на обугленных звездным пламенем астероидах и в пластах замерзшего газа на планетах-гигантах, в смертоносных радиоактивных облаках кометных ядер и в пористых железных шубах остывших звезд. Он видел километровые веретена гловэлл и микронные крестики санаций, огневок, впадающих в спячку при трех тысячах градусов по Кельвину, и радиозолий, умирающих от теплового удара при трех тысячных градуса — жизнь пронизывала вселенную, приспособляясь к самым невероятным условиям.

И он не мог поверить, не мог принять существование навеки мертвого мира — вопреки логике доказательств Штейнкопфа, вопреки очевидности.

Тринадцатая планета тоже мертва. Как те двенадцать — с самого рождения. Что и требовалось доказать.

Какие же тут неудачи? В учебниках космогонии вместо «гипотезы Штейнкопфа» появится «теория Штейнкопфа», а внизу приписка мелким шрифтом: «Экспериментально подтверждена группой советских ученых, в том числе космобиологом А. И. Савиным». Для моло-

дого ученого такое упоминание — блистательная победа, почти мировая слава.

И отныне в ночном небе будут тускло гореть тринадцать огней, как дорожные знаки «Проезд запрещен», и на пыльных гранях лабира навеки останутся его следы — последние следы последнего человека — и не смоем их дождь, не сотрет ветер, не скроет трава, — потому что ничего такого нет в мирах класса К. И не будет.

Не будет.

Свет в камнях уже не пульсировал, а горел ровным пламенем под бархатно-черным беззвездным небом, и какая-то странная затаенность, какое-то неуловимое, ускользающее напряжение сквозило в неподвижности окрестных скал.

— Никак не можешь налюбоваться?

Рядом, попыхивая носогрейкой и кашляя с непривычки, стоял Алексей Кривцов. Носогрейку ему подарила перед отлетом невеста, но закурить трубку астрофизик решил только сегодня. Что же, он прав. Пора думать о Земле, о том, кто и как нас встретит.

Андрей молчал, и Кривцов снисходительно продолжил:

— Лабир... Занятный минерал... Вся эта молодка почти целиком из лабира... Есть мнение, что планеты класса К образовались в результате непосредственной кристаллизации дозвездного вещества. Так сказать, холодным способом. Без взрыва. Отсюда — уникальные свойства и самого лабира, и всей планеты...

— Алеша, родной, знаю! И про лабир, и про всю планету! — внезапное раздражение снова захлестнуло Андрея. — Слышал! Читал! Эти уникальные свойства у меня вот где сидят!

Астрофизик попятился, удивленно моргая близорукими глазами.

— Ты что, очумел? Я ведь так, для разговора...

— Прости, — Андрей смутился. — Просто эти кри-

сталлические сестренки мне все нервы измотали. Что-то есть в них, что-то мельтешит, что-то мерещится, а что — никак не пойму. Не верю я в этот вечный покой, не верю...

— Чудак... Другой бы на твоём месте сейчас меню для званого обеда в честь защиты докторской диссертации составлял, а ты сам себя через голову перепрыгнуть хочешь. Доказал ты отсутствие жизни на планетах класса К? Доказал. Подтвердил теорию? Подтвердил. Что еще тебе надо? Самого Штейнкопфа переплюнуть?

— Никого я не хочу переплевывать, Алеша. Просто где-то есть во всей этой правильности ошибка. Чувствую я ее, а поймать не могу...

Кривцов пожал плечами и собирался отойти, но Андрей остановил его:

— Постой, что ты там про молодку говорил?

— Про какую молодку?

— Ну, про ту, что целиком из лабира...

— А... Только то, что эта планетка — самая молоденькая из тринадцати. Ей еще и десяти миллиардов годков нет... В самом соку...

И опять что-то метнулось в мозгу, не успев стать мыслью — тень догадки, дразнящий проблеск в тумане.

Кают-компания наполнялась. Почти весь экипаж был здесь, не хватало лишь капитана. Андрей вернулся к столу, так и не задернув портьеру. К нему наклонился Медведев, научный руководитель экспедиции:

— Вы все закончили, Андрей Ильич?

— Почти. Остался только витаскоп в квадрате 288-Б. Остальные я демонтировал. Результаты прежние: полное отсутствие органики. Тринадцатая стерильная планета.

— Ну что же... Кажется, Штейнкопф действительно прав. Все сходится...

— Очень уж точно сходится, Петр Егорыч. Настолько точно, что начинаешь сомневаться.

Медведев смерил биолога долгим оценивающим взглядом:

— У вас есть сомнения?

— Да нет, собственно... Все факты как будто верны...

— Почему вы оставили витаскоп в квадрате 288-Б? Это, кажется, у Белого озера.

— Да, это у Белого озера. Собственно, я не успел еще туда добраться... И потом... Может быть, его оставить пока, Петр Егорыч?

— Не вижу смысла. Вряд ли в обозримом будущем здесь побывает еще одна экспедиция. Наша работа, на мой взгляд, достаточно убедительна во всех аспектах. В том числе и в биологическом. А оставлять витаскоп потому, что за ним лень лететь, это, простите меня, несколько странно. Со всех точек зрения.

— Хорошо, Петр Егорыч. Я уберу витаскоп. Здесь какие-нибудь два часа лету... Сразу же после совета.

— Пожалуйста, Андрей Ильич, я вас очень прошу. Ученый должен быть аккуратным. Даже в хозяйственных мелочах...

Андрей хотел возразить, но промолчал под серым насмешливым взглядом. Он всегда чуть побаивался Медведева. Во-первых, Медведев был почти вдвое старше. Во-вторых, Медведев — член «знаменитой» звездной восьмерки Международного Совета Космонавтики. А в-третьих... В-третьих, этот чопорный человек меньше всего располагал к откровенности. Он умел убивать молчанием: не иронией, не доказательствами, не темпераментом — именно молчанием. Молча, не перебивая, не отводя внимательных холодных глаз, он слушал то, что ему говорили. Слушал до тех пор, пока говорящий не начинал путаться в своих собственных логических построениях. Кончалось обычно тем, что автор новой романтической гипотезы вопреки собственному желанию связно и убедительно опровергал сам себя. Вот и сейчас — ни слова упрека: только опустили глаза, и не-

навиственная пилочка для ногтей замелькала в холеных руках, ставя крест на несостоявшемся открытии...

Даже не в этом дело. Шесть месяцев они вместе. Семь человек в железной скорлупе космического корабля. Тысячи световых лет от дома — не от Земли, а от этой немыслимо малой крупницы звездного света, которое именуется солнечной системой. Их отношения больше чем дружба: все они спрессованы, сжаты, сплавлены темной тяжестью вселенной... Все они — нечто одно в семи разных воплощениях, в семи вариациях желаний, воспоминаний, ума...

Все, кроме Медведева. В нем есть что-то от космоса. Может быть, это холодное, беспощадное, безжизненное молчание?

Безжизненное молчание... Тринадцать планет-близнецов, которые не хотят говорить... Почему?

Где-то краем сознания Андрей удивлялся непростительно откровенной улыбке вошедшего капитана: меланхолический латыш, начинавший еще на досветовых плазменных колымагах, был под стать Медведеву. Правда, поговорить он любил. Но его разговоры почему-то почти всегда касались только дисциплинарных нарушений. Волей случая или судьбы чаще всего он беседовал с Андреем. Поэтому Андрей привык ко всему, кроме...

— Товарищи, простите меня за опоздание. Несколько неожиданно к нам пробилась Земля. Внеочередная связь...

В кают-компании стало тихо. Улыбался только капитан.

— Земля дала «добро» на наше возвращение. Старт корабля — через сутки по бортовому времени...

Капитан покосился на незадернутую портьеру, но даже это явное нарушение порядка не испортило его настроения. Он искрился какой-то хорошей вестью и тянул с простодушной лукавостью сильного человека.

— И еще одно сообщение. Было очень много помех

нестационарного порядка, поэтому сообщение передавали трижды на двойной мощности менгопередатчиков... Но я записал все точно.

Он повернулся к Андрею, и вслед повернулись шесть напряженных лиц.

— Дело в том, что население Земли увеличилось...

У Андрея внутри затикали часы: капитан явно переигрывал.

— Увеличилось на одного человека...

Что-то зябкое и нежное сжало горло...

— Сын у тебя, Андрюшка!

Андрей опомнился, когда десять сильных рук подхватили его у самого пола, а как он очутился у потолка, до него так и не дошло. Он увидел, как в резких складках морщин по губам Медведева мелькнула тень улыбки:

— Молодые люди, учтите, что в данное время тяготение почти равно земному...

Андрей сел за стол, поправляя костюм. Шум покрыл раскатистый капитанский баритон:

— Ладно, товарищи. Крестины справим на Луне. А совет все-таки проводить надо. Устав требует. Я думаю, подробных докладов не нужно. Все мы работаем вместе. Давайте прямо с вопросов. Что кому неясно...

Вопросы посыпались со всех сторон. Только к делу они не имели ни малейшего отношения.

* * *

О витаскопе Андрей вспомнил только через два часа. Он услышал, как за спиной Медведев сказал Бремзису:

— Капитан, Савину сейчас не до проблемы жизни на кристаллопланетах. Он блестяще справился с этой проблемой на Земле. Я к тому, что надо кого-то послать за прибором.

Андрей густо покраснел и встал:

— Петр Егорыч, не надо! Я сам... Простите, немного ошалел, но не настолько, чтобы... Короче, я в трезвом уме и твердой памяти, как говорят. И потом, мне сейчас совсем не мешает прогулка по свежему воздуху.

Медведев поднял брови, а капитан засмеялся:

— Ну что же, товарищ папа, если ты считаешь стерильный углекислый газ свежим воздухом — пожалуйста! Только не вздумай открывать скафандр, если запарешься!

Снова со всех сторон слышались шутки, но Бремзис поднял руку:

— Товарищи, времени до отлета осталось совсем мало. Пора готовить «Альфу». Совет считаю законченным... Да! Чуть не забыл. Последний вопрос: будем присваивать этой планете полное имя или ограничимся цифровым индексом?

— Какой смысл? Все кристаллопланеты похожи, как две капли воды. Единственная разница — возраст...

Медведев поддержал астрофизика:

— Кривцов прав. Достаточно цифрового индекса. Планета вполне ординарная.

— Хорошо. Договорились. — Капитан повернулся к Андрею, похлопал по плечу. — Ну а ты, товарищ папа, влезай в «Яйцо», бери диск и отправляйся...

— «Яйцо»... — Андрей недовольно поморщился. — Здесь рукой подать... А с ним возни столько...

— Никаких разговоров. Мне и так тебя отпускать не следует одного. Но время горячее, ты человек опытный. С «Яйцом» тебе Кривцов поможет, а связь...

— Связь буду держать я, — бросил на ходу Медведев. — Мне все равно в радиорубке работать с «Хроносом», и я смогу заодно следить за «Примой».

— Добро. Не задерживайся, Савин. Время дорого..

Пока Андрей собирал записи, кают-компания опустела.

Кривцов догнал Андрея уже в «инкубаторе».

— Возьми вот это. — Он кивнул в сторону третьей ячейки справа. — Только вчера в нем ходил. Абсолютно свежее и отлично чувствует руки.

Придерживая за сложенные манипуляторы, они довольно легко выкатили двухметровый полированный эллипсоид из ячейки и закрепили между решетчатыми дисками возбудителя. Кривцов отошел к панели управления.

— Открывай! — бросил он через плечо.

Андрей только сейчас заметил, что САЖО-5 — скафандр автономного жизнеобеспечения — мало напоминает яйцо. Он похож скорее на мертвого жука со скорбно скрюченными лапками. Точнее, не на мертвого, а на спящего. Достаточно одного движения и...

— Ну что ты там? Никак не опомнишься?

— Да нет, Алеша. Просто засмотрелся. Странно — сигнал готовности горит, как кусок ночного лабира...

— Вот уж не знал, что отцовство развивает скрытые художественные наклонности, особенно творческую фантазию. Надо будет запомнить на будущее...

Андрей, улыбаясь, нажал тугую красную кнопку на туловище «жука».

— Я думаю, Алеша, тебе не придется долго ждать подтверждения.

Астрофизик довольно фыркнул в черную бородку и полез за носогрейкой, хотя курить в «инкубаторе» не полагалось.

Металлическое тело «жука» медленно разошлось на две половинки, словно скрипичный футляр, открыв замысловатую и тщательно продуманную путаницу внутренних.

— Кстати, — Кривцов держал носогрейку в зубах, но не зажигал, — ты заметил заводскую марку? Красноярск... Так сказать, привет от земляков-сибиряков...

Только сейчас — позор! — Андрей обратил внимание на буквы КБК — «Красноярский биокомплекс», выбитые на суставах манипулятора. А ведь Нина работала на КБК! Может быть, ее пальцы прикасались к этому металлу, давая жизнь миллиардам микроорганизмов и грибов, заключенным в пробирки и змеевики, колбочки и реторты, этим пушистым подушкам чудодейственной хлореллы; может быть, ее пальцы сделали для него эту немыслимо сложную и великолепно действующую модель биосферы Земли, чтобы в страшный час в пучинах беспощадного космоса он не погиб...

Она стоит на самом краю слоистого, полуобрушенного утеса, над зеленоватой плоскостью Красноярского моря, расчерченного моторками, и, закинув лицо, читает странные старые стихи:

Придается все.
Лишь тебе не дано примелькаться.
Дни проходят,
и годы проходят,
и тысячи, тысячи лет.
В белой рьяности волн,
прячась
в белую пряность акаций,
может, ты-то их,
море,
и сводишь, и сводишь на нет...

Ветер трогает ее волосы, ветер Земли — целый океан кислорода, пропущенный сквозь смолистые фильтры тайги, ноги утопают в спутанных диких травах, ползущих к влаге и солнцу. Противоположного берега не видно, и небоскребы дальнего города встают прямо из воды, невесомо радужные, сказочно красивые, как гигантские кристаллы лабиринта...

Тьфу ты! Опять этот чертов лабир! Так можно и с ума сойти...

— Слушай, Андрей, может быть, тебе действительно лучше не лететь? — Кривцов сочувственно заглядывал

ему в лицо. — Ты же спишь на ходу и видишь сны наяву. Давай лучше я слетаю, а?

— Брось дурить. Включай-ка лучше ультрафиолет.

— Дело твое. — Астрофизик положил руку на панель. — А то я бы моментом...

Между дисками возбудителя, обтекая корпус скафандра, возникло легкое облачко ионизации. Поток невидимого света омыл внутренность металлического «жука», проник в тысячи крохотных ячеек и отсеков. В нейлоновых венах забулькали разноцветные жидкости, затуманились реторты и колбочки.

Андрей почти физически ощутил, как постепенно, орган за органом, оживает искусственный организм.

— Даю це-о-два!

Вокруг «Яйца» взвыл ветер, корпус скафандра задрожал от вихря углекислого газа. Подушки хлореллы мгновенно вспухли, зеленые нити полезли сквозь мелкое сито защитных сеток.

— Готов?

— Да.

— Пошли!

Мгновенно смолк ветер и погасло облачко ионизации. Андрей привычным прыжком, спиной вперед, юркнул в распахнутый футляр. Кривцов был уже рядом, помогая застегивать многочисленные манжеты на руках и ногах, закрепляя датчики и отводные трубки.

Это был самый трудный момент во всей процедуре одевания. Здесь требовалась быстрота и точность — надо было присоединиться к скафандру, пока разбуженная жизнь не уснула снова.

Наконец щелкнул замок, и Андрей очутился в «Яйце», отрезанный и защищенный от всего остального мира толстой броневой скорлупой.

— Ну как? — раздалось в наушниках.

— Вполне. Немного трудно дышать. Хлорелла успела опасть. Остальное — в норме.

— Может, повторим?

— Нет, не надо. Сейчас уже лучше. Через пару минут будет норма.

Теперь Андрей и металлический «жук» составляли одно целое, один организм, один замкнутый жизненный круг — так же, как один замкнутый круг составляет человек и Земля. Они жили друг другом, связанные круговоротом нужных друг другу веществ, ничего не отдавая и ничего не требуя извне — идеальная и хорошо защищенная система взаимообеспечения.

— Как «солнышко»?

Андрей скосил глаза на циферблат атомных батарей. Невидимое солнце их общего с «жуком» мини-мира обещало гореть не менее трехсот лет.

— В порядке. И светит и греет. Вовсю.

Он включил локаторы, поправил манжеты на руках и ногах и проверил управление — щупальца манипулятора покорно зашевелились. Он поднялся на шести ногах, подбоченился и принялся за обычную физзарядку — прыгал, приседал, отплясывал вприсядку, бегал по стенам, по потолку, поднимал тяжести, сплетал и расплетал тонкий нейлоновый шнур — необходимо, чтобы мускулы и двигательные нервы привыкли к новым конечностям. Кривцов стоял поодаль, равнодушно наблюдая, но когда Андрей, прыгая со стены на стену, не рассчитал усилия и покатился в угол, захохотал.

Андрей обиделся:

— Чего это тебя так разобрало? Просто мускулы не разогрелись... Между прочим, у тебя не лучше получается.

— Я подумал, — улыбнулся Алексей. — По... посмотрел бы... посмотрел бы сын сейчас на своего папу... Травма на всю жизнь...

Андрей подошел к узкой зеркальной полоске и тоже улыбнулся: перед ним стояло, шевеля усами, безглазое, жуткое чудище. Чудище покачалось и с помощью трех ног и восьми рук показало Кривцову великолепный одиннадцатикратный нос.

Оба рассмеялись.

А часы продолжали выщелкивать секунды, приближая время отлета, а значит — время прилета, а значит...

— Пора, Алексей. Я пошел.

Кривцов вытер глаза.

— Прости... Ох... Говорят, на дорогу не смеются, но уж очень ты хорош был. Ладно. Топай. Ни пуха!

— К черту!

Андрей подождал, пока за Кривцовым закрылась герметическая дверь, и вошел в кабину стерилизатора. На вогнутой стенке чернели большие буквы: «Помни!» А внизу — помельче: «Всеобщий космический устав. Пункт сто второй. Параграф пятый. Категорически запрещается выход на исследуемую планету в нестерилизованном скафандре, а также вынос предметов, могущих вызвать заражение инопланетной биосферы, равно как атмосферы, гидросферы и геосферы, активной органической субстанцией Земли. Нарушение карается...»

Биолог иронически скривил губы. Все-таки капитан в своем педантизме доходит до смешного. К чему эта настенная пропаганда? Автомат не откроет дверь в ангар, пока в кабине останется хотя бы один полудохлый земной вирус. Захочешь — не выйдешь. И ничего не вынесешь. Разве только бактериологическую бомбу. Но таких бомб давно уже никто не делает.

Андрей повернул рубильник. Кабину стерилизатора охватило синее пламя.

* * *

Полет казался бесконечным. Гофрированная тарелка дископлана, слегка наклонясь, казалось, неподвижно висела в воздухе, а внизу широкой лентой раз и навсегда заведенного транспортера неторопливо бежал узорчатый ковер. Удручающая правильность фигур, оупляющее разнообразие сочетаний — ни одного повто-

ра! — модель вечности, сделанная из детского калейдоскопа.

Усмехнувшись, Андрей вспомнил, как пяти лет от роду он взял в руки чудесную трубочку, как жадно приник к черному круглому зрачку, ожидая невероятного. Целую неделю, забыв обо всем на свете, он истово крутил игрушку. Он хотел понять смысл! — или хотя бы добиться повторения рисунка — но трубочка крутилась, узорам не было конца, в изменениях не было смысла. Он очень обиделся тогда и со слезами разбил папин подарок, а потом долго и недоуменно смотрел на осколки зеркала и цветные стекляшки — где же прекрасные и таинственные фигуры?

Он смотрел вниз, на завораживающую игру цветов и линий, и его потянуло повторить тот удар, рассеять наваждение.

Андрей включил автопилот и закрыл глаза.

Думать не хотелось. Сказывалось многодневное нервное напряжение, огромная усталость от изнуряюще кропотливой работы. Он попробовал представить себе Землю, свой дом, квартиру, лицо Нины, своего сына («Надо же — сын!» — скользнула по губам удивленно счастливая улыбка), но все расплывалось в какое-то бесформенное ощущение большого доброго тепла, далекого и полузабытого, а в сонном сознании помимо воли всплывала всякая дребедень, обрывки недавно виденного и слышанного: сиреневый куст на фоне мертвых глыб лабира, Кривцов с носогрежкой у портьеры («Ей еще и десяти миллиардов лет нет. В самом соку...»), высокомерно снисходительный Медведев («Согласен... Вполне ординарная планета»), хохочущий Бремзис («Если ты считаешь стерильный углекислый газ воздухом — пожалуйста!»), тусклый ряд САЖО-5, решетчатые диски возбuditеля...

Стоп! Углекислота и ультрафиолет... Оживающий «жук»...

Андрея толчком выбросило из полудремы, и в голове

загудела, стремительно раскручиваясь, какая-то звонкая ледяная сила.

Спокойно. Главное, спокойно. С самого начала.

Итак, лабир. Кристаллы дозвездного вещества, из которого, по-видимому, состоит темное сердце нашей галактики. Планеты класса К — чужаки в нашем звездном мире. Они — оттуда, из темного сердца. Странные небесные тела, одинаковые до неправдоподобия. Различен только возраст. Словно там, в галактическом центре, работает гигантский штамп, время от времени выбрасывая в пространство свои изделия-близнецы. Зачем?

Кристаллопланеты всегда окружает бессонная стража — двойная звезда. Словно специально для того, чтобы создать вокруг мощные пояса ультрафиолета, радиации и пульсирующей гравитации. Через эти пояса не прорвется ни одна спора, ни один живой организм. Кроме космического корабля...

А сама планета как будто нарочно придумана для жизни. В лабире есть все необходимое. Плотная атмосфера из углекислоты и водяных паров пропускает только безвредные излучения и ровно столько, сколько нужно для роста и развития. И эти Белые озера — по одному на каждой планете...

Яйцо! Типичное неоплодотворенное яйцо в невидимой броневой скорлупе, пробить которую может только звездолет — посланец разумной жизни!

Бред!.. И все-таки слишком много для случайной игры совпадений...

— «Прима», я — «Альфа», ваша связь. Почему не выходите на связь? «Прима», почему молчите?

Андрей вздрогнул и глянул на часы. Он летел уже больше часа.

— «Альфа», я — «Прима», слышу хорошо, все в порядке, аппаратура — отлично, обстановка без изменений, иду над квадратом 144-А, курс прежний...

Он выпалил все одним духом, ожидая очередного вежливого и лаконичного «втыка», но после секундной паузы раздалось неожиданное:

— Замечтались?

Андрей удивленно покосился на индикатор тембра: нет, он не ошибся, в голосе Медведева звучала грусть. Что это с ним? Грустный Медведев? Ну и дела... Сегодня что-то случится.

— Что же вы молчите? Мечтайте на здоровье. Только в перерывах не забывайте вовремя выходить на связь... А мечтать обязательно надо. Иначе...

Медведев замолчал, и Андрею захотелось поделиться внезапной догадкой. Но перед глазами сверкнула неизменная пилочка для ногтей, тонкие губы, скошенные усмешкой, и он ответил сухо:

— Да нет, Петр Егорыч, я не мечтаю. Просто докладывать не о чем...

В шлемофоне что-то щелкнуло, и голос прежнего Медведева отрезал:

— В таком случае прошу вас быть точным.

Призрачный ковер внизу помутнел. Впереди вставала серебряная дуга, тесня черноту неба, и из-за горизонта ударили первые струйки влажного зеленого света. Короткий черный день кончился.

Андрей выключил автопилот и взялся за рычаги управления, хотя до цели было еще далеко. Просто ему нужно было сейчас собраться, соединить разбросанные мысли в одну прочную цепь.

В конце концов, Медведев в чем-то прав. Самое трудное — не сама идея, а доказательства.

О тайнах центра Галактики думать пока рано. И о том, откуда берутся кристаллопланеты. И почему они существуют только в системах двойных звезд. И почему они так подозрительно одинаковы. И почему они родились — или созданы? — именно такими, какие они есть. Решить все это не под силу одному человеку. Здесь нужны сотни теоретиков и сотни экспедиций, де-

сятки, а может быть, и сотни лет труднейших и всесторонних исследований.

Прежде всего надо опровергнуть Штейнкопфа. Иначе никогда не уйдут к сердцу Галактики звездные корабли, а дразнящая догадка о планетах-посланцах останется красивой сказкой, которую можно рассказать только сыну. «Дозвездное вещество и жизнь — несовместимы...»

Нет! Тысячу раз — нет! Если до экспедиции это было неосознанное желание, если в течение последних шести месяцев это было смутное, постепенно нарастающее предчувствие, то теперь это уверенность — никакого барьера нет и нет запретной двери. Есть манящие маяки неведомых берегов, есть зыбкие сигналы тайны, грандиозность которой трудно представить.

Но кто поверит ему там, на Земле? Чем докажет он свою правоту? И кто будет его слушать всерьез, если он сам представит Международному Совету Космонавтики толстую папку собственных наблюдений, с первой до последней строчки подтверждающих «теорию жизненного барьера»? Его просто отправят в психолечебницу да еще, чего доброго, припишут сумасшествие «влиянию звездного вещества».

А может быть, он действительно немного не в себе?

Выплыл, клоня тяжелые соцветья, сиреневый куст. Милая сирень, ты недаром тянулась к обзорному экрану, принимая его за окно, ты бы наверняка выжила здесь, но бдительный автомат стерилизатора не выпустит нас с тобой из корабля, ибо его механическая память крепко хранит сто второй пункт устава...

На панели изю всех сил мигали сиреневые посадочные огни.

Андрей резко заложил ручку влево и вперед до отказа. Дископлан встал чуть не на ребро и по крутой спирали пошел вниз.

— «Альфа», я — «Прима», квадрат 288-Б, иду на посадку, аппаратура — отлично, обстановка без изме-

нений, все в порядке, «Альфа», я — «Прима», иду на посадку...

— «Прима», я — «Альфа», вас понял, не задерживайтесь, учтите повышение гравитации через двадцать пять минут...

— «Альфа», вас понял...

Зеленовато-белый овал озера стремительно приближался, и Андрей снова отметил поразившую его в первый раз правильность формы. Озеро окружали широкие террасы, тремя уступами сходящие к самой воде. На нижнем уступе покачивался большой трехцветный шар — опознавательный знак витаскопа. Дискотлан, мягко спружинив, сел рядом.

Небо прозрачно розовело, и лохматое зеленое солнце пылало уже во всю силу, на глазах забираясь все выше и выше. Синевой моря отливали гладкие блестящие террасы, фиолетовым, синим и голубым искрились нависающие лопасти окрестных скал. И только озеро вблизи было чистейшего матово-молочного оттенка, как экран выключенного видеофона.

Андрей не спешил к витаскопу. Он умышленно оттягивал эту минуту — последнюю минуту надежды, потому что чувствовал — и здесь стрелка стоит на нуле. Только чудо, сверхъестественное чудо, которого так ждешь в детстве, могло сдвинуть проклятую стрелку хотя бы на одно деление. И не хотелось убеждаться еще раз, что чудес не бывает...

Он зачерпнул манипулятором вязкую белую жидкость. Она отделилась от остальной массы пухлым куском вазелина. И все-таки это была вода. Химически чистая вода.

Собственно, необычная эта жидкость не была находкой. Ее получили на Земле искусственно в одной из советских лабораторий, осаждая пары обычной воды в кварцевых капиллярных трубках. Это было еще в шестидесятые годы двадцатого века. Практического применения новое вещество не нашло, и только недавно

«плотную воду» выделили из живой клетки. Именно из живой — в умершей клетке «вода-П» немедленно превращалась в обычную. До сих пор спорят: почему?..

Но как и почему появилась «плотная вода» здесь? Лабиринтовая ванна — километр в длину, полкилометра в ширину, четверть километра в глубину — и точно такие же озера-ванны на всех остальных двенадцати планетах...

Барьер... Разве может мысль человеческая остановиться перед барьером — перед любым барьером! — остановиться и повернуть назад? Это противно естеству людскому, смыслу жизни, наконец. И — незачем больше тянуть.

Андрей бросил расплывающуюся лепешку воды в озеро и быстро направился к витаскопу. Из-под ребристых стальных подошв летели белые искры.

Витаскоп работал, с легким свистом вдыхая и выдыхая воздух. Торопливые почвенные датчики, как ежи, сновали вокруг, время от времени скрываясь в белом теле цилиндра и через мгновение выскакивая снова. Чуть заметно дрожали тонкие корешки глубинных шнуров. Лепестки энергоприемников медленно поворачивались за зеленым солнцем.

Андрей помедлил, открывая дверку приборного шкафчика.

На секунду ему показалось...

Нет.

Стрелка индикатора стояла на нуле.

Как ни странно, он почувствовал облегчение. Он даже стал насвистывать, одну за одной выключая системы биоуправлявателей.

Ждать было нечего. Надеяться не на что. Последний прибор сказал свое веское «нет» человечеству.

Итак, «теория жизненного барьера» вступила в силу.

Солнце было уже в зените, все вокруг нестерпимо сверкало, и глаз отдыхал только на матовой поверхности озера, которое теперь казалось серым. Демонтиро-

ванный витаскоп превратился в двухтонную тумбу, и было странно вести ее к дископлану, почти не ощущая тяжести.

Приборы, приборы, приборы. Приборы и механизмы. Они измеряют, они защищают, они советуют, они глаза и уши, они руки и ноги — всевидящие, всеслышащие, всемогущие и неустанные, мудрые и непогрешимые. Если они говорят «нет» — смолкают воля и разум, и человек покорно плетется назад...

Что за ерунда, оборвал себя Андрей, укладывая витаскоп в грузовой отсек. Незачем валить с больной головы на здоровую. Назад плетутся, когда не хватает ни ума, ни воли, чтобы победить это самое «нет» и идти вперед. Так что сам виноват, уважаемый товарищ биолог...

— «Альфа», я — «Прима», квадрат 288-Б, витаскоп демонтировал, погрузку закончил, обстановка без изменений, вылетаю обратным курсом...

— «Прима», я — «Альфа», вас понял...

И через паузу каким-то чересчур равнодушным тоном:

— Показания, разумеется, прежние?

Неужели и Медведев надеялся на что-то другое? Неужели ему, бесстрастному олимпийцу, не все равно — «да» или «нет»? Впрочем, конечно, не все равно — «да» вызвало бы скандал и бурю, а Медведев любит ясность и порядок. И поэтому Андрей ответил довольно зло:

— Разумеется. Стрелка на нуле.

— Вас понял. Вылетайте.

Он уже взялся за стартер, но неожиданная идея заставила его широко улыбнуться. Он достал из-под сиденья лучевую пилу, открыл люк и снова вылез наружу.

Искать долго не пришлось. У самой воды лежала плита чудного аметистового отлива, дымчато-прозрачная, с бегучими красноватыми огоньками внутри. Не переставая улыбаться, Андрей стал вырезать из нее куби-

ки. Несмотря на все старания, кубики получались неровные — один больше, другой меньше.

Кстати, сколько кубиков должно быть в детском строительном наборе? Наверное, чем больше, тем лучше...

Андрей даже взмок от непривычной работы. Чутко реагируя на учатившееся дыхание, у щек вспухли зеленатые комочки хлореллы.

Ну вот, полсотни, наверное, хватит...

Играй, сынишка! Когда ты подрастешь, я расскажу тебе о кристаллопланетах. К тому времени все забудут о них, как о чем-то ненужном и запретном. Для тебя это будет диковинная сказка. И если сказка тебе понравится — ты сделаешь из кубиков кристаллопланету. На твоей планете будет жизнь, потому что ты сам...

Хлюпнул клапан вакуум-кармана, проглотив камешки.

Опустив пилу, Андрей смотрел на ямку, вырезанную в плите.

Сладкий, страшный, еще не оформленный в слова, но уже зовущий, дурманиющий замысел кружил голову. Итак, барьер...

Комочки хлореллы зябко щекотали щеки.

Тройной запас. Один действующий, два — аварийных. Аварийный запас. Но ведь для этого...

В ушах тихо, но повелительно стучал метроном: тик-тик.

Андрей поднял глаза, бессознательно прислушиваясь.

Нет, это бьется сердце: так-так.

Раздвоенная скала повисла над озером, как два прямых крыла, застывших в ожидании взмаха.

Андрей высвободил правую руку из перчатки биоправления. Четыре манипулятора безжизненно упали. Нашупав под панелью предохранитель аварийного блока, он сжал пальцами обнаженные клеммы. Что-то треснуло, и запахло гарью.

И тотчас над ухом раздался тревожный голос Медведева:

— «Прима», я — «Альфа», почему исчез сигнал со скафандра?

— «Альфа», я — «Прима», все в порядке, случайно задел аварийный предохранитель, все в порядке...

— Вы в кабине?

Господи, как стучит в ушах!

— Да.

— Почему не летите?

— Все в порядке, Петр Егорыч, не волнуйтесь.

— А почему, собственно, я должен волноваться?

— «Альфа», я — «Прима», вылетаю.

— «Прима», я — «Альфа», вас понял. Ждем. Вы опаздываете на полчаса.

Полчаса... Что такое полчаса?

Солнце уже миновало зенит, и у ног легло темное пятно: сплюснутая, раздавленная тень скафандра с изломанными манипуляторами.

Метроном стучал все громче.

Андрей положил пальцы на тугую красную кнопку.

* * *

Нина проснулась сразу. Сердце тревожно колотилось, и первым бессознательным движением она включила светильник над детской кроваткой.

Зеленый сумеречный свет выхватил сладко посапывающий нос, приоткрытые пухлые губы.

Сын безмятежно спал.

Она выключила свет и опустила голову на подушку.

В комнате было темно, тихо и душно. Интересно, сколько сейчас времени? Зажигать часы почему-то не хотелось, и она пыталась определить время по какой-нибудь примете. Справа по стене поползли причудливые перистые тени, метнулись на потолок и исчезли. За стеной что-то тонко звякнуло, зашуршало и тоже замерло.

Прошла минута, а может быть, и больше. По-прежнему все покойно, темно и тихо, только ровное дыхание сына живет в комнате.

Нина закрыла глаза. Мысли текли медленно и бес-связно, всплывали, кружились на месте и снова тонули.

Что ее так испугало? Кажется, какой-то крик. Но никто кричать не мог. Сын спит. Значит, что-то приснилось. Но что?

Она пыталась вспомнить сон, но перед глазами плясали обрывки какой-то фантастической ерунды: синие скалы, розовое небо, молочное озеро, зеленое солнце и какое-то странное насекомое, похожее на раздавленного майского жука.

Нина повернулась на бок, свернулась калачиком, пытаясь уснуть. Непонятная тревога не проходила.

Может быть, слишком душно?

Вместо того чтобы включить микроклимат, Нина встала, накинула халат, ощупью, натываясь на мебель, подошла к едва различимому проему окна. Створки медленно разошлись в стороны, в лицо ударил влажный ночной воздух, пронизанный льдистыми серебринками таежных запахов.

Чуть закружилась голова. Внизу поблескивали звезды — огни огромного города. Их разноцветный рой тянулся до самого горизонта, переходя в строгие рисунки небесных созвездий.

Звезды... Наперебой мигают веселые светлячки. Словно чья-то черная ладошка балуется с огнем: откроет — закроет, откроет — закроет. Точка — тире, точка — тире. Суматошная ночная морзянка.

Нина попробовала представить себе леденящую жуть безмерных пространств, голубоватые протуберанцы чужих солнц и зябко поежилась. Нет, звезды все равно останутся для нее такими, как в детстве, — добрыми, забавными светлячками.

Неужели они, вот эти далекие огоньки, могут отнять у нее Андрея?

И снова пугающе ясно встал перед глазами сонный кошмар: синие скалы, зеленое солнце и странный майский жук. Нет, он не раздавлен, он треснул вдоль тела надвое, и в черной трещине...

Нет, нет! нет! Звезды, вы такие добрые отсюда, с Земли, вы не можете, вы не имеете права!..

Где ты, Андрей, что с тобой? Почему так ностальгия?

Справа бесшумно вполнеба полыхнуло зарево, и ровно через четыре секунды ощутился толчок воздуха — это стартовал по расписанию межконтинентальный реактив. Значит — три часа пятнадцать минут по местному времени.

Суетились, сплетались и расплетались внизу горящие полосы от фар электромобилей — в глубокой тишине ночи кто-то куда-то спешил, кто-то кого-то ждал, кто-то с кем-то встречался и расставался.

Глаза уже привыкли к темноте, и Нина прошла в соседнюю комнату.

Ей было очень стыдно, но пальцы вопреки воле набрали номер.

Ева не спала, она улыбнулась Нине из уютного кресла и отложила на столик блокнот с карандашом.

И пока Нина мучительно соображала, о чем спросить, чтобы хоть как-то оправдать звонок среди ночи, Ева заговорила первая:

— Не спишь? Маешься?

И, не дождавшись ответа, продолжала:

— А ты не опускай глаза. Я сама не сплю ночами. Вот уже пятнадцать лет. С тех пор как Артур первый раз ушел в звезды... И никто из наших не спит. Эла мне уже четыре раза звонила.

Чувствуя в горле застрявший комок, Нина пыталась извиниться за беспокойство, говорить еще какие-то слова, но Ева — кто и когда назвал ее «космической мамой»? — прервала:

— Брось ты! Нечего стыдиться. И поплачь, если хо-

чется. Им, мужикам, — звезды, а нам, бабам, — слезы. Так говорили в старые времена.

Ева выговаривала «и» по-латышски мягко, а «б» — со взрывной твердостью, поэтому у нее «мужики» звучали нежно, а «бабы» клацало, как затвор старого охотничьего ружья... Про «старые времена», наверное, точно, потому что художница Ева Бремзис старину знала хорошо.

Нина невольно перевела глаза на гобелены, которыми была увешана вся комната. Пламенеющие тона узоров и рисунков светились в полумраке, и оживали, двигались прекрасные фигуры — то могучие, то хрупкие, то нежные — и распускались диковинные цветы, и пахли травы, и плескалось янтарное море, и медленные руны «Калевалы» выплывали из глубин времени навстречу атомным солнцам нового века...

Ева перехватила взгляд.

— Любуешься? А ведь я нарочно в этой комнате сижу по ночам. Здесь спокойнее.

Нина молчала, и Ева взялась за блокнот:

— Хочешь, новенькое покажу? Это набросок, но хочу вот что-то в этом роде сотворить. К прилету наших мужичков... Чтобы знали, что мы без них не сидим без дела...

Ева поднесла блокнот к самому экрану.

— Нравится?

Это был набросок люмографом, к тому же выполненный в обобщенно-условной народной манере, поэтому Нина не сразу разобрала, что там изображено. Только постепенно выходящие цветные штрихи складывались в части рисунка.

Синие, геометрически ровные скалы...

Зеленое солнце с двумя коронами...

Белый овал неподвижного озера...

Зеленое существо... нет, это скафандр... да, конечно, скафандр, причем можно точно определить марку — САЖО-5, как она сразу не смогла...

Тишина.

Она еще не успела удивиться или растеряться, как тупо ударило в виски, рисунок треснул, и за ним была ночь, и через безмерный провал пространства, рядом, в упор, тускло блестя, разошлись створки скафандра, отдавая беззащитное тело страшному чужому миру...

— Что с тобой, детка? Что ты кричишь?

— Евиня, ему плохо. Евиня!..

* * *

На корабле царила радостная суматоха.

В одинаковых серых комбинезонах с откинутыми шлемами, перепачканные и веселые, ученые сейчас походили на ватагу мальчишек, задумавших разгромить сонное электронное царство. Щелкали переключатели, перепуганные автоматы взвизгивали, ошалело мигали индикаторными лампами, пытались мгновенно понять и привести к покою бессистемные возмущения в цепи, но все новые и новые алгоритмы заставляли их напрягаться, а динамики общей связи грохотали в каютах и переходах разными голосами: «Проверка! Проверка!»

Злой и расстроенный Кривцов бродил по отсекам, тщательно ощупывая каждый метр матового металла. В отсеке хронопульсации он едва не упал, споткнувшись о чьи-то ноги. Из-за раскрытого пульта выглянул кибернетик Станислав Свирин.

— Слушайте, отдайте мои очки! Я же знаю, что вы их взяли!

Свирин, пригладив короткопалой ладошкой зазорный седой вихор, попытался изобразить возмущение на своем круглом лице:

— Товарищ Кривцов, если вы еще раз спросите меня о своих очках, я отправлю вас месяца на два в прошлое. Я же сказал: спроси у Апенченко.

— Спрашивал.

— Ну и что?

— Он говорит: не брал.

Голос кибернетика по-прежнему оставался серьезным:

— Вполне возможно. На таких планетах все возможно. Лабир! Загадочный минерал! Дозвездная материя. Что с нее возьмешь, с дозвездной материи?

— Ну, ребята, поймите — я без очков не могу считать графики метеорных пушек... Дело же стоит... Хватит...

— Очки в наш век — мелкое пижонство. Надо носить контактные линзы. Немного портят цвет глаз, но зато вполне надежно.

— Слушай, Стас, кончай ради бога...

— Бога нет...

Неожиданно полоснул по нервам вой сирены.

— Общая тревога!

Стас мгновенно вскочил на ноги.

— Проверка... — хихикнуло в динамике.

Стас погрозил кулаком в пространство и со вздохом отдал Алексею очки, которые оказались в нагрудном кармане.

— Рыжий черт! Все настроение испортил. Шуточки, тоже мне!

Он отвернулся к приборной стенке, на которой чернела надпись: «Осторожно! Минус-время!», и пробурчал совсем тихо:

— Слышать эту сирену не могу. Раньше ничего, а сейчас... Когда Земля почти рядом...

До Земли было больше тысячи парсеков, и даже лучу света нужно три с половиной тысячелетия, чтобы добраться до этой бесконечно малой и бесконечно родной капли звездного океана, но Кривцов посмотрел на внезапно обмякшие плечи кибернетика и промолчал.

В командном отсеке сочно гудел ГЭМУ — главный электронный мозг управления. Его «голова» возвышалась в центре, за спинками пилотских кресел, огромной плавучей миной времен второй мировой войны. В мно-

гочисленных матовых окошечках скакали зеленые и синие молнии, а шишковидные выросты то светлели до полной прозрачности, то наливались темной терракотой, то угрожающе чернели. ГЭМУ напряженно думал.

Кроме ГЭМУ, в отсеке было двое — капитан и второй пилот Реваз Рондели. Бремзис сидел на корточках возле электронного мозга и, поглядывая на сигнальные рожки, подбрасывал в щелкающие челюсти курсографа очередную порцию данных. Пилот, полулежа в кресле, мрачно наблюдал за его работой.

— Ну, как дела, Реваз? Что с надпространством?

— Проверил, капитан. Аппаратура входа и выхода работает отлично. Немного киснет правый восьмой суб-элейтер, но в пределах нормы.

— А ты все-таки поставь свежий блок из резерва. Не ленись. Теперь экономить нечего. Мы почти дома.

Пилот тяжело вздохнул и поднялся с кресла. Поднимался он как-то по частям, поочередно вытягивая до нормальной длины ноги, руки, туловище, чудом уместившееся в коротком кресле. И когда «процесс вытягивания» наконец закончился и Реваз встал во весь рост, ему пришлось наклонить голову, чтобы не зацепить гирлянду светильников на потолке: два с половиной метра высоты отсека были ему малы.

Капитан покосился на башмаки сорок пятого размера, торжественно проплывшие по направлению к выходу, и хитровато улыбнулся.

Когда Реваз вернулся, капитан уже сидел в кресле, развернувшись спиной к прицельным экранам.

— Ну что, Реваз?

— Поставил.

— Ну и отлично. Отдыхай.

Однако пилот не собирался садиться. Он стоял мрачнее тучи перед капитаном, упираясь головой в потолок, и молчал. Бремзис опустил глаза.

— Ну что стоишь? Садись!

Рондели начал очень тихо и очень нежно:

— Скажите, Артур Арвидович, кому на этот раз выводить корабль в надпространство?

Артур смущенно забарабанил пальцами по подлокотникам.

— Реваз, ты, пожалуйста, не обижайся...

— Значит, опять вы сами? — В голосе пилота прозвучали первые шорохи надвигающегося горного обвала.

— Но, Реваз...

— А Ревазу Рондели, как маленькому мальчику, вы разрешили только нажать кнопку автоматического выхода из «трубы Кларка», да?

С грохотом посыпались камни. Начался обвал.

— Реваз недостойн, да? Реваз неспособен, да? Реваз не сумеет, да?

Бремзис протестующе поднял руку:

— Реваз, дорогой, ты отличный пилот, но пойми, я сын рыбака и внук рыбака и правнук рыбака... У нас такой обычай — судно в обратный рейс обязательно выводит сам капитан. Иначе не будет удачи...

— Позор! — взревел Реваз, чуть не плача от ярости. — Сто раз позор! Капитан звездолета, который верит в бабушкины сказки! Предрассудки! Мистика!

— Но, Реваз, выход из «трубы Кларка» гораздо ответственнее, чем вход!

— Ответственнее? От-вет... — Пилот даже задохнулся. — Это... это сто лет назад было ответственнее, а теперь... Вот!

Длинный палец Реваза болидом просвистел над головой капитана и уперся в небольшую панель с овальной полосатой кнопкой в центре.

— Теперь Реваз нажимает эту кнопку и может идти пить «Саперави»! Автоматы сами выводят корабль подалее от всяких опасных мест! Ты хитрый человек, капитан!

Артур покраснел, но разозлиться не успел — вошел Медведев. Реваз смолк и, ворча что-то по-грузински, пошел укладывать свое тело в пилотское кресло.

Медведев даже не взглянул на него.

— Артур Арвидович, «Хронос» заряжен всей информацией, которую мы собрали за время экспедиции. Катапульта включена. Так что если с «Альфой» что-нибудь случится...

— Петр Егорович, плюньте через левое плечо. Такие вещи перед отлетом нельзя говорить... Как «Прима»?

— «Прима» уже в ангаре. Кривцов и Свирин помогают Савину.

— На последнем витаскопе результаты прежние?

— Разумеется...

Медведев направился было к выходу и неожиданно остановился.

— Послушайте, Артур Арвидович, вы хорошо знаете САЖО-5?

— Гм... Я, между прочим, испытывал еще пробную серию САЖО-1. Сначала в барокамере, потом в космосе... А САЖО-5 появились как раз после этих испытаний. Так сказать, окончательный вариант.

— Скажите, можно ли случайно задеть аварийный предохранитель?

Артур задумался.

— Вообще... Вообще, конечно, можно... Но для этого надо, чтобы сама собой открылась панель. Это уже совсем невероятно.

— Но все-таки возможно?

— Да, пожалуй... А в чем дело?

— Нет, ничего. Я просто так. Из любопытства.

Медведев выдвинул из стены откидное кресло и сел, вытянув ноги, закрыл глаза и, казалось, задремал. Лишь иногда сплетенные длинные пальцы вздрагивали и цепко перехватывали друг друга.

Андрей вошел минут через десять — ссутулившись, тяжелыми неуверенными шагами, словно пол под ним слегка качало. Он был бледен и угрюм.

— Товарищ капитан, космонавт Савин из полета

в квадрат 288-Б прибыл. Витаскоп доставлен. Происшествий нет.

— Хорошо. Идите, Савин.

Андрей повернулся, чтобы уйти.

— Вы плохо себя чувствуете, Савин?

Было в голосе Медведева что-то такое, что заставило Андрея внутренне сжаться.

— Нет, я чувствую себя отлично. Просто немного устал.

Во взгляде Медведева не было обычной насмешливости. Глаза смотрели строго и грустно.

— В таком случае я хотел бы попросить вас немного помочь мне.

Чувствуя между лопатками струйки холодного пота, Андрей шел за Медведевым по ярко освещенному коридору.

Шеф что-то подозревает. Если он догадается... Андрей уже видел такое однажды: восемь дископланов, повисших над почвой, скрещенные струи холодной плазмы, убивающей все живое... По уставному это называется «немедленная полная стерилизация зараженной местности».

Радиорубка сияла полированным металлом и стеклом под темным куполом объемной вариакарты. Странный звездный купол с повисшими в пространстве названиями, вдоль и поперек перечеркнутый трассирующими строчками линий менгосвязи, придавал рубке сходство с планетарием. Пол слабо тлел, подсвечивая снизу переговорные пульты. Над одним из них опалово поблескивал экран прямой телесвязи с Землей. Этому экрану суждено скоро ожить после полугодового перерыва. Там, у границ солнечной системы...

Андрей поискал глазами бронированную торпеду «Хроноса». Капсулы не было. Значит, «Хронос» уже в аварийной катапульте. Какой же помощи хочет от него шеф?

— Придется проверить всю схему радиоконтроля

САЖО-5 и «Примы», — неторопливо и бесцветно заговорил Медведев, не глядя на Андрея. — Когда пропал контрольный сигнал со скафандра...

— Я случайно задел аварийный предохранитель.

— Да, да, вы сразу сказали мне об этом. Вы ведь были тогда уже в кабине.

— В кабине.

— Вот видите! Когда пропал сигнал со скафандра, я взял на контроль «Приму», но и там не было сигнала... Ведь вы сразу взлетели, судя по радиограмме?

— Сразу...

— Да... Значит, в системе радиоконтроля что-то барахлит, иной причины быть не может. Если только...

Медведев рассеянно двигал взад-вперед микшер мощности следящего агрегата, и длинная стрелка главного амперметра покорно качалась от нуля до красной черты. Мерные качания гипнотизировали.

— Если только вы не снимали скафандр, чтобы подышать свежим воздухом этой гостеприимной планеты.

Последняя фраза прозвучала громко и резко. Андрей оторвал наконец глаза от гипнотической стрелки и попробовал улыбнуться.

— Да, я... с-собирался погулять, как вы помните... Но как-то не получилось... В другой раз...

Медведев не поднимал головы, поглощенный игрой с микшером, и Андрей начал тихо злиться.

— В конце концов, я не знаю, в чем дело. Может быть, схема виновата. Зеленое солнце было в зените, а в это время, как вы знаете, ионизированная за черный день углекислота разряжается в пространство. Возникают всякие магнитные и электрические облака. Может быть, такое облако на время экранировало контрольный сигнал «Примы». Откуда я знаю? А схема... Схему можно проверить, если хотите...

Медведев поднял голову и потер лоб, искоса поглядывая на Андрея, точно увидел его впервые. Андрей выдержал взгляд, только побледнел еще больше.

— Да. Я этого не учел. Вы правы. Схема, вероятно, в порядке. Просто какие-то помехи прервали сигнал. Извините, что побеспокоил.

Он говорил негромко и устало, словно перенес огромное душевное и физическое напряжение, словно это он, а не Андрей, был в квадрате 288-Б. Злость прошла, и Андрей почувствовал вдруг прилив доверчивой ребячьей нежности к этому рано поседевшему, замкнутому человеку. Ему захотелось взять его за руку, крепко сжать и рассказать все. Все — от начала до конца. Он должен понять.

Они стояли друг против друга и молчали. И оба вздрогнули, услышав в динамике резкий голос капитана:

— Всем в кают-компанию! Всем в кают-компанию!

Капитан встретил их торжественный, затянутый в парадный китель, выбритый и благоухающий.

— Прошу садиться.

Садиться никому не хотелось. Все столпились у стола, перешептываясь, оправляя свитера и куртки, наскоро причесываясь, словно готовились к групповой фотографии. Андрей, невольно смущаясь, встал за спины товарищей — он так и не успел снять комбинезон.

Артур поднял руку.

— Товарищи космонавты! Наша работа окончена. Мы выполнили задание Земли, проведя глубокую разведку самых таинственных образований Галактики — кристаллических планет. Мы собрали богатый материал. Особо хочу подчеркнуть, что наша экспедиция обошлась без аварий, без ЧП и крупных дисциплинарных нарушений...

— Господи, спаси моряка, — прошептал рядом Кривцов, закатывая глаза. — И здесь без устава не обошлось...

Андрей почувствовал на себе чей-то взгляд, поднял глаза. Медведев отвернулся.

— Коротче говоря, звездолет-разведчик «Альфа» пол-

ностью готов к старту. Старт назначаю на двадцать четыре ноль-ноль бортового времени. Побудка — за час до старта. Вопросы есть?

— Нет! — перекачилось по каюте.

— Тогда — отбой!

Первым вышел Медведев, за ним Кривцов, Апенченко и Свиринов. Пропустив капитана, исчез в овале двери Реваз Рондели.

Андрей остался один.

Он подошел к портъере, которая так и осталась незадернутой.

Снова была ночь, вернее, не ночь, а черный день, невидимое солнце стояло в зените, и только у самого горизонта роились крупные сердитые звезды, а снизу неподвижными языками золотого, розового и оранжевого огня били в черный зенит кристаллы лабира.

Но что-то изменилось в этом странном блистающем мире. Он перестал быть чужим.

И Андрей вдруг понял, что отныне его будет тянуть сюда, к этой планете, как сейчас тянет к Земле. И что вечно ему метаться между двух огней, не находя покоя...

— До свидания, — шепнул он черному солнцу и лабиринтовому сиянию. — До встречи. Я вернусь.

У себя в каюте Андрей, не раздеваясь, упал на постель. Мучительно ломило виски. Он нащупал на столике снотворное и проглотил не запивая.

— Дело сделано, Петр Егорыч, — прошептал он с закрытыми глазами. — Теперь уже ничего не изменишь. Колесо закрутилось.

Под прикрытыми веками прыгали зеленые, синие, красные пятна. Постепенно их движение становилось все более плавным, пока не перешло в медленное вращение. Крутилась, крутилась трубочка калейдоскопа, цветные стеклышки складывались в неповторимые узоры, эти узоры наматывались один на другой, как тонкие кружева, узорчатый клубок распухал, пока не превратился

в планету — и тогда треснули синие скалы, брызнув во все стороны дрожащими нитями побегов...

Вся планета заросла неистойвой, бешеной сиренью, огромные тяжелые соцветья свисали до самой земли, а сирень все росла и росла, и это был уже непроходимый лес, и Андрей продирался сквозь него, по колено утопая в опавших лепестках, задыхаясь от душного запаха сирени — пока впереди не мелькнула матовая белизна... Вот он уже стоит на нижней террасе возле озера, а над ним — сирень, и навстречу вприпрыжку бежит светло-волосый мальчуган, похожий на Нину:

— Папа! Папа прилетел!

* * *

Международный Совет Космонавтики заседал вторую неделю, и вторую неделю с Землей творилось что-то неладное. Внешне ничего не изменилось: днем и ночью бесчисленные подземные заводы выгружали на поверхность свою продукцию, межконтинентальные реаклеты стартовали точно по расписанию, вычислительные центры решали головоломные задачи — словом, ни один винтик сложного хозяйства планеты не сломался, ни одно колесико не остановилось.

Но спортивные состязания отменялись одно за другим — исчезли болельщики. Напуганные необычной тишиной, лесничие заповедников слали тревожные радиogramмы — исчезли туристы. Библиотекари в пустых залах читален перешептывались о падении нравов — исчезли читатели.

Дремали в хранилищах ролики приключенческих фильмов, но зато в планетарий невозможно было попасть. Пылились на полках томики писателей-фантастов, но зато черными пробойнами в стенах зияли полки специальной литературы по астрономии и космогонии.

Перед тем, что привезла экспедиция звездолета «Альфа», меркла самая изощренная фантастика.

И только находчивая Селена Суока имела в те дни бешеный успех. Она возникала на сцене, словно материализуясь из пустоты под тоскующие всплески электрооргана, с ног до головы закутанная в переливчатую синюю вуаль. Медленно, очень медленно из всплесков рождалась мелодия старой песни «Вечные паруса», и так же медленно падала вуаль, открывая безжизненное белое лицо с огромными остановившимися глазами. Стонали, метались испуганными чайками высокие скрипки, медленно падала вуаль, медленно обнажались плечи и грудь, на которой сверкало ожерелье из настоящего лабира. Серебряные трубы взмывали ввысь, и вслед за ними взлетала бледная рука, и низкое контральто леденило зал глубоким длинным вздохом:

Там, в неизмеренной дали,
за солнцем солнце открывая,
увидят люди край земли
и остановятся у края...

К исходу второй недели страсти стали утихать. Спортивная федерация объявила, что отмененный ранее чемпионат мира по эlegant-хоккею все-таки состоится — количество заявок подошло к норме. В Беловежской пуше кто-то подстрелил зубра. В читальном зале Ленинской библиотеки заказали пласт-копию «Слова о полку Игореве». Двадцатипятисерийный приключенческий фильм «На каждом миллиметре» получил серебряный приз на Софийском кинофестивале. Мальчишки забросили скафандры и снова играют в строителей.

Последнее заседание Совета, как и все предыдущие, транслировалось по ста восемнадцати каналам международной телесвязи на Земле, передавалось на все орбитальные спутники и космические станции, в академгородки Луны, Марса и Венеры, на постоянные посты за пределами солнечной системы и корабли, летящие в световом интервале скоростей.

Но на этот раз у домашних телестен и каютных

экранов собрались в основном скучающие пенсионеры, свободные от вахты космонавты, переживающие за коллег, и просто любители научных скандалов.

Предстоял «похоронный день».

«Похоронные дни» давно уже стали традицией. Разведчики Глубокого космоса привозили с собой не только образцы и факты, но и смутные догадки, неясные ощущения, неожиданные сопоставления. Это были психологические «отходы производства», не входящие в отчеты экспедиций, но ведь когда-то в отходах производства урановых фабрик супруги Кюри нашли полоний и радий...

Поэтому Совет очень внимательно рассматривал любое, даже самое фантастическое предположение космонавта, ведь его подсознание могло зафиксировать то, что не понял и не принял мозг, — в толще песка могла сверкнуть золотая крупница открытия.

Надо сказать, однако, что такие крупницы сверкали не слишком часто. Гораздо чаще новоявленной гипотезе совершенно справедливо устраивали пышные «общественные похороны». Обычно разведчики защищались отчаянно, и проходило немало времени, прежде чем все становилось на свои места.

Однако сегодня ничего интересного не предвиделось.

Медведев читал докладную космобиолога Савина в полупустом зале. Операторы телекамер откровенно зевали. Штейнкопф, склонив седую львиную голову, следил за чтением по немецкому тексту и время от времени усмехался.

В буфете у стойки бара было шумно и многолюдно.

— А я все-таки понимаю Савина — кристаллопланеты кого хочешь с ума сведут...

— Но послушай, искусственное происхождение — это же черт знает что такое!

— Да что ты привязался к искусственному происхождению? Он же сам пишет: «Допускаю в качестве рабочей гипотезы». Вот смотри здесь: «Моя задача го-

раздо уже...» так... так... вот: «Доказать возможность жизни на кристаллопланетах... убрать тем самым барьер Штейнкопфа с пути человечества... остальное сделают другие...»

— Ну и что он доказал? Только то, что Штейнкопф прав!

— У него здесь очень серьезные выкладки...

— Выкладки! Нет жизни на кристаллопланетах? Нет!

— Я полностью согласен с Гориным: верх нелепости. Правой рукой Савин подтверждает Штейнкопфа, левой пытается отрицать. Я просто не понимаю, почему Совет принял к обсуждению эту докладную. Ясно ведь, что докладная — плод фантазии переутомленного человека. Даже неудобно как-то за него...

— Товарищи, а почему сам Савин не был ни на одном заседании? И сейчас его нет...

— Стыдно, наверное, за свое произведение...

— Брось, Панчук, как не совестно! Савин болен...

— А что с ним?

— Не знаю...

— Говорят, катар верхних дыхательных путей или бронхит... В общем, что-то в этом роде...

— Никогда не думал, что космонавты боятся простуды...

— Осторожно, «киты» на горизонте!

— Не выдержали...

— Из него никогда не выйдет серьезного ученого, — торопливо, с одышкой говорил директор Института генетики Столыпин, едва поспевая за тяжелой, но стремительной фигурой одного из восьми постоянных председателей МСК, Манука Георгиевича Микаэляна. — Он и раньше метался из института в институт, от одной темы к другой. И ничего не доводил до конца. Его стремление к оригинальничанью и рекламе не знает границ. Планеты — зонды! Планеты — яйца! Бред какой-то...

Микаэлян нетерпеливо раскачивался на носках, ожи-

дая, пока автомат наполнит стакан. Ободренный его молчанием, Столыпин продолжал:

— И потом эта теория «перенасыщенного раствора». Савин отвергает эволюционное перерождение неживых форм материи в органику. Вы только послушайте: «Перенасыщенный раствор соли может бесконечно долго оставаться раствором, но стоит бросить туда хотя бы один кристаллик, как начнется бурная кристаллизация, и за минуту почти весь раствор превратится в твердое тело. Так и в космосе — накопление факторов возникновения жизни может идти бесконечно долго, не давая жизни. Но достаточно легкого толчка, чтобы произошел биологический взрыв...» Это же пресловутый божественный первотолчок! Чистейшей воды деизм!

Запотевший стакан жег пальцы. Отдуваясь, кряхтя и морщась, Микаэлян пил ледяной «Боржом» маленькими глотками и старался не смотреть на Столыпина.

— А эта галиматья об управляемых биосферах? Или о «жизненных инъекциях»? Какие перлы: «Намеренное введение в чужие миры естественных или искусственных организмов может разбудить спящие миллион столетиями пустыни кристаллопланет, и кто знает, какие горизонты откроются нам тогда!» Каково, а? А ведь молодежи только свистни — она на рога полезет... Провокация!

Микаэлян посмотрел пустой стакан на свет и поставил его на стойку.

— Слушай, Столыпин, ты на Луне был?

— Был. А...

— В скафандре?

— Смеетесь, Манук Георгиевич? В мои годы — скафандр!

— Вах! Так ведь на Луне нет атмосферы! И жизни нет! Что же ты наделал, Столыпин? Ты уже мертвец!

— Ах, вот вы о чем... Но Луна — это совсем другое дело!

— А у нас в Армении говорят: «Если кончил одно

дело — скорей берись за другое, иначе не успеешь сделать третье». Хорошо говорят, да?

— Манук Георгиевич, значит, вы...

— Ничего и не я! — разозлился вдруг Микаэлян и зашагал к дверям, раздвигая толпу мощным коротким корпусом.

В буфете снова зашумели.

— Товарищи, а ведь Микаэлян за Савина! Мне показалось...

— Вот именно — показалось! Просто Микаэлян против Столыпина, вот что. Он его терпеть не может...

— Терпят, как видишь.

— Бездарь...

— Не бездарь, а организатор науки. Теперь так называют...

Когда Андрей и Нина тихонько вошли в зал заседаний и, не замеченные никем, присели на крайнюю скамью, Столыпин уже кончал свое выступление. Он вдохновенно и витиевато говорил о пережитках идеализма у отдельных молодых ученых, о пресловутом Верховном Разуме, о волюнтаризме в науке.

— Некоторые молодые ученые в погоне за рекламой и сомнительной известностью в некомпетентных кругах широкой публики время от времени выдвигали, выдвигают и будут выдвигать так называемые «безумные гипотезы», посягать на фундаментальные законы природы, проверенные опытом. Я подчеркиваю — проверенные опытом! К одному из таких фундаментальных законов относится теория жизненного барьера нашего уважаемого Ореста Генриховича Штейнкопфа...

Штейнкопф исподлобья посмотрел на потный голый затылок Столыпина и что-то тихо сказал соседу, брезгливо оттопыривая нижнюю губу. Сосед согласно кивнул.

— Гипотеза Савина заманчива и внешне доказательна. Но это обман, товарищи! Можно выдумать что угодно, изобрести самую что ни на есть сногшибательную теорию и более или менее логично доказать ее. Но

в мире от этого ничего не изменится. У нас есть один критерий — практика, опыт, эксперимент. Экспедиция «Альфа» опытным путем, практически доказала наличие барьера Штейнкопфа и несовместимость жизни с дозвездным веществом. Я подчеркиваю — практически! На каком же основании Савин предлагает нам свои полуграмотные домыслы? Какую цель он преследует, кроме желания прослыть новатором и оригиналом?

Столыпин тщательно вытер лысину платком, поправил галстук и, отпив глоток из стакана, аккуратно прополоскал рот.

— И еще на одно я хочу обратить ваше внимание, товарищи... Савин выступает с провокационным предложением ввести кристаллопланетам «жизненную инъекцию» из земных организмов, обещая за это целую кучу радужных перспектив. Можем ли мы пойти на такое? Нет, тысячу раз нет! И прежде всего потому, что это противоречит доказанному практически, а следовательно, фундаментальному и незыблемому закону Ореста Генриховича Штейнкопфа. Кто же может решиться на подобный безумный шаг? Кто возьмет на себя ответственность за его последствия? Я спрашиваю — кто?

Вопрос прозвучал риторически. В зале и за столом Совета переговаривались, ожидая конца затянувшейся речи. Столыпин выдержал эффектную паузу и стукнул костистым кулаком по трибуне:

— Я спрашиваю — кто после всего сказанного решится на подобный преступный эксперимент?

Микаэлян неодобрительно сморщился и постучал пальцами по столу.

— Слушай, Иван Васильевич, здесь не театр и не суд. Все так ясно, и никто пока не собирается...

— Дураков нет! — весело донеслось с галерки.

— Есть!

Телеоператор, еще ничего не поняв, профессиональным рывком развернул камеру на сто восемьдесят градусов, и миллионы глаз увидели лицо Андрея — насул-

лённое, скуластое, с набухшими под кожей желваками и подергивающимися губами.

— Вы, Иван Васильевич, много и вполне справедливо говорили о необходимости проверить теорию практикой. Но когда речь зашла об ответственности, желающих провести проверку не оказалось. Печально, но сейчас это уже не имеет значения.

Андрей закашлялся, прикрыв ладонью рот, и пошел к столу Совета, бесшумно и осторожно ступая по ворсистому полу.

Ему показалось, что Медведев чуть заметно кивнул из-за стола.

— Я хочу сделать дополнительное заявление Совету. Находясь на планете ПКК-13СД38, я намеренно нарушил пункт сто второй Всеобщего космического устава...

Зал затих. Тихо стало у домашних телестен и каютных экранов, на спутниках и орбитальных станциях, на Луне, на Марсе, на Венере, на внешних постах, где Солнце светит не ярче, чем Сириус Земле, и на звездолетах, которым чужие светила сияют в тысячу раз ярче, чем Земле Солнце.

— Я хочу рассказать все по порядку...

Слова были как тяжелые скользкие камни, он с трудом пригонял их друг к другу, громоздил одно на другое, тяжело дыша, неуклюжее сооружение вдруг рассыпалось само собой, и приходилось начинать все сначала.

Он рассказывал медленно, путаясь в незначительных подробностях, но постепенно власть пережитого заставила забыть о нацеленных объективах и прожекторах и стало свободнее.

Он остановился, чтобы перевести дыхание, и поднял глаза. Он не увидел зала, не увидел побледневшего, напряженного лица Нины.

Раздвоенная синяя скала повисла над белым озе-

ром, как два прямых крыла, застывших в ожидании взмаха.

В ушах тихо, но повелительно стучал метроном: тик-тик, тик-тик.

Комочки хлореллы зябко щекотали щеки.

Солнце уже миновало зенит, и у ног легло темное пятно: сплюснутая, раздавленная тень скафандра с изломанными манипуляторами.

Метроном звучал все громче.

Андрей положил пальцы на тугую красную кнопку.

* * *

Створки скафандра медленно разошлись, и нездешний зеленый свет ударил в лицо, ослепил.

Чужой плотный воздух забил нос и рот, и нельзя было ни вдохнуть, ни выдохнуть. Почему-то заложило уши, как в падающем самолете, и слышно было только, как хрустят ребра, бесполезно поднимая и опуская грудь.

Ослепленный и оглушенный долгой звериной мыслью без слов, он подумал, что это конец. Свободная правая рука, скребя по металлу ногтями, безвольно поползла вниз. Веки налились свинцом и закрылись сами собой.

И тогда сквозь затихающий шум крови он услышал свое имя.

Это не был далекий тоскующий крик, как бывает при галлюцинации или в сонном кошмаре. Голос донесся со стороны озера гулко, внятно и требовательно:

— Андрей!

Нина всегда будила его так. Подходила к постели и говорила в самое ухо:

— Андрей!

Но сейчас она сказала очень громко, так, что заклокотало тысячекратное эхо:

— Андрей!

Он рывком поднял отяжелевшую голову. Не откры-

вая глаз, нащупал в нише аварийного запаса первый попавшийся биопакет и, разорвав зубами, выбросил наружу. Потом еще один. И еще.

Ямка, вырезанная в лабире лучевой пилой, быстро заполнилась кусками вспучившейся хлореллы, какими-то колбочками, змеевиками, пленками, сетками, в которых жили миллионы колоний невидимых организмов.

Сдерживать дыхание больше не было сил. Кто-то изнутри колотил будто молотком в оба виска, грозя проломить череп, под плотно сомкнутыми веками плыл кровавый туман, сквозь который мелькали черные снежинки — все быстрее, быстрее, быстрее...

Но перед тем, как окончательно потерять сознание, он все-таки успел захлопнуть створки скафандра и нажать красную кнопку.

Возвращение из небытия было мучительным. Обоженные, отравленные легкие требовали кислорода, а сильно поредевшая хлорелла все еще не могла восстановить нарушенный ритм дыхания.

И тогда Андрей испугался.

Липкий страх полз откуда-то снизу, перебирался в руки, покалывая кончики пальцев, тошнотой подступал к горлу. Андрей открыл глаза. Вокруг ничего не изменилось, но он был уверен, что за секунду до этого окрестные скалы двигались. Двигались прямо на него, чтобы окружить, смять, раздавить. Он боялся моргнуть, потому что скалы за это мгновение могли сделать еще один шаг. Затравленно озираясь, он стал медленно пятиться к дископлану.

Дать тревогу! Немедленно дать тревогу!

Холодный пот стекал со лба, разъедаая уголки глаз, мешая следить за скалами. В легких свистело и хрипело. Теплая струйка побежала из носа, расплылась на губах. Свободной рукой он вытер губы, поднес к глазам — на пальцах была кровь.

Дать тревогу! Немедленно дать тревогу!

Сзади звякнул металл. Андрей пригнулся, ожидая

удара. Удара не было. Прошла четверть минуты, прежде чем он сообразил, что сзади лесенка дископлана.

Дать тревогу!

Скользя по ступенькам, он пятился вверх по лесенке, спиной пролез в овальный проем, устроился на сиденье. Задраил люк.

Дать тревогу...

Он, видимо, все-таки дал бы сигнал тревоги, если бы не приступ долгого, жестокого, изматывающего кашля.

Дышать стало легче. Сознание прояснилось, но голова трещала, словно после глубокого наркоза.

Сколько прошло времени? Андрей отупело смотрел на солнце. Яркий зеленый диск заметно клонился к горизонту, и вокруг него появилось третье кольцо.

Андрею вдруг показалось, что он пробыл без сознания очень долго, может быть, сутки. Сутки... Если сутки — корабль улетел. Его оставили одного. Его бросили. Его бросили в наказание... Один в лабиринном аду... Один!

— «Альфа»! «Альфа»! «Альфа»!

Он взлетел, не набирая высоты, рискуя разбиться о пирамидальные пики — туда, к далекому и желанному кораблю, напрямую, судорожно выжимая из моторов предельную мощность.

— «Альфа»!

Спокойный и слегка удивленный голос Медведева прозвучал рядом:

— «Прима», я — «Альфа», в чем дело?

Глаза предательски зашипало — но теперь не от пота. Кривя губы, Андрей повернул тумблер автопилота. Несколько секунд бессмысленно смотрел на свободную правую руку, потом потихоньку стал натягивать перчатку биоуправления.

— «Прима», я — «Альфа», вы меня слышите?

— «Альфа», я — «Прима», слышу хорошо, была потеря связи, иду в квадрат О—А, аппаратура — отлично, обстановка без изменений, все в порядке...

Ровный тусклый голос жил отдельно, стандартные фразы радиосообщения рождались не в горле, а где-то между губами и микрофоном, но, как ни странно, именно это успокоило Андрея. Натянутые до звона нервы отпускало толчками, заставляя подергиваться руки и ноги. И все четырнадцать «руконог» скафандра время от времени покорно вскидывались.

Все обошлось. Все позади.

Бешеная, неумная, истерическая радость овладела им. Он бросал машину вверх и вниз, вправо и влево, хохотал, пел какие-то песни, кричал — и наконец затих, обессиленный.

Все было, как шесть часов назад — так же висела в воздухе неподвижная тарелка дископлана, и так же бесконечной конвейерной лентой бежал внизу ковер, разрисованный геометрическими головоломками. Солнце садилось за спиной, из-за ребристого окоема пенистыми языками вырывалось зеленое пламя. Впереди уже показалась серебряная дуга облаков. Лабиринтовые ущелья таяли, становились прозрачными, плыли внизу бесплотной дымкой, и только высокие конусы, еще освещенные солнцем, отбрасывали длинные острые тени. Дорожными указателями тянулись они вперед — километровые стрелы, нацеленные в темноту.

А позади...

Андрей оглянулся.

Позади зеленел лес. Тонкие витые стебли, раскачиваясь, ползли из-за горизонта в побуревшее небо, двоились, троились, выбрасывали вихревые сполохи листьев...

Он не сразу сообразил, что это прощальная шутка зеленого солнца.

Прощальная шутка...

* * *

Андрей снова закашлялся и виновато улыбнулся, отдышавшись:

— Еще... не совсем... прошло...

Он искал глазами Нину и не нашел. Амфитеатр зала, час назад полупустой, теперь был набит до отказа. Многим не хватало места, и они стояли в проходах, под выгнутыми металлическими шеями операторских кранов. Голубые зрачки объективов тускло поблескивали со всех сторон, и Андрею снова стало не по себе.

— Вот, собственно, и все. К моменту стыковки я уже окончательно пришел в себя. Автомат поставил диск-план в ангар, а я направился в стерилизатор... В «инкубаторе» меня встретили Кривцов и Свирин. Я боялся, что Кривцов заметит отсутствие аварийного запаса и поэтому сказал Алексею, что мы справимся с «разделением» вдвоем. У Кривцова были еще какие-то дела с метеорными пушками, и он сразу ушел. Ну а Свирин ничего не знал...

— Почему вы скрыли от товарищей свой поступок? Вы боялись последствий?

Это спросил Микаэлян.

— Последствий? В какой-то мере да. Если бы об этом узнали до вылета, то, во-первых, местность вокруг Белого озера была бы немедленно стерилизована, и эксперимент...

— А во-вторых?

— А во-вторых... Если бы мне удалось убедить товарищей, нам бы пришлось вместе отвечать за нарушение устава... Я этого не хотел...

Андрей исподлобья взглянул на Медведева, но тот безучастно смотрел куда-то поверх людских голов. Микаэлян сидел красный и мрачный, с хрустом сцепляя и расцепляя на столе короткие толстые пальцы. Штейнкопф, кажется, вообще ничего не слышал — отложив в сторону раковину транзисторного синхропереводчика, он что-то писал, вернее, считал — тонкие губы беззвучно шевелились. Джозеф Кларк — тот самый Кларк, который открыл человечеству сверхсветовые скорости — не скрывая восхищения и одобрения, наводил яростный беспорядок в своей уитменовской бороде. Остальные

члены президиума Совета старались не глядеть друг на друга, бесцельно перелистывая копии докладной.

Кто-то из зала крикнул:

— Позор! Анархизм! Вон из науки!

Кажется, это был Столыпин.

И мгновенно амфитеатр превратился в клокочущую воронку. На столе запылали целые гирлянды сигнальных ламп: все требовали слова. Андрей стоял в центре этой гудящей воронки и не знал, что делать — остаться у стола или идти в зал.

Прошло минут пять, прежде чем сквозь тысячеголосый гул пробился звон председательского колокольчика.

— То, что мы сейчас услышали, в корне меняет смысл и направление дискуссии... — Микаэлян медленно подбирал слова. — Совет вынужден... мы должны выяснить обстоятельства и предполагаемые последствия...

Микаэлян замялся, взглянув на Кларка, который, угрожающе набычившись, явно намеревался немедленно ринуться в бой.

— Последствия... необдуманного поступка космобиолога Савина...

— Преступление!

Это опять выкрикнул Столыпин.

Микаэлян еще больше помрачнел и жестко кончил:

— О решении Совета по этому вопросу будет объявлено. Заседание считаю закрытым.

Снова взорвался, загудел, заклокотал амфитеатр, то ли одобряя, то ли угрожая, но когда из всех пяти проходов к нему устремились люди, Андрей растерянно отступил. Кто-то схватил его за рукав и изо всей силы потянул в боковую дверь.

— Алексей?

— Он самый. Скорей, а то останешься инвалидом.

Кривцов втолкнул его в какую-то узкую комнатку, где шпалерами стояли роботы-уборщики.

— Посиди здесь. И не высовывай носа. Я найду Нину.

Он немного задержался у выхода, поправил очки.

— Ну и учудил ты, дорогой мой. Так учудил, что...

Кривцов махнул рукой и плотно прикрыл за собой дверь...

Они возвращались домой вдвоем. Машину вела Нина. Андрей сидел рядом, уткнув лицо в поднятый воротник пальто, и время от времени поводил плечами — не мог привыкнуть к штатскому костюму.

Они молчали всю дорогу, до самого дома. Лишь остановив машину у подъезда, Нина спросила тихо:

— Тяжело тебе, Андрюша, да?

Андрей вылез, ничего не ответив. Нина, торопливо раздевшись с программой автоводителя, подошла сзади, прижалась к мужу, обняв за плечи. Электромобиль просигналил и отправился в гараж.

Андрей, закинув голову, смотрел на звезды. Недавний теплый дождь вымыл небо, и тысячи светлячков копошились в бархатной черноте. Изредка между ними вспыхивали длинные иглы метеоров. Текучим дымком бледно светился Млечный Путь.

— Вот и все, Нинок. Отлетался я.

— Но, быть может...

— Нет. Исключено. Я бы на их месте поступил так же... Отлетался.

Андрей не оглядывался, и это было очень кстати. В глазах Нины промелькнуло что-то похожее на радость...

* * *

На первый взгляд все было хорошо. Очень хорошо. Слишком хорошо.

Нина могла теперь спать спокойно. Андрей был рядом. Он любил возиться с сыном, готовил обеды по собственным рецептам, не доверяя кухонным автоматам. Лекции в университете — Андрей читал там курс биологической эволюции солнечной системы — занимали

всего несколько часов в день, остальное время он сидел дома.

Это случилось через неделю после того памятного заседания Совета. Семь дней пролетели в сумасбродной, счастливой суматохе. Андрей перевернул весь дом. Он изобретал какие-то самоходные коляски, универсальную люльку-кровать, побрякушки, реагирующие на голос, рассчитывал оптимальные формы пеленок и совершенствовал методы закаливания — словом, энергично входил в роль молодого папы. Он часто и много, может быть, чересчур часто и чересчур много — говорил о том, как соскучился по Земле, о своих будущих «наземных» планах. Похоже, понимая умом неизбежность расплаты, подсознательно он все-таки надеялся на чудо.

В воскресенье рано утром прилетели Артур с Евой. День прошел отлично: они забрались на аквалете далеко вниз по Енисею, мужчины рыбачили, женщины собирали неяркие таежные цветы, сын то сладко спал, то отважно воевал с большими синими стрекозами. Вечер провели за столом. Оба — и Андрей, и Артур — много пили, похваливая домашнее ягодное вино.

И только в прихожей, надевая плащ, Артур сумрачно пробасил:

— Чуть не забыл... Ты это... не расстраивайся... Понимаешь, Совет лишил тебя звания космонавта за нарушение устава... со всеми вытекающими последствиями... Так что... понимаешь...

— Понимаю, — эхом отозвался Андрей и улыбнулся. Чуда не произошло.

Осталась эта дежурная наклеенная улыбка — точно висячий замок на душе. Что там, за этим замком? Какая тоска? Какие бури? Можно только догадываться. И ничем нельзя помочь...

Первое время она старалась растормошить Андрея, отвлечь — водила по театрам и концертным залам, на лыжные прогулки и в турпоходы. За трехмесячный отпуск они облазили кратеры исландских вулканов и ав-

стралийские заповедники, ходили по плитам древних ацтекских храмов и спускались в подводный японский город Дзояя. Андрей был нежен и предупредителен. Он покорно делал все, что она придумывала. Но от этой покорности хотелось плакать.

Он оживал только тогда, когда приходили товарищи по «Альфе». Комната немедленно наполнялась крепким табачным дымом, крепкими шутками и крепкими спорами. Но звездолет «Альфа» два года назад ушел за пределы Галактики, к какому-то квазару, и от него до сих пор нет известий... На «Альфе» новый научный руководитель, потому что Медведев...

Станный человек этот Медведев. В последнее время он часто прилетал в Красноярск и встречался с Андреем. Встречался где угодно — в университете, в отделении академии, в гостинице, просто на улице — только не дома. Тайные переговоры? Вряд ли. Ведь свои видеофонные беседы они не скрывали. Даже наоборот. Однажды в отсутствие Андрея шеф долго расспрашивал о его делах и занятиях. Просил помочь Андрею победить сплин.

— Ему надо работать. Сжать зубы и работать. Трудно даже представить, что будет, если его гипотеза подтвердится...

Но домой так ни разу и не зашел.

А не так давно стартовал «Королев». Медведев улетел. С тех пор Андрей совсем окаменел. Почти не выходит из дому. Вздрагивает от каждого стука, от каждого звонка. И молчит. Молчит и читает. Или смотрит телевизор. Когда она приходит поздно, он торопливо открывает дверь, словно давно ждет кого-то... Из всех сил старается не показать разочарования.

Крепко — слишком крепко! — целует. Громко — слишком громко! — расспрашивает о делах. Весело — слишком весело! — рассказывает об очередных проказах сына. Но она-то видит его полные непонятного ожидания глаза...

Впрочем, все понятно. Дело в Медведеве. Вернее, в этой самой проклятой кристаллопланете. Ведь от «Королева» тоже четвертый месяц нет вестей...

Нелепая ситуация — ревновать к чужой планете...

А в остальном жизнь течет размеренно и ровно. Очень ровно. Слишком ровно.

Вот и сегодняшний вечер проходит, похожий на десятки, сотни длинных молчаливых вечеров.

Трехлетний Юра, восседая на полу, строит из лабировых кубиков какое-то немыслимое сооружение: то ли ракетный ангар, то ли Вавилонскую башню. Как ему только не надоест возиться с этими противными камешками? Будь ее воля — она бы выбросила весь потусторонний мусор куда-нибудь подальше. Они какие-то неприятные, эти камни, какие-то неестественные. Теплые и скользкие на ощупь, они прилипают к рукам, словно железо к магниту. Ни к чему другому не прилипают, а к живому телу прилипают. И еще это нездешнее гипнотическое свечение...

Но Юрка от камешков без ума. Попробуй спрячь — рев на весь день.

Зато Андрей блаженствует, когда сын играет с лабиром...

Андрей закрыл книгу, разгладил строгую синюю обложку: «Алексей Кривцов. К вопросу о квазиатомной структуре дозвездного вещества в лабировых образованиях». Молодец Алешка. Может быть, многовато фактов и маловато выводов... Но это даже хорошо. Бунтарская мысль об искусственной природе лабира сквозит между строк, напрашивается сама собой. Молодец.

Алешка... Два года — ни слуху ни духу... Первая разведка за пределами Галактики...

Там, в неизмеренной дали,
за солнцем солнце открывая...

— Андрей, выключи ты это старье или сделай потише! Слушать тошно!

Нина поправила плед на коленях и раздраженно от-
вернулась от телестены.

— Тетя нехорошая, — констатировал Юрка, не от-
рываясь от своих дел.

Андрей безропотно зажал звук. Низкий печальный
голос певицы теперь почти шептал:

Увидят люди край земли
и остановятся у края...

Может быть, у него дурной вкус, но ему нравится
Селена Суона. Нравится простая старая песня, белое
лицо и бледная рука в бессильном взмахе:

Перед стеною вечной тьмы
замрут лучи радиотокков...

— Вы не представляете, что вы натворили, — гово-
рил Медведев, расшвыривая носком ботинка ворохи па-
лых листьев. — Вы не физик... Если бы не ваш крамоль-
ный эксперимент, ни один земной звездолет близко не
подошел бы к кристаллопланете... В ближайшем сто-
летье, по крайней мере...

— Почему?

Они шли по дикому сосновому парку академгородка.
Шеф вертел в пальцах хвойную лапку и колюче усме-
хался.

— Вы не физик, и до вас не дойдет весь размах
ученой паники... Оказалось, что в молекулах лабира
нет атомов. Молекулы есть, а атомов — нет. Смешно?

— Как нет атомов? Из чего же состоят молекулы?
Ведь во всех химических реакциях...

— Совершенно верно, во всех химических реакциях
лабир ведет себя как обычное вещество... Но атомов
в нашем понимании в нем нет. Есть... как бы это вам
объяснить... стабильные энергетические сгустки, что ли...
Словом, имитация атомов, квазиатомы...

И вот тогда проснемся мы
в крови неведомых потомков...

— Теперь вы представляете ситуацию? С одной стороны, как будто еще одно подтверждение «барьера Штейнкопфа» — безатомная структура. С другой стороны, ваш «посев» — а что, если он «взойдет»? Ведь тогда придется пересматривать не только биологические каноны, не только отменять «жизненный барьер», но и вообще все начинать сначала! Вот какие дела, дорогой мой нарушитель спокойствия...

Мы распрямимся в их телах
и сузим яростные веки...

В последний раз они встретились в номере гостиницы. Медведев поднялся навстречу, непривычно сияющий и возбужденный.

— Пляши, ученик чародея! Совет решил наконец послать экспедицию на ПКК-13СД38А... Кстати, планете дано имя — Прометей... Неплохо? Так вот, звездолет «Королев» летит к Прометею через две недели. Цель — проверка результатов эксперимента космобиолога Савина. Научный руководитель — академик Медведев. Ну что же ты не пляшешь? Твоя взяла!

— Наша взяла, — тихо поправил Андрей. — Наша, Петр Егорыч...

И хрустнут в сомкнутых руках
предохранительные веки...

— И знаешь, кто яростнее всех настаивал на экспедиции? Штейнкопф! Да... Старик еще хоть куда. С таким и воевать приятно...

И прозвучит сигналом к бою
неукротимость древних снов.
И снова вспыхнут за спиной
крутые крылья парусов...

— Пойдемте ко мне, — предложил Андрей. — Такое событие надо отметить...

Медведев сразу потускнел, замялся, отвел глаза в сторону.

— Понимаешь, после одного... Понимаешь, не могу видеть детей. Сын у меня... Четыре года... Сразу — жена и сын. Я до сих пор... Не могу, Андрей, извини. Посидим лучше в кафе. Если ты не против. На добрый путь...

Певица раскланивалась под аплодисменты, кокетливо улыбалась и приседала. Это было уже неприятно и как-то обидно.

Андрей выключил телевизионную программу, и экран, погаснув, превратился в обыкновенную стену, не отличающуюся ничем от трех остальных.

Очень хотелось курить, но курение разрешалось только на кухне, а уходить в одиночество не хотелось.

— Послушай, Нинок, может быть, нам немного пройтись?

Нина отложила книгу, спустила ноги с тахты, нащупывая тапочки.

— Наконец-то я слышу речь не мальчика, а мужа...

Башня рухнула со стеклянным звоном. Юрка, испустив победный клич, помчался в свою комнату одеваться. В его личном перечне радостей жизни семейные прогулки были на первом месте.

Они шли втроем по вечерней улице, в бесшумной метели огней. Юрка, сосредоточенный и самостоятельный, в центре, Нина чуть впереди, Андрей на полшага сзади, изредка посматривая на прохожих из-за поднятого воротника.

Привычка поднимать воротник на улице появилась у него недавно. Он стал мнителен, почему-то панически боялся, что его узнают, будут приставать с разговорами, с обвинениями или сочувствием.

Как-то Нина, высмеивая этот нелепый страх, предложила ему носить маску. Но Андрей отнесся к предложению серьезно и, подумав, покачал головой:

— Человек в маске будет бросаться в глаза...

У Нины сразу пропала охота шутить...

Улица в эти часы была полна народу, но на них ни-

кто не обращал внимания. Многоголовый и многоголовый людской поток упруго тек по тротуару, разделяясь на ручейки и речки. Начинали работу театры и кинозалы, клубы и вечерние кафе, спортивные комплексы и центры самообразования, общественные лаборатории и университетские лектории. Ручейки и речки текли в беспрерывно вращающиеся двери, но поток на улице не ослабевал: домоседов за последнее время заметно побавилось.

С Красноярского моря тянуло теплым влажным ветром. Ветер шуршал в густых, сплетенных вершинами кронах тополей, звенел в лапах голубых елей, раскачивал тяжелые веера сибирских пальм. Сверху, из висячих фруктовых садов, остро пахло лимонами и апельсинами — почему-то фантазия садоводов-любителей не шла дальше субтропической экзотики. Правда, кое-где из-за оградительных решеток торчали перья морозостойких кокосов и фиников вперемежку с традиционными костистыми ранетками и яблонями. Вот уже много лет Красноярск в августе превращался в сплошную многоэтажную цитрусовую плантацию.

Над улицей шептались бесконечные мелодические импровизации. Если закрыть глаза, покажется, что плывешь среди моря, и мерные волны, сталкиваясь, баюкают усталый мозг. Негромкий уличный шум — ветер, голоса, шорох электромобилей — вбирают акустические раковины на стенах домов и, пропустив по извилистым каналам, возвращают на улицу тихой, стихийной, никем не написанной музыкой...

Андрей шел, ни о чем не думая. Даже курить расхотелось. Он жадно вдыхал настоящий на хвое и лимоне воздух, слушал поющие раковины, ощущая тепло Юркиной ручонки, которую тот время от времени пытался вытянуть из отцовской ладони.

Впервые за много дней ему было покойно. Что-то внутри хрустнуло и сломалось, принеся облегчение. Он вернулся. Вернулся только сейчас, размягченно и безза-

ботно принимая будни Земли. Вернулся прямо в этот деловито спокойный вечер, к жене и сыну, к этой пестрой толпе — от мятежных звездных костров, от нечеловеческого напряжения воли и мысли — к тишине... Забыть и не думать.

Андрей опустил воротник. Это потребовало некоторого душевного усилия, но он снял невидимый гермошлем, отделявший его от земной обыденности.

Он принял Землю.

Нина, кажется, заметила, но ничего не сказала.

Они вышли к Енисею. По набережной, залитой ровным белым сиянием ртутных светильников, гуляли редкие пары. Ворчливо била в бетон волна. С острова Отдыха долетал единый многотысячный вздох — на стадионе шел футбольный матч.

— Нина... — начал Андрей.

Надо сказать, что он вернулся. Совсем. Что он не будет больше мучить и ее, и себя. Что звезды погасли. Насовсем. Что нет ничего лучше Земли, рук жены, улыбки сына. Что...

— Нина...

Она обернулась медленно, явно догадываясь, что он скажет, но — странно! — в ее лице растерянность и ожидание, и нет радости...

— Папа, папа! Смотри — шар!

Над Енисеем, гулко разнесенные по сторонам, зазвучали торжественные всплески челюсты. Стены домов многократно отразили мелодию позывных, и весь город повторил без слов: «Ши-ро-ка стра-на моя род-ная...»

Над островом Отдыха поднялась в небо вторая луна — матово-белый шар, зонд Службы Срочной Информации. Зонд превратился в туманное облако, в котором возникло лицо диктора.

— Передаем срочное сообщение, передаём срочное сообщение...

— В шарике — дядя! В шарике — дядя. Смотри, мама, дядя!

— Тише, Юрочка...

Замерли пары на набережной. Остановился матч. Футболисты, забыв о мяче, смотрели в небо. Прекратилось движение на улицах. Потоки людей и машин слились, смешались, застыли.

Город смотрел в небо.

И по всей стране, по всей Земле — там, где была глухая полночь, и там, где гудел полдень, — люди смотрели в небо, на лунно-белые шары.

— Только что получена менгограмма с космического корабля «Королев». Как известно, сверхсветовой экспедиционный звездолет «Королев» стартовал около года назад к системе двойной звезды 8А Лебедя с целью проверки результатов эксперимента, поставленного советским космобиологом Андреем Савиным...

— Пап, это о тебе!

— Тише, Юрочка...

— Как сообщает научный руководитель экспедиции академик Медведев, эксперимент увенчался успехом. Земные микроорганизмы не только прижились в необычных условиях кристаллической планеты «Прометей», но и целой серией взрывоподобных мутаций за очень короткий срок создали мощную биосферу...

Андрей стоял, слегка нагнув голову, широко расставив ноги, словно на палубе корабля. Диктор говорил еще что-то, и Нина видела, как из безвольного, припухшего, с нездоровыми мешками у глаз лица проступало другое лицо — резче очерчивался подбородок, набухали желваки, глубокая морщина пересекла лоб, и глаза, минуту назад смотревшие темно и покорно, осветились каким-то внутренним светом, словно окна дома, в который вернулся хозяин.

— Дешифровка продолжается. Менгоцентр любезно предоставил в распоряжение СИСа часть восстановленной передачи. Слушайте! С вами говорит планета Прометей!

По шару промчались полосы, замысловатые зигзаги,

рассыпались и погасли искры, и вот из этой сумятицы помех, из непостижимых разумом расстояний, сквозь треск горящих галактик и гул радиоактивных ливней, скорее угадываемый, чем видимый, кричал Медведев:

— ...необходимо продолжать и продолжать беспрерывно... необходима постоянная биостанция кон... айте Савину... самые ...ические предположения... действительность... невероятно... озеро начало функционировать... ты... нужен...

Раскатистый громopodobный грохот заглушил передачу, и на какой-то момент зонд превратился в шаровую молнию. Потом все погасло и стихло, и снова возник бесстрастный диктор:

— Мы передавали менгограмму с космического корабля «Королев»...

«Ты... нужен...» Как просто — нужен, и все! А что, если он здесь тоже нужен? Хотя бы вот этим двум людям, что идут с ним рядом. Даже Юрка примолк и погрузился. А на Нине лица нет. Как все нелепо... Он только что решил все окончательно, собирался сказать... И — на тебе!.. Снова...

Нужен, продолжал он, сидя в уютном домашнем кресле. Теперь — нужен. Когда эксперимент удался. А тогда... Тогда верил только он один. Кстати, Медведев тоже голосовал за лишение звания... А теперь — нужен!

Неправда, оборвал сам себя Андрей. Все это неправда. Вместе с ним верили ребята. И Медведев верил. И другие — незнакомые. Иначе не было бы экспедиции. Ничего бы не было. И он, «гениальный одиночка», действительно никому не был нужен.

Просто теперь, после удачи, в нем заговорило запоздалое самолюбие. Ну-ка, скажи откровенно, Савин, ты-то верил на все сто процентов, что гипотеза подтвердится? Молчишь? То-то...

В конце концов, все это пустая нервотрепка. Ведь Медведев должен понимать — космос Андрею заказан.

Совет не отменит своего решения, потому что оно принято правильно. Победителей тоже судят. И крепко судят. Если они виноваты. Иначе и быть не может.

Утро вечера мудренее...

Андрей встал с кресла, потянулся. Глянул на часы. Три часа — уже утро...

Он выключил свет. Оконный проем заметно голубел в темноте.

«Озеро начало функционировать...» Что это может значить?

Неожиданно за спиной тревожно замигала лампа вызова: Андрей еще вечером выключил звуковой сигнал видефона, чтобы случайный звонок не разбудил Нину с Юркой.

На экране, потирая воспаленные красные глаза, появился Микаэлян.

— Простите за ночной звонок, Андрей Ильич... Я знал, что вы не спите... Вы видели передачу с «Королева»?

— Да, Манук Георгиевич, видел.

— Поздравляю вас с победой. И от себя лично, и от имени Совета. И особо — от Штейнкопфа. Он просил.

— Спасибо. Передайте Штейнкопфу, что я... я не знаю, что полагается говорить в таких случаях...

Микаэлян слегка раздвинул в улыбке толстые губы.

— В таких случаях, дорогой, лучше ничего не говорить... Но я вам позвонил, сами понимаете, не ради поздравлений. Дело в том... Сейчас только кончилось срочное заседание Совета. Из-за помех в менгограмме Медведева много неясного. Ясно только, что на Прометее происходит что-то из ряда вон выходящее. Медведев настаивает на немедленной организации постоянной биостанции. В принципе вопрос решен. Где-то через неделю, не позже, мы пошлем на Прометей оборудование, монтажников и дополнительную группу биологов. После завтра после полудня... то есть для вас уже завтра

состоится отбор конкретных кандидатур. Кстати, что может значить — «озеро начало функционировать»?

— Понятия не имею. Сам все время думаю... Был у нас с Медведевым один разговор... Но это слишком невероятно.

— Да, задачка... Так вы прилетите завтра в Москву?

— Простите, но зачем?..

— Я же сказал: будет отбор конкретных кандидатур. Или вы охладели к Прометею? Да, ведь у вас сын... Конечно, конечно...

— Я не о том, — очень тихо сказал Андрей. — Ведь решение Совета...

— Вах! — Микаэлян сразу ожил, просиял. — Конечно, дорогой, решение Совета остается в силе! Но ведь, кроме космонавтов, на звездолетах бывают и пассажиры!

Андрей смотрел на погасший экран и думал, думал, обхватив руками плечи. Часы негромко выщелкивали торопливые секунды, медленные минуты...

В кают-компании тонко пахло сиренью. Традиционная веточка сирени — последний подарок Земли — за полгода превратилась в целый сиреневый куст. И неожиданно зацвела...

Андрей обернулся.

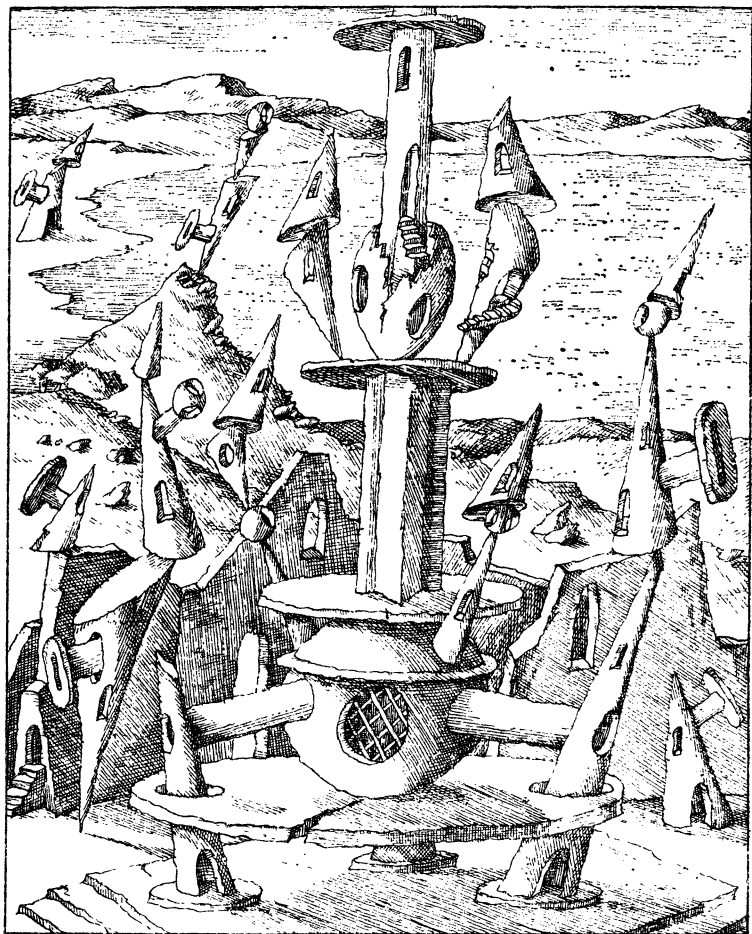
Сзади стояла Нина.

От нее пахло сиренью, и Андрей не сразу сообразил, что это духи.

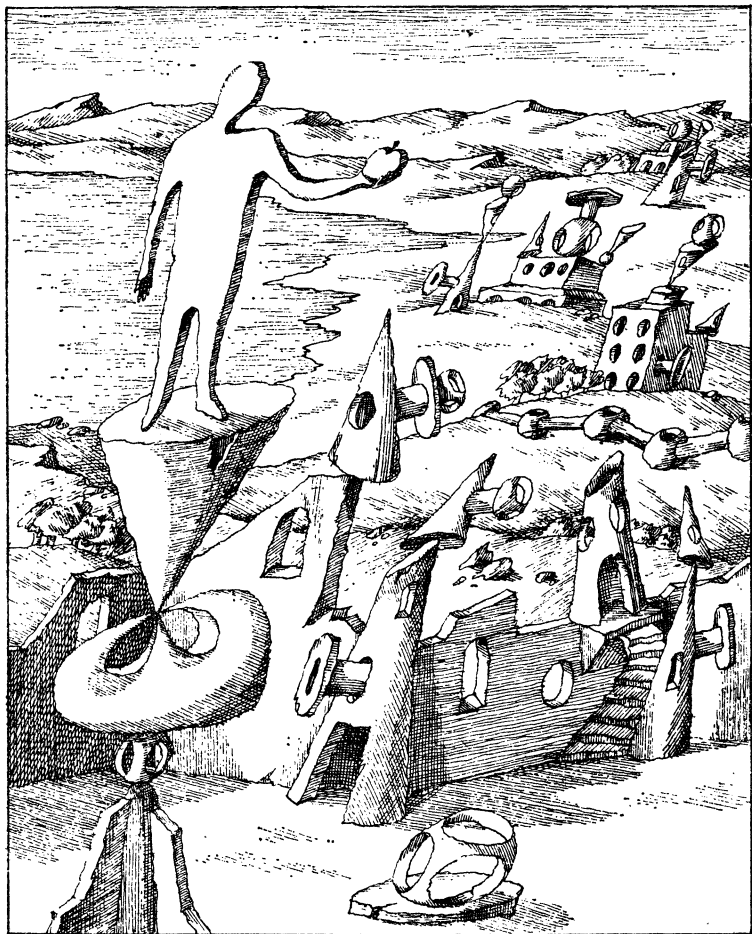
Он шагнул к жене, взял ее за руки.

— Нина, милая...

— Не надо. Я все слышала. Я все понимаю. Ты там нужен...

СИЛАЙСКОЕ ЯБЛОКО

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Несостоявшийся математик Оксиген Аш стал Кормчим случайно и совершенно неожиданно для себя. В один из летних дней, прокаленных белым солнцем и оглушенных звоном ситар, двери колледжа захлопнулись за ним навсегда, и Окси оказался лицом к лицу со своей судьбой. Ничто не предвещало ее величия, а потому Окси, следуя древнему завету «Возьми свое, а потом чужое», набил полные карманы узкими синими яблоками-скоропелками в маленьком садике и вышел через ворота на центральную площадь столицы.

Площадь, обычно пустынная в полуденный час, на этот раз была многолюдна. Планета Свира переживала очередные потрясения, и все, кого не обременяли неотложные труды, принимали в событиях деятельное участие. У бочек с красным силайским пивом толпились мужчины, обвешанные оружием. Женщины в белых козынках медсестер предпочитали ледяной сливочный коктейль с мятными хлебцами. По мостовой в разные стороны проносились бронетранспортеры с повстанцами и служителями порядка. Мальчики-лоточники сновали среди прохожих, предлагая новейшие образцы бесшумных пистолетов и пуленепробиваемых жилетов. Голубые девушки из Уличного страхования жизни бойко заключали блицдоговоры. Кто-то где-то стрелял, кто-то кого-то ругал, кто-то за кем-то гнался, кто-то что-то кричал — все это было красочно, захватывающе и волновало.

Но Оксиген шел среди толпы задумчивый и печальный. Исключение из колледжа было для него тяжелой обидой. Ведь он совсем не был глуп — не глупей дру-

гих, во всяком случае, — но ему отчаянно претила теория. Он чудесно обходился без нее. Он любил яблоки, не испытывая потребности узнать, как и зачем они растут. Он любил мастерить забавные штучки из разнородных деталей, но никогда не ведал наперед, что у него получится. Историки называют это качество духовным аскетизмом гения. Преподавателям оно казалось ограниченностью.

Меланхолично жуя яблоко, Окси дошел до Дворца Свободы. Под полуразрушенной аркой главного входа застрял танк, и полицейские гвардейцы вместе с повстанцами пытались его вытащить. Аш поглазел на дружную, но бесплодную работу и от нечего делать вошел в правительственный сад. Парк был весь изрыт окопами и затянут маскировочными сетями, из кустов ежевики торчали стволы скорострельных орудий. Представители враждующих сторон дремали на своих боевых постах. Два пулеметчика лениво ругались из-за места под деревом: оба были толстые, оба обливались потом, и оба в равной мере не хотели занимать позицию на солнцепеке.

В саду пахло бензиновой гарью, порохом и потом, и Оксиген Аш беспрепятственно прошел мимо двух зевающих охранников в приемный зал к Великому Кормчему Свиры. Здесь было прохладнее и спокойнее. Работал буфет, музыкальный автомат наигрывал медленную шорру, отравители-профессионалы пили шипучий билу со льдом и делились вполголоса новыми рецептами.

На Аша никто не обращал внимания. Даже когда он заглянул в секретный блок-кабинет Кормчего, ему крикнули только, чтобы он прикрыл за собой дверь и не устраивал сквозняка. Сквозняка боялись все.

В кабинете Кормчего не было ни души, и это обрадовало Оксигена. Ему хотелось посидеть одному, наедине со своими невеселыми думами. И поскольку другой мебели в кабинете не было, Окси направился к единственному креслу — Великому Креслу, запятнан-

ному кровью десятков правителей, продырявленному сотнями пуль, обугленному огнеметами и лазерами, забрызганному всевозможными ядами и кислотами.

Он сел в кресло, не ведая, что творит, и вой сирен, включенных датчиками от сиденья, уведомил планету Свиру о приходе нового диктатора. У дверей мгновенно выросла охрана из гвардейцев.

Первую минуту Оксиген Аш усидел с перепугу — он был уверен, что его схватят и накажут за необдуманный поступок. Мало-помалу до него дошло, что, сидя в Великом Кресле, он сам может наказать кого угодно. Для пробы он приказал высечь всенародно математика из колледжа, поставившего ему «неуд». Правда, он забыл назвать свой колледж, а потому все математики всех колледжей Свиры были через час нещадно биты бамбуковыми палками на городских площадях. У нового правителя была крепкая рука.

Первую неделю Аш продержался благодаря обилию соперничавших групп на Свире и жестокой конкуренции между ними — каждая боролась за возможность укокошить диктатора и поднять свой авторитет. Они торопились и мешали друг другу. Трое злоумышленников заложили под Дворец Свободы термитную бомбу. Все трое оказались некурящими, а прохожих не было видно. В это время во Дворце шла церемония вручения Кормчему памятной зажигалки. В зажигалку была вмонтирована адская машина. Кормчий принял дар и уже поднес его к сигарете, собираясь опробовать, когда террорист-одиночка с крыши соседнего дома выстрелил в него и едва не попал. Кормчий, стоявший у окна, выронил зажигалку, и коварный дар упал прямо к ногам некурящих злоумышленников. Злоумышленники возликовали и через минуту взорвались. Термитную бомбу нашли мальчишки и заложили ее под старый фургон, в котором скрывалась ракетная установка, нацеленная на броневомобиль Кормчего. В итоге этого дня Оксиген только порезал себе пальцы. Бинты спасли его на

следующий день при подписании какой-то декларации, страницы которой были пропитаны ядом, действующим через кожу. Яд впитался в бинты, и личный доктор Кормчего, делая перевязку, умер в страшных муках, так и не успев сделать своему высокому пациенту укол цианистого калия.

Словом, к исходу первой недели своего правления Оксиген Аш почувствовал некоторую усталость и желание разделить с кем-нибудь бремя власти. Он объявил о создании Союза Особо Преданных Кормчему. К его великому удивлению, на призыв откликнулись весьма охотно. Ряды бунтарей заметно поредели — многие явно и тайно спешили приобщиться к новому союзу. Начался раскол. Недовольные махнули рукой на Кормчего и стали охотиться друг за другом. Теперь стрельба гремела по всей Свири, а в правительственном саду мирно паслись ручные силайские козы с кудрявой розовой шерстью.

В пятницу в одной из комнат Оксиген Аш нашел мятый клочок бумаги с кривыми строчками: «Дорогой Окси! Ты имеешь крепкий лоб, и мы имеем выгоду с тобой дружить. Твой процент — кресло с высокой спинкой, общий восторг и долгая жизнь. Мы тихие люди и не переносим шума. Проницательные».

Кормчий дважды прочел записку и внимательно ее обнюхал. У бумаги был странный запах — то ли чернука, то ли иприта.

Никто никогда не узнает, какие великие мысли пронеслись в голове Кормчего.

Он аккуратно свернул клочок бумаги и положил в тайный карман, где еще полмесяца назад носил шпатель.

Конец второй недели Оксиген Аш ознаменовал указом, потрясшим всю Свиру. Он протянул руку своим противникам. Человек по натуре отходчивый, он собрал остатки недовольных в Прайд Исключительно Предан-

ных Кормчему. На такой шаг еще не отважился ни один из многочисленных предтеч Аша.

Перед Дворцом собралась ликующая толпа. Женщины и мужчины, старики и дети размахивали свежими выпусками газет и скандировали: «Аш наш! Аш наш! Аш наш!» Полицейские гвардейцы, привычно сомкнув защитное кольцо вокруг главных ворот, пыхтели и всхлипывали от желания присоединиться к напирющей массе.

Какой-то верзила, оседлав крестовину фонарного столба, завопил: «Отец родной! Аш — наш отец родной!» И когда толпа смолкла нестройно, и уже набрали побольше воздуха груди, чтобы грянуть новый клич, снизу пискнуло невидимое: «Врешь, рыжая скотина! Отец отцов! Великий Кормчий!»

«Кормчий!!!» — взревела толпа, и это было имя высшей судьбы...

К началу четвертой недели с неурядицами было покончено. Благосклонная мудрость и воля Кормчего стали прочной основой и гарантией всеобщего счастья и довольства. А столь необходимые и дорогие мятежным сердцам свирян «пики» с успехом заменили ежегодные многодневные карнавалы, где разрешалось использовать не только шутихи и устраивать не только фейерверки. Свободная торговля оружием и боевым снаряжением вплоть до гаубиц и реактивных минометов во время карнавалов помогала развеяться после годичных трудов, а заодно и разрешать всякие мелкие бытовые проблемы. Полицейские гвардейцы следили только, чтобы стволы смотрели в сторону, противоположную Дворцу Кормчего.

Но Оксиген Аш не был бы настоящим правителем, если бы остановился на достигнутом. Он постепенно освободил свой народ от тяжкого ярма принятия решений — он все решал сам.

Правда, некоторые утверждают, что он по-прежнему получал таинственные советы на мятой бумаге, но исти-

на скрыта за бронированными дверями с электронными запорами.

Зато доподлинно известно, что уже в первом своем основополагающем труде «Указания по палеонтологии, психологии и филологии» Кормчий провозгласил, что проницательность во времена Всеобщего Благоденствия является фикцией, а проницательные люди — фиктивными людьми, в связи с чем необходимо вышеназванное слово на языке свирян изъять, а всех проницательных — ликвидировать. По требованию общественности день публикации «Указаний» был объявлен Днем спасения.

Зримой гарантией вечного процветания Свиры стали «Указания по производству и растениеводству», где правитель установил законы новой экономики. Он доказал, что причиной всех прошлых бед планеты было прямое растение чернук. Его выращивание приравнивалось отныне к экономической диверсии, а употребление в пищу каралось конфискацией имущества и изгнанием.

Свыше двухсот фундаментальных трудов создал Кормчий в считанные годы. Этой титанической работой он заложил краеугольные камни всеобщего процветания и спокойствия. Конечно, такая работа требовала больших усилий, ломки старых, отживших понятий. Но цель оправдывала средства. В поэтичных, полных философских откровений «Указаниях по нужным чувствам и полезным искусствам» Кормчий писал: «Чтобы иметь, надо сначала не иметь». Народ Свиры получил возможность денно и нощно цитировать эти (и другие) мудрые выражения, размноженные в миллионах экземпляров.

И все-таки Кормчий окончательно осчастливил Свиру только на десятом году своего служения согражданам. Именно тогда было начато строительство Великого Стального Кокона, который должен был навеки упрятать всю планету в броневую скорлупу. Строительство тянулось двадцать лет, и получился он с изрядными прорехами. Но и здесь цель оправдала средства — ду-

ховному здоровью свирян теперь не грозили никакие за-летные инфекции.

Шли годы. Космос вокруг обживался. Далекая Земля слала своим поселенцам тяжелые транспорты и материнские наставления. Строительные отряды буравили пустоту, соединяя окрестные планеты невидимыми туннелями автоматических трасс. Населенные миры словно протягивали друг другу руки, чтобы вместе противостоять убийственному равнодушию космического пространства.

Но ни один транспорт не всплывал из минус-времени около планеты, опутанной стальной паутиной, ни одного отзыва не получали гостевые шлюпы, приглашающие соседей на новоселье, ни одному скитальцу, терпящему бедствие, не распахнула своего неба Свира...

2. ЗАГАДКА СВИРЫ

— Занятно, крайне занятно. — Инспектор с нежностью погладил свежевыбритую щеку. — Но кто же сейчас хозяин Свиры?

— Великий Кормчий.

— Простите... Полтораستا... Двадцать... Десять... Да еще лет двадцать, не меньше... Что-то около двухсот получается. Сколько же лет правителю?

— Двести четыре с хвостиком.

— Ах вот как...

Инспектор Службы Безопасности 8-го Галактического района Иннокентий Шанин искренне старался заинтересоваться разговором, но мысли его вопреки желанию убегали прочь — туда, к трем бессонным неделям погони за контейнерами с активированным лютением, которые разлетались по всему району после странной аварии грузового поезда. Шанин уже много раз ставил перед МСК* вопрос о запрещении провоза лютения.

* МСК — Международный Совет Космонавтики.

Ему обещали и ничего не делали. И вот результат... Все контейнеры удалось своевременно выловить. А что было бы, попади один такой ящичек в гравитационное поле любой из окрестных звезд? Грузовая трасса в его районе — легкомыслие на грани преступления.

— Вы не слушаете, Инспектор.

— Слушаю, товарищ Главный. Но я не понимаю, при чем тут я. Свиря не входит в наш район, никаких сведений о возможных контактах с нашими у меня нет, я вообще ни одного свирянина в глаза не видел...

— Увидите. Мы в Координационном центре обсуждали много кандидатур, но выбор пал на вас. Это, Инспектор, директива, а не просьба.

— Выбор? Директива?

— Именно так.

— Какой выбор и на что директива? Я битый час слушаю, но до меня никак не доходит, в чем дело. Что случилось на Свире?

— В том-то и дело, что ничего не случилось. За последние сто пятьдесят лет на Свире не произошло ничего существенного. Доходит или нет еще?

— Нет.

Главный сердито фыркнул.

— Простите, товарищ Главный, но Инспектор Шанин имеет право на подобные вопросы, — вступил в разговор сидевший справа от Главного. — Ситуация, прямо скажем, необычная, и мне хотелось бы, чтобы все уяснили ее исключительность...

— Арнольд Тесман, директор сектора социальных проблем СДН *, — представил Главный своего спутника.

Шанин присмотрелся к высокому гостю внимательно. Тесман ему понравился: немолод, но спортивен, лицо моряка, глаза упрямые и добрые, с легкой вызывающей смешинкой. С таким можно договориться, от-

* СДН — Союз Дружественных Наций.

вертеться от неожиданной и непонятной директивы. Разве мало у каждого своих забот, своих проблем, ждущих немедленного решения? А Главный тоже хсрош: мало того что приберегает для своего помощника самые головоломные задания — так теперь, решил, видно, сдавать его в аренду в другие ведомства...

— Послушайте, товарищ Тесман, у меня есть контрпредложение. Давайте пока оставим Свиру. Жила она в своем коконе полтора ста лет — потерпит еще пару месяцев. А вы поживите у нас. Вы скандинав, судя по всему. Для акклиматизации могу предложить Ибсен-2 или Григ-8.

— Спасибо за приглашение, но...

— Нет, нет, подождите. Не отказывайтесь сразу. Ведь наш район — уникальный уголок. Звездный Монмартр, так сказать. Основное население — люди творческие. Живут в буквальном смысле в атмосфере своих творений, на земле своих предтеч и кумиров. Несколько миллионов профессионалов, остальные любители. На любой планете — полная свобода творческой фантазии... Ничего от вас не требую и не берусь ничего доказывать. Просто полетим вместе, посмотрим, что, где и как. И ручаюсь головой — через месяц Свира с ее причудами покажется вам самым ординарным цирком.

Тесман посмеивался, глядя в потолок, в полупрозрачной толще которого плыли разноцветные пузатые солнца и вилась вокруг них серебристая мошकारа планет. Даже на этой сугубо деловой карте угадывалось невероятное пространство — расстояния, покоренные человеком во имя жизни.

— Да, Иннокентий Павлович, теперь мы живем просто и можем себе кое-что позволить. Сейчас на Земле около шестидесяти миллионов человек, и это втрое превосходит экологическую норму для планет третьего класса. Земле сделано исключение, но уже сейчас многие считают, что такое положение устарело. А ведь к концу двадцатого века на Земле жило чуть ли не

шесть миллиардов человек! Я даже представить себе не могу, как это возможно физически — ежедневно видеть толпы людей, и совершенно незнакомых людей! Каждый день разные лица... Непостижимо!

Шанин энергично кивнул — у него появилась надежда. Но когда Тесман опустил глаза, в них не было улыбки.

— Однако Свира не цирк и не порождение фантазии неумелого новартиста-любителя. Она существует и процветает.

— Ну и пусть себе процветает на здоровье! Разве это плохо?

— Иногда плохо... Материальная обеспеченность плюс духовная нищета — страшная смесь... История дала немало примеров тому, чем кончается такое «процветание»... Мы не можем допустить самоуничтожения целой планеты. Но официальное вмешательство — крайняя мера. Чтобы пойти на него, мы должны иметь конкретные и веские доказательства недееспособности правителя. Иначе в глазах народа Свиры мы будем агрессорами и вместо спасения только ускорим трагические события.

— Но, может быть... быть может, рано еще бить тревогу? Может быть, свиряне еще сами дойдут до сути? Ведь наших прапрадедов в России в начале двадцатого века в семнадцатом никто не спасал. Сами разобрались. И неплохо разобрались. И еще других научили.

— Вы вправе гордиться своими предками. Но как раз история русской революции, история строительства социализма научила человечество братской солидарности. Вы начали первыми и могли первыми наслаждаться коммунистическими благами, так сказать, за своим столом. Но ваши прапрадеды ограничивали себя во всем, помогая другим народам преодолеть трудности переходного периода, оберегая их от врагов. Не так ли?

— Сдаюсь, товарищ Тесман, сдаюсь. Я хотел только сказать — возможно, на Свире уже есть силы, решаю-

щие сегодня те же вопросы, что и мы. И надо им просто помочь.

— Возможно. Возможно, хотя сомнительно. Но тогда тем более на Сви́ре нужен наш человек, способный установить связь революционного подполья с Внешним миром.

Шанин задумался. Главный, считая, видимо, свою миссию законченной, подчеркнуто внимательно просматривал бортовые журналы. А Тесман говорил, то ли объясняя собеседнику, то ли думая вслух.

— Правитель... Кислород Аш начинал весьма традиционно, и весь его тернистый путь, вплоть до строительства Стального Кокона, прямо-таки шаг в шаг повторял бурную деятельность всех больших и малых монархов прошлого. Все они доводили свои народы до нищеты... Сви́ра после Стального Кокона была на грани экономического краха... Только жесточайшим террором Кислороду Ашу удалось удержаться... После целого ряда отчаянно смелых, но безрезультатных покушений он вообще перестал показываться народу... И вот с этого момента начинается непонятное. Правитель доводит свои полномочия до абсурдных границ. Он решает все сам, правда, ничего не предлагает, но все, что происходит или будет происходить на планете, включая даже такую мелочь, как время включения ночных фонарей, зависит от его согласия или несогласия. Ему подадут проект, он говорит, вернее, пишет: «да», «нет», «отложить».

— Но ведь даже прочесть такую массу бумаг невозможно! Не говоря уже о большем... Может быть, он заменил себя машиной?

— Исключено. Машина может хранить огромный объем информации и оперировать им в пределах программы, но все ее могущество — на уровне прошлого человеческого опыта. Она способна самообучаться и самопрограммироваться, но она не способна изменить свой принцип подхода к материалу, что ли, свою пози-

цию, свою логику. Она не способна думать творчески... Точнее, не способна ошибаться... Я что-то сам запутался, но сошлюсь на авторитеты: наши специалисты, анализируя данные прослушивания эфира Свиры, заявили твердо, что логика решений Оксигена Аша исключает вмешательство электронного компьютера... Но, с другой стороны, это не человеческая логика...

— Простите, что вы сказали?

— Я сказал, что специалисты по логическим структурам в один голос утверждают, что «Слова Кормчего», определяющие каждый день существования Свиры, не могут принадлежать ни машине, ни человеку.

— Час от часу не легче...

— Практически это выглядит так — каждый день газеты Свиры открываются рубрикой «Слово Кормчего», где перечисляется все одобренное правителем накануне. Думать над перечнем небезопасно, да и бесполезно — его надо немедленно выполнять, о чем заботятся соответствующие органы. Так вот на первый взгляд «Слово» — эклектический казус, экономическая и социальная бессмыслица. Найти какой-то ключ, какой-то принцип, какой-то стимул этих законодательных «Слов» невозможно... Есть и еще одна особенность — Свира отрезана от мира. Это аквариум. И потребности свирян тоже движутся по кругу. Остановившаяся культура. Отсутствие новых идей — для них нет пищи, и к тому же они жестоко преследуются. Технический и научный уровень Свиры крайне низок — все открытия и новинки ограничиваются сферой потребления. «Иметь» — любимое слово свирян. Неважно что, неважно зачем, неважно откуда, но «иметь». «Иметь» больше, чем другой...

— Но ведь там же люди живут, а не рыбы! Должно быть какое-то несогласие. Я не знаю, что еще... Как будто другим веком повеяло...

— Действительно, другой век. Буквально. Планета с остановившимся временем. Конечно, там есть недоволь-

ные. Некоторым удастся бежать. От них — крупницы сведений, которыми мы располагаем.

— Бежать в космос?

— Невероятно трудно, но возможно. На Свири почти легально существует контрабанда. Правитель и его «королевская рать» смотрят на нее сквозь пальцы, ибо пользуются негласным каналом связи для своих личных нужд. Полицейская гвардия следит только за тем, чтобы с «внешним» товаром не проникли на Свиру «внешние» мысли...

— Да, рискованная профессия... Но, видимо, игра стоит свеч — ведь их собственное производство отстало лет на сто... Какие же блага Внешнего мира интересуют свирян больше всего? Или они хватают все подряд?

— Не сказал бы... В основном их интересует чернук.

— Чернук?

— Да, они увозят на Свиру огромное количество чернука. И еще лекарства. Особую популярность имеют разного рода тонизирующие и геронтологические средства. Еще всякая бытовая мелочь и украшения. И это, пожалуй, все.

— Ясно... Вернее, совсем ничего не ясно. Какова моя роль?

— Вы должны, Иннокентий Павлович, превратиться в разведчика. Профессия давно позабытая, но, как говорят, окруженная в былые времена ореолом романтики. Скажу откровенно — лично я вам не завидую. Я был против такого варианта, но мои коллеги убедили меня, что иного выхода нет. СДН должен обладать полной и достоверной информацией о подлинной жизни Свиры и, насколько возможно, об Оксигене Аше. Или о том, кто за этим именем скрывается...

— Неужели вы всерьез верите, что Кормчий не человек?

— Верю, не верю... Свиряне, к примеру, бесповоротно уверовали в то, что ими правит некое высшее существо. Возможно, такая уверенность исподволь насаж-

дается сверху, но, согласитесь, — при желании можно привести массу доказательств. И поразительное долготеление, и необъяснимая догадливость, порой даже меня наводящая на мысль, что правителю ведомы случайные зигзаги будущих событий, и нечеловеческая способность к обработке огромных масс информации, и мгновенность решений, недоступная нашему мозгу, и, в конце концов, эта самая злополучная логика — логика, отличная и от человеческого, и от машинного мышления... Разгадать правителя — значит разгадать Свиру. Но мы не ставим перед вами такой задачи. Пока она, видимо, выше наших возможностей. Ваша задача — узнать о Свири и о правителе все, что в силах ваших. Никакого вмешательства, никаких действий и противодействий. Только смотреть и запоминать...

— А вы уверены, что я смогу проникнуть дальше первой балки Великого Стального Кокона?

— Уверен. Вся операция продумана до мелочей и гарантирована от опасных последствий. С вами полетит настоящий свирянин, всего несколько лет бежавший оттуда. Он пытался организовать покушение на правителя. Он знает все ходы и выходы и поможет вам освоиться на месте. Его надо только держать под наблюдением: с Кормчим у него свои счеты. Вы высадитесь в Силае. На первое время, видимо, Силай будет вашей базой, и вам легче, чем кому-либо, будет освоиться и ориентироваться в суровой и дикой местности... Неужели остыла кровь пращуров-первопроходцев? Ваш начальник рассказывал о вас другое...

— Ох, товарищ Тесман, хитрый вы человек! И успокоили и польстили вовремя! Раз все продумано до мелочей без нашего ведома, то куда денешься... Но если можно, для справки — как же все-таки предстанет пред ясны очи полицейских гвардейцев разведчик из Внешнего мира в компании беглого террориста, разыскиваемого по всей Свири? Гвардейцы, конечно, возликуют, а что делать нам — плакать или смеяться?

— Меня искренне радует, Иннокентий Павлович, что вы уже вникаете в детали будущей операции. О них разговор особый и долгий. Но на первый вопрос я могу ответить и сейчас. На прошлой неделе на соседнюю со Свиroy Зейду пожаловали три гостя. Двое из них сейчас в больнице. Несчастный случай. Лежать им еще не меньше месяца, и это для них нож острый. Такая задержка вызовет подозрения, конфискацию корабля, расследование, которое на Свире почти всегда равносильно смертному приговору. Третий, в свою очередь, не может вернуться один — те двое автоматически будут считаться беглецами, а он — «перевозчиком». В общем, положение у гостей отчаянное. Мы предложили им взаимовыгодное соглашение — вместо двух заболевших на Свиру отправляются двое наших людей. Срок — месяц. Через месяц вы на том же корабле и с тем же сопровождающим возвращаетесь на Зейду. Выздоровевшие к тому времени гости, сделав свои дела, убираются во-свояси. Гарантия тайны с их и с нашей стороны. Ваши цели гостей не интересуют — профессия отучила их от любопытства. Они боятся только, чтобы подлог на Свире не обнаружился, и потому согласны изложить вам такие места из своей биографии, которых не добился бы ни один суд. Остальное доделает пласт-дубляж лиц и свойственные вам артистические способности...

— С чего мы начнем?

— С Бина. Бин — это кличка. На языке, который вам предстоит освоить, значит «Двойной» или «Двуликий». Ваш спутник, помощник и консультант, ждет вас на Зейде. И лететь туда надо немедленно.

Шанин закинул голову к потолку, где по-прежнему плавно, как в причудливом древнем танце, кружились кукольные солнца и планеты, попробовал найти Зейду. Не нашел и встал.

— Я готов.

— Будете заезжать домой?

— Нет. Автопом соберет все необходимое лучше меня.

У двери Главный положил ему руку на плечо, задержал.

— Ты прости меня, Кеша, что я так вот... Но дело то деликатное, понимаешь? А у тебя получится. Тяжело только будет... — Главный скорбно пожевал губами. — Я понимаю, ты вправе обижаться. Без подготовки, без согласования с тобой сразу директива...

— Какая директива? — искренне удивился Шанин. И, поняв, как ловко обработал его Тесман, превратив требование начальства в собственное горячее желание Инспектора, он тихо рассмеялся. — Хорошая директива! Замечательная! Спасибо вам, товарищ Главный, не то я совсем зачах бы в своем заповеднике гениев. Надо и самому размяться! — И, пропуская Главного вперед, добавил с веселой угрозой: — Ох и растрясую же я эту Свиру! Как пить дать растрясую. Чтобы не морочила голову честному человечеству...

3. ДРЕЙФ У СТАЛЬНОГО КОКОНА

Овальная дверь, нещадно скрежеща, задержалась судорожно, но не открылась: сервомоторы не смогли справиться с толстым слоем инея и льда, намерзшим по периметру. Потом, видно, кто-то очень сильный налег снаружи на ручку. Дверь затряслась, выгибаясь, и вдруг с лязгом и хрустом ушла в стену. В проеме показалась фигура, огромная и неповоротливая из-за толстой меховой куртки и надвинутого на самый лоб остроконечного вязаного башлыка.

— Пригрелись, паучата? Я должен оберегать товар и превращаться в мороженный окорок в этом летающем холодильнике, а они здесь греют задy и шпарят в карты. Великий Кормчий!

— А ты и впрямь похож на силайского медведя, Шан. Кличка тебе впору, как обручальное кольцо нече-

сте, — заметил один из сидящих в пилотской кабине, не оборачиваясь.

Другой ловким жестом смахнул с пульта игральную колоду, побарабанил по ней пальцами и развернулся вместе с креслом к вошедшему.

— И вдобавок как две капли воды похож на настоящего Шана, которому я так неосторожно проломил череп. Он тоже трезвый только ругается, а в подпитии ревет своим нутряным басом: «Всем вам висеть на яблоне!» Зачем напоминать лишний раз? Вот и допелся... А мы тут, милый, не шпарим в картишки. Мы работаем. Я просто прикинул — напоремся на гвардию или нет?

— Что же вышло?

— Напоремся...

— От того, что мы будем висеть в пустоте, везенья не прибавится. Или ты от карт ждешь разрешения включить двигатель?

— Не пидай, если без понятия. Мы не висим. Мы падаем. Падаем на Стальной Кокон, прямехонько в ту дырочку, через которую вылезли в свое время. Это наш постоянный ход. Мы его нашли с Шаном и Сипом, мы его и застолбили. Кроме нас, здесь никто не ходит.

— Ясно. Но ведь на тяге-то быстрее будет!

— Быстро можно только на яблоню угодить. Полицейские визиры засекут вспышку за полпарсека. Мы и так выскочили из минусовки чересчур близко. Вспышки при этом, правда, не бывает, но радиоэхо есть. Если рядом шастали слухачи — мы уже на крючке. Так-то, милый.

Пилот снова сыпанул колоду на пульт и начал раскладывать какой-то сложный пасьянс, прихлопывая каждую карту ладонью и бормоча не то ругательства, не то заклинания. Оттаивающий Шан втиснулся в третье кресло рядом с Бином, с трудом вживающимся в роль Сипа. Сип, судя по всему, был человеком своеобразным, ибо прозвище Гадюка надо заслужить.

— И долго еще так?

— Думаю, часа четыре бортового. Скоро уже можно будет разглядеть фактуру Стального Кокона.

Бин потер лоб, отчего синие, словно свитые из вен, большие буквы старой наколки «Слава Кормчему» порозовели. Шанин невольно потрогал свою свежую наколку — она еще побаливала.

— Если удачно проскочим щель — это уже полдела. На посадку уйдет не меньше трех часов, а это значит, что мы успеваем к рассвету совсем впритирку. Но если даже и часок светлого времени прихватим — не страшно. Силай не Дрома, в силайских буреломах нас за сто лет не сыщешь.

— Дикий край?

— Добром туда не попадают. Одних ссылают власти, другие сами бегут от властей. Пестрый народ. Подонки, торгаши, уличные головорезы. И все должны держаться вместе — порознь Силай проглотит, как муху. Силай — заповедник преступности, для городского жителя между словами «силаец» и «преступник» нет разницы.

— Опять не сошлось! — взвизгнул пилот и запустил злополучной колодой прямо в лобовой экран. — Великий Кормчий! Зачем я только согласился лететь третьего числа? Ведьма всегда учила меня — не ставь на тройку, тройка — твое несчастливое число! А я как полоумный... Напоремся! Напоремся...

— Кончай зудеть, Мож! Хотя ты и Гнус, но не царапай душу. Что раскис? Раз веришь в приметы — надо было раньше думать. Ведь вы уже шесть лет втроем летаете — ты, Сип и Шан. Шесть — это две тройки, а вас трое — еще тройка. Целых три тройки!

— И... правда... — Мож уставился на Шана белыми глазами, которые росли и росли, точно пытаюсь вырваться из орбит. И вдруг взвыл дурным голосом: — О-о-о! О-о-о! Пропади все пропадом! О-о-о!

— Ну, понесло... — Сип хмуро поднялся, подошел сзади к дергающемуся пилоту и сильно ударил его реб-

ром ладони по затылку. Потом неторопливо развернул к себе и вклеил две увесистые затрещины. Мож перестал выть, только изредка вздрагивал всем телом.

— Истерика, — бросил Сип встревоженному Шану. — Ничего страшного. Реакция после чаки. Не заметил, когда он к ней успел приложиться...

— Чака? Что еще за гадость?

— А те семена в зеленых пакетах, что в трюме. На Свире она хорошо растет, но не размножается. Семена завозят контрабандой. Из листьев чаки варят настой.

— Наркотик?

— Нет. Сильное возбуждающее. Полностью снимает чувство опасности. Но зато потом начинается такое... Пробовал я это зелье. Не советую. Даже для изучения жизни на Свире.

Мож полез за пульт, нашаривая там что-то и стуча зубами.

Сип следил за ним с неприязнью.

— Чака?

— А твое какое дело?

— Сделай лучше успокаивающий укол.

— Катись ты... Тоже доктор нашелся... Видали мы таких желторотых спасителей... Сам себя спасай...

Он отхлебнул сразу полстакана мутной коричневой жижи и, распаляясь, зашипел:

— Думаешь, я не вижу, кто ты? Мож все видит! Ты из этих, из недорезанных проников... Вот Шан — свой парень, сразу видно. А ты проник. Вы все на правителя зуб держите. А я за Кормчего любому глотку перехвачу!

Он допил стакан и вытер губы, победно усмехаясь своему призрачному отражению в экране.

«Вот и первый сюрприз Свиры, — невесело подумалось Шанину. — Гонимый и презираемый неудачник, живая мишень, нищий, у которого Кормчий отнял все, кроме права умереть, и тот боготворит правителя, вместо того чтобы его ненавидеть».

— Стальной Кокон, — негромко проговорил Сип.

Ничего внушительного Шан не увидел. Свира выглядела, как и все подобные планеты с близкого расстояния, — ощутимо вогнутая тарелка, и ничего больше. Поскольку на этой половине была ночь, то никаких деталей поверхности или причудливых атмосферных образований видно не было: тарелку до краев наполняло черно-синее густое желе. И, только присмотревшись, на терминанте можно было уловить что-то вроде серебристого пушка. Этот пушок рос и окружал Свиру уплотняющимся ореолом, на темном круге центральной части проступила сеть светлых прямых линий. Словно марсианские каналы, только погуще.

— Да, в принципе это гигантская стальная сеть, — подтвердил Сип. — Она вращается за пределами атмосферы и практически не изнашивается. Крупные метеоры, конечно, оставляют дыры, но таких камешков немного. Корабль ее тоже пробьет, но неизбежно взорвется... Скорость! Кроме того, сеть заряжена электричеством колоссальной мощи.

— Откуда же энергия?

— Даровая. Из атмосферы. Со Стальным Коконем на Свиру навеки кончились грозы.

— А где же патрули и что они делают?

— Внутри сферы Кокона остались десятки бывших обсерваторий, лабораторий и просто строительных спутников. На них теперь находятся базы полицейских гвардейцев и причалы сторожевых катеров. В космос они почти не выходят — нет надобности и опасно. Они шастают в стратосфере и несут патрульную службу. Считается, что они охраняют планету. Но поскольку никто на Свиру до сих пор нападать не собирался и десантов не забрасывал, brave пограничники грабят возвращающихся контрабандистов.

— «Пернатыми» зовут пограничников?

— Вообще всех полицейских гвардейцев. Охраняющее крыло — герб полицейской гвардии...

— А кто такие проники?

— Проники? А, это ты про Можу... Проник — грамматическая хитрость. С тех пор как слово «проницательный» запрещено на Свире, всех представителей этого клана называют прониками.

— Ты сказал, клана? Так их что, много?

Сип посмотрел на Шанина с искренним удивлением.

— Проников? Добрых девяносто процентов городского населения!

— Ничего не понимаю.

— Поймешь.

Мож, прилипший к приборам и визирам, махнул рукой.

— Ну все. Вышли на старт. Теперь пора рвать когти...

Истерика и возбуждение после очередной дозы чаки прошли, и Мож был снова похож на человека. Только налитые кровью глаза с узкими, как игольный укол, зрачками выдавали причину его беспредельной отваги.

— Смотри, Шан, и учись. Пригодится. Мы дотопали до нужной точки. Дальше нас все равно засекут, с двигателями или без. Поэтому сейчас главный козырь — скорость. Низко над лесом нас они потеряют: мешает эхо. Значит, надо прорываться отсюда почти до самой Земли на предельной струе, чтобы катера не успели выйти наперерез. А там выручай парашют и тормозная батарея. Но стучает все равно прилично...

Мож положил руки на клавиши и закрыл глаза, словно молясь. И Шанину — вот обратная власть образа! — тоже захотелось сотворить какое-нибудь заклинание.

— Эх, тетя ведьма, выручай!

Пол под ногами дрогнул, и всех троих вдавило в кресла. Неправильное синее пятно впереди, свободное от серебряной паутины, ошутимо прогнулось, поползло во все стороны.

Внезапно на корабль обрушился тяжелый удар, че-

рез полминуты — второй, потом третий. После десяти-минутного затишья удары возобновились, но стали слабей и чаще. Скоро они перешли в трескотню крупного града и добродушное бормотание летнего ливня.

— Теперь на Свире осталась только такая гроза, — кивнул Сип на верхний экран кругового обзора.

А гроза была внушительная — таких Шанин еще не видывал. Ни на своих экстравагантных планетах, ни в космосе. Не было ни традиционных вспышек, ни мгновенных ветвистых молний. Со всех сторон, откуда-то издалека, где угадывались острые ребра и пики Коконана, тянулись живые щупальца сиреневого света. Они ловили корабль в свое жадное перекрестье, конвульсивно ощупывали его обгоревшую обшивку, пытались найти хотя бы маленькую шелку внутрь, не находили и, истончаясь, рвались, чтобы со следующим толчком голубой крови ожить и повторить все сначала. Эта одушевленность действий гипнотизировала, угнетала, лишала воли и сопротивления — щупальцам не было числа и конца, и поиск их казался осмысленным. Они, липкие и холодные на взгляд, тянулись прямо к сердцу, искали сердце, чтобы выпить всю теплую красную кровь и согреться самим.

Корабль начал разогреваться. С Шана, в его тяжелой экипировке, уже давно лил пот, но раздеваться в этой электрической карусели почему-то не хотелось. Шан ругал себя за малодушие и излишнюю впечатлительность, но стоически терпел жару.

Гроза кончилась, как и началась, — электрические разряды стали реже и сильнее, и наконец, получив два основательных «пинка», корабль влетел внутрь Коконана.

Впереди теперь дышало и ворочалось что-то серое и бесформенное, как закисающая опара.

— Облачность — это хорошо, — сказал Сип.

— Для «пернатых» хорошо, — зло парировал Мож. — Они нас видят, а мы их нет. И у нас больше шансов ковырнуться со всего маху.

Сторожевой катер первым заметил Сип. Он закричал, вцепившись в плечо пилота:

— Слева, слева! Слева крючок!

В левом верхнем углу экрана разгорался и трепетал красный уголек.

Можу не надо было повторять дважды. От неожиданности Шанина выбило из кресла и швырнуло влево, на переборку.

Когда он поднялся, уголька слева уже не было, зато справа заплясали целых три звездочки. Корабль заметался, непрерывно меняя курс, но красных огней становилось все больше, и узкое горло прохода сжималось на глазах.

— Бесполезно, — прохрипел Мож. — Вниз не пробиться...

Выламывая запястья и упершись коленом, он оттянул штурвал на себя с такой силой, что пластиковая баранка выгнулась. Шанин снова не удержался на ногах. На этот раз сверху на него упал Сип. Корабль, словно догоняя свой огненный хвост, вывертывал вверх, назад, к спасительному пролому. Высота уже начала предательски буреть, и на всем обозримом пространстве пересекались, образуя правильные квадраты, черные полосы.

— Так... Так... выглядит... небо над Свирой? В крупную клетку? — выдавил Шанин, ворочаясь, в потный затылок Сипа.

— Да, — отозвался Сип, упираясь ему локтем в живот. — Но если здесь родиться и не видеть другого, то и оно покажется прекрасным...

Перегрузка резко ослабла. Мож почему-то тормозил.

— Я так и знал, — безнадежно процедил он. — Мы в бутылке. Они заткнули пробку... Что делать, Шан?

Сип и Шан вскочили. Прямо по курсу полукругом горело четыре красных факела. Вокруг ближнего время от времени рассыпалось оранжевое ожерелье.

— Приказ остановиться... Они нас поджидали, это точно... Иначе такой стае не собраться... Это Горон... Он один знает нашу дыру... Кто-то из наших донес, и он ждал нас... Что делать, Шан?

Тот Шан, который сейчас блаженствовал в больничной палате на Зейде, был здесь атаманом, и Мож по привычке ждал приказа от нового, поддельного Шана.

— Прорываться! — Ненависть перехватила горло Сипу. — Напропалую, в лоб — прорываться! Все равно смерть! Здесь есть шанс — в застенке его не будет. И там будут пытать. Лучше умереть здесь, сейчас. Все равно смерть!

— Тебе смерть, — подтвердил Мож. — Они тебя сразу раскусят. А я...

— И тебе смерть! Ты знал, кого везешь...

— Что делать, Шан? — в третий раз повторил Мож.

— Прорываться! — горячо зашептал Сип. — Идти на таран! Пойми, Шан, у нас нет выхода. Они раскусят нас в первую же минуту. Меня шлепнут на месте, поскольку я уже дважды приговорен, а тебя, как иностранного шпиона, с триумфом потащат в Дрому. Ты знаешь, как там пытают? Ты будешь молить о смерти, но они будут наслаждаться твоими муками, пока возможно — ведь ты будешь первым настоящим иностранным шпионом, который попал им в лапы. Надо умереть достойно, Шан... Таран, только таран!

Шанина страшили не смерть и не пытки — хотя, как всякого нормального человека, такая перспектива его не радовала. Но он представлял, какой козырь дает он Кормчему своим появлением на Сви́ре, какая разнузданная вакханалия клеветы поднимется вокруг него, оправдывая самые черные дела правителя и давая повод для крайних мер против всего, что осталось на Сви́ре живого и мыслящего. Как ни тяжело и горько это было, он был готов сказать: «Таран!» Но что-то мгновенно мелькнувшее в памяти удержало.

— Ты говоришь, Мож, это должен быть Горон? Тот самый, что накрыл вас шесть лет назад?

— Другому некому. Мы задолжали ему, и он решил нас накрыть. Я говорю — они ждали... Зверюга... Другие вычистят все и отпустят... Хоть телегу оставят... А этот долгов не прощает!

— Что он сделает, если попадемся?

— Что? Конфискует телегу со всеми потрохами, а нас — за решетку... А там... Эх, тетя ведьма, что же ты со мной наделала?!

Шанин знал о Гороне много. Шан, разоткровенничавшись, рассказывал о нем охотно и зло. Этот елейный субмайор был грозой и проклятием контрабандистов Свиры. Раньше он служил в Дроме и ходил в «топорах» — в петличках личной полиции Кормчего, — но непомерная жадность заставила его сменить весьма почетное, но недоходное место в столице на бесславную, но выгодную работу небесного пограничника. Все без исключения «рыцари удачи» платили ему дань. И горе тому, кто забывал об этом долге. Цепкая память субмайора работала с точностью компьютера. Он помнил в лицо почти всех своих пациентов. Он знал все дыры Стального Кокона и кто через них ходит. Ему было известно, когда и чьи контрабандные «телеги» отправляются «на небо». А перекупщики за некоторые услуги докладывали ему, кто, что и сколько «добыл на небе».

Субмайор Горон мог бы в один день покончить с контрабандой на Свири. Там, в высших сферах, знали об этом лучше, чем кто-либо. Но никто не отдавал и не собирался отдавать ему такой приказ. Гораздо практичнее было поддерживать с субмайором добрые деловые связи. И командир пограничников пользовался ими, чтобы поддерживать и укреплять свое незаконное «дело». Остряки утверждали, что всемогущего бога нет потому, что есть всемогущий Горон...

— Ложись в дрейф, — приказал Шан.

Мож послушно убрал реверс главного хода. Легкая

дрожь говорила о том, что двигатели работали, но корабль теперь неподвижно висел над планетой. Мягкий толчок и качанье — это вышел в пространство стыковочный рукав.

— Трус, — тихо выдавил Сип. — Но я живым не дамся...

Он вытащил из заднего кармана комбинезона пистолет, перезарядил и положил в нагрудный — ведь придется поднимать руки. Передумал, засунул его за широкий раструб перчатки.

Шанин подошел к нему, положил руки на плечи.

— Я не трус, Сип. Я очень не хочу умирать, но я не трус. У меня есть мысль — шальная мысль, но выбирать не приходится... Надо попробовать. И если не получится...

Сип глядел недоверчиво.

— У меня к тебе личная просьба, Бин. У меня нет оружия. Если не получится — первая пуля мне. Договорились?

— Кончайте шушукаться, — подал голос Мож.

Пол под ногами ушел вниз, потом в сторону. Где-то далеко и глухо царапнул металл о металл.

— А вот и гости дорогие... Стыкуются... Слушайте — мы ремонтники, рабочие внешнего ремонта, ясно? Сбились с маяка, попали не в ту дыру. Ремонтники — и все тут. До последнего, слышите? Ох, тетя ведьма, пронеси...

— Но Горон же знает вас, как своих детей!

— У нас не принято узнавать друг друга. Такой закон... Ремонтники. Двести семьдесят пятая рембаза, ясно? Она здесь ближе всех. Двести семьдесят пять — и точка. Больше ничего не знаем...

Дверь вздрогнула под ударом, скользнула в стену. В проеме никого не было.

Томительная минута показалась годом.

Маленький седой старичок в неряшливой черной форме с крылышком на лацкане ворвался в кабину с ра-

достной улыбкой гостеприимного дедушки, встречающего долгожданных внуков.

— Вот сорванцы, вот сорванцы, — причитал он. — Совсем молодым жизни не жалко, совсем! На такой скорости — и вниз! А потом ни с того ни с сего вверх! Ну, думаю, пришла твоя пора, Горон, не иначе иноземцы какую-то пакость затеяли! Приготовился грудью, так сказать... Ан нет, тут все свои по обличью... Отлегло от сердца-то... Боится, слава Кормчему, иноземная нечисть, зубами скрежещет, а боится... Ибо мы — монолит, один за всех, и все за одного... Словом, могучая Свира всегда начеку... Ах, сорванцы, сорванцы...

Старичок все сыпал и сыпал, заглядывая во все углы, а трое молодцов с грустными глазами бульдогов привычно быстро обшарили «сорванцов» и застыли, уперев карабины им в животы.

— А вы, ребятки, наверное, ремонтники?

— Да, высокий, — растерянно откликнулся Мож и, встретившись глазами с Шаном, утвердительно кивнул — Горон.

— С двести семьдесят пятой рембазы, наверное?

— Да, высокий, — тупо отозвался Мож.

— Так, так. Сбились с маяка, попали не в ту дыру, наверное?

— Да, высокий, — едва слышно промямлил Мож. Он начал подергиваться — к нему опять возвращалась истерика.

— Ремонтнички, значит, сорванцы-ремонтнички... Это хорошо, дырки в Коконе надо штопать... А то некоторые висельники повадились через них на Зейду шастать... Я-то сослепу за таких вас принял. Уж очень вы мне старых знакомцев Можы, Сипа и Шана обличьем напомнили. Вы-то ребятки хорошие, а те трое — мразь. Забыли честь и совесть, долг перед Великим Кормчим забыли... Ох, добратся бы мне до них! Уж они бы у меня если не яблоню, то каменный курорт заработали... А вы ремонтники, значит... И за этой дверкой инстру-

мент у вас, да? Взглянуть на него можно, да? Любопытный я страсть до всякой техники...

Старичок торкнулся в трюмную дверь — она не поддалась.

— Туда нельзя. Радиация, — сказал Шан.

Старичок, удивленный его наглостью, обернулся и затрясся в беззвучном дробном смехе, держась за сердце.

— Что... ох! Что ты сказал? Ох, Великий Кормчий, уморил... Тот мой знакомец Шан, на которого ты похож... ох! Тоже был большой остряк, пока трепыхался. Радиация! Ох, сорванцы, сорванцы-ремонтники...

— Я тоже знал одного субмайора, Гороном звали. Умнейший был человек, догадливый — прямо всю душу до дна видел. Так вот, будь на вашем месте Горон, он бы поинтересовался сначала, какой нынче урожай на яблоки и чем пахнет навар с варенья. Тоже любопытный был...

— Как! Я? — Старичок как-то непонятно быстро очутился рядом с Шаном.

— Да нет, вы непохожи вроде... Тот догадливый был.

— Высокий, — проворковал старичок, заглядывая снизу в глаза Шану. Грустный бульдог, стороживший атамана, перекинул карабин в левую руку и зубами подтянул правую перчатку. На сгибе пальцев и ребре ладони выгнулись свинцовые блямбы — вензеля с крылом и буквами «ПГ». «Дешево и рационально, — мелькнуло у Шанина. — Кровоподтеки от ударов выходят как печати. Сразу видно, что били от имени государства, по закону».

— Когда обращаешься к полицейскому гвардейцу, надо говорить «высокий», — терпеливо повторил старичок.

— Простите, высокий, больше не повторится... Воспоминания!

Старичок моргнул, и Шан влип в переборку — на этот раз с рассеченным до кости подбородком.

— Чем же пахнет навар с варенья? — наклонился над ним с ласковой улыбкой старичок.

— Словом Кормчего. — Шан слизнул с губы кровь. — С Гороном поделился бы рецептиком... Он бы меня на руках носил... Умел снимать пенки Горон, не в пример тому старому бодливому козлу...

Грустный бульдог поднял правую руку, но старичок остановил его.

— А ты и со мной поделишься. Битое мясо мягче.

— Мясо — да, а колокол как ни бей, ничего, кроме звона, не выбьешь.

Старичок перестал улыбаться и с минуту буравил Шана глазками-шурупчиками.

— Вставай. Говори.

— Душно здесь. Горло пересохло! У меня в трюме пиво холодное... Да только на двоих осталось.

— Я тоже до холодного пива охотник. Пошли, ремонтничек. Только если пиво с пригарью — не обессудь. Я обидчивый.

Хрястнула под плечом Шана трюмная дверь, мякнула басом, как рысь в капкане.

— Ну и холодина тут у тебя, дружок. Наверное, весь чернучек подмерз. За такой товар и сотни серебряных не дадут. В отопительных баках сикер?

— Не молоко же! — Нагло скривил Шан опухшую губу.

— Зейда, — пнул старичок ящик с плохо отскобленной этикеткой, выглядывающий из-под пакетов прессованного чернука. — Протовит в ампулах. Добрый товар, хоть и синтетика. Настоящего протовита давно нет в природе...

— Протовит — пшено. Есть почище да покрупнее.

— Покажи.

— Сначала разговор.

— Горон знает дело.

— Так то Горон...

Горон запыхтел, сел на ящики. Теперь он не походил на умильного дедушку. Дряблые брыли глубокими складками неестественно удлиннили губы, и этот нечеловеческий огромный рот на желтом крючконосом лице будил память детства. Такие одинаковые плотоядные лица были у глиняных божков, что лежали на сувенирных лотках у развалин какого-то древнего храма.

— Не темни, Шан. Выкладывай. Кораллы с Голубого Шара? Силун с Дзойси?

— Мелочь. Все это мелочь.

— Медвянка из Оранжевого Кольца? — почти шепотом выговорил субмайор.

— Ладно, Горон. Давай в открытую. У меня женьшень. Настоящий дикий женьшень с Земли. Корни...

Горон оглянулся на закрытую дверь, словно там уже стояли «топоры» и черный броневургон без окошечек.

— И семена, — выпустил последнюю пулю Шан.

Горон долго молчал, колукая ногтем нитрокраску на ящике.

— Ты гнешь горбатого, Шан. Ты не мог достать женьшень.

— И все-таки он у меня. Корни и семена, годны для посева.

— Ты зря сказал мне об этом. Ты перегнул. Ты, видно, на самом деле способный парень, но я теперь не смогу отпустить тебя. Живым — не смогу. Даже с корабля. Даже отсюда, из этого трюма.

— А я и не прошу отпускать. Мне одному не осилить. Я предлагаю тебе дело, половина наполовину.

— Половина наполовину?

— Да. Если дело выгорит, ты можешь плюнуть на всех и всю жизнь купаться в серебряных. Ты будешь богаче всех богачей, вместе взятых. И я. Мне тоже хочется пожить с прямой спиной.

Горон хохотнул и вскочил с ящиков. Он снова запричитал и заметался из угла в угол.

— Ну сорванец, вот сорванец... Не ожидал от тебя, ремонтничек, не ожидал... Такой тихий да вдумчивый — и такой недотепа... Ай-ай-ай... Нехорошо... Придется наказать тебя, сердечного, ой, придется... А то ведь болтливый ты такой, ой, болтливый... Совсем язык без костей... Непохож на Шана, нет... Тот все больше бочком да молчком, ан и с молочком... А ты, не зная погоду, в воду... Сам виноват, ремонтничек, сам...

И, подскочив к Шану, переменялся враз.

— Половина наполовину, говоришь? Горон будет иметь все! Ты мне не нужен. Я выброшу тебя, как стреляную гильзу. Ты не выйдешь отсюда. Я разберу весь корабль на винтики и найду твою захоронку. И продлю себе жизнь годочков на двести-триста. Это почти бессмертие. Весь товар будет мой, весь!

— Не надо разбирать корабль. Он еще пригодится. Можу и всякой мелкоте вроде него. А нам теперь нельзя ссориться, Горон. Мы — как орел и решка у серебряного: один без другого ничто...

Шан достал из-под стеллажа обыкновенный красный саквояж.

— Здесь товар. Открой и посмотри.

Горон впился в саквояж, пытаясь его открыть. Он не открыл его. Он не открыл его через минуту после внимательного и тщательного осмотра. Он не открыл его после возни с кучей хитрых отмычек. Он не открыл его через пять минут, орудуя чем-то, что тщательно прикрывал корпусом.

— Я понял. Ты перехитрил меня. Если эта штука вообще открывается, то открыть ее можешь только ты? Шифр?

Вместо ответа Шан провел рукой по крышке. Крышка подскочила и захлопнулась снова при первом же движении субмайора.

— Мы еще не договорились, Горон.

— Говори, Шан. Такие, как ты, мне нравятся.

— Этот товар не возьмет ни один перекупщик Сялая, так?

— Так.

— С этим товаром засыплется любой перекупщик Дромы, так?

— Так.

— Никто из высоких и высших, которых ты знаешь или можешь узнать, не сможет купить у тебя всего саквояжа, так?

— Так.

— Но охотиться за ним, не брезгуя ничем, будет каждый, так?

— Так.

— И если кому-то удастся напасть на след товара или продавца — исчезнет и товар и продавец, не так ли?

— Так.

— А можно ли сохранить тайну, доверив ее десяткам и сотням людей?

— Нет.

— Значит, продавать товар по частям, в розницу — верное самоубийство для нас и неожиданное счастье для какого-либо дурака.

— Слушать тебя, Шан, одно удовольствие. Но я пока не вижу дела, с которого я что-то буду иметь.

— Надо найти человека, который мог бы купить у нас саквояж. Весь товар оптом.

— Таких людей нет на Свире, Шан. Это говорю тебе я, Горон.

— Такой человек есть, Горон. Единственный на Свире, Кормчий.

Трудно было предположить, что субмайора может что-то поразить или испугать. Но Горон вздрогнул. Подковообразный безгубый рот его открылся и закрылся, проглотив неведомые слова, а шурупчики-глазки превратились в тонкие иглы.

Шанин услышал свое сердце. Словно кто-то в боксерских перчатках бил изнутри в ребра. Хватит ли Горона на такое? Или страх сильнее жадности?

— Кто же сделает... это?

— Я. С твоей помощью. Я и ты. Половина наполовину.

— А если...

— Не смей. Ты отлично понимаешь, что рискую только я. Даже если я выдам тебя, провалившись, мне никто не поверит. А если и поверят, сделают вид, что не поверили: у тебя достаточно ловкости и связей, чтобы выйти сухим из воды.

Горон затих. На сухой желтой коже заблестели дорожки пота.

— Этого не может никто. Немногие могут похвастать тем, что видели Кормчего. Говорили с ним — еще меньше. Но никто и никогда не являлся правителю без его зова. Таков единственный закон Свиры, который никому еще не удавалось переступить.

— Я буду первым.

— От тебя не пахнет чакой... Ты... ты или сумасшедший... или великий человек.

— В любом случае ты не проигрываешь.

— Если я соглашусь... что я должен делать для тебя?

— Для нас. Для Сипа и меня. Мне нужен помощник и телохранитель.

— Он знает?

— Нет. Но он узнает. Ровно столько, сколько нужно.

— Я против. Я не хочу третьего. Помощника дам тебе я.

— Третьего не будет. Сип — это я. А «помощника» ты за нами все равно пошлешь, верно, Горон?

— Верно. И не одного.

— Твое дело... Ты даешь нам в Дроме все свои связи среди высших, которые около правителя, с кото-

рыми ты имел дело и которые у тебя на крючке. У тебя есть такие.

— Допустим, но...

— Мы скормим им протовит и кое-что из мелочи. Мне и Сипу нужно осесть в столице на какое-то время и оценить положение. Окончательный план и его выполнение — наша забота, тебя она не касается. Ты должен только сделать так, чтобы «пернатые» не путались у нас под ногами...

— Правителя стерегут «топоры».

— Кто их начальник?

Горон оторвался от красного саквояжа, и глаза его тоже были красные. Как на аварийных табло, в них высветилась тревога: удивление, подозрение — и тревога. Шанин понял, что сгоряча задал вопрос, который Шан задать не мог.

— Кто начальник? После прогулки на небо у тебя что-то сдала память, Шан... А чемоданчик у тебя хорош... В первый раз вижу такой... Где ты взял его? Или тоже запаматовал?

— Помню! Там, где и товар.

— Ай, сорванец, сорванец! Где товар, говоришь... А где брал товар, это уж, конечно, не вспомнишь...

— Не вспомню, Горон.

— Ай, сорванец, сорванец... Насмешил ты меня, насмешил... И внука бы моего восьмимесячного тоже бы насмешил... Чего только с памятью не бывает... А как же все-таки чемоданчик открывается, а? Секрет не говори, скажи только суть, а? Принцип скажи, а?

— Я не знаю. Я просто думаю, чтобы он открылся, и он открывается. И перестань ломаться, Горон. Надоело.

— Грубишь, дружок, грубишь... А я вот о твоих товарищах думаю. Скучно им. У Сипа в перчатке пистолет спрятан. Вдруг он со скуки в моих ребятишек палить начнет? Ребятишки у меня нервные. Пришьют на месте — и одним хорошим человеком на Свири мень-

ше будет... А из-за чего? Все из-за твоей забывчивости, Шан... Только нет, милый, нет! Ты стой, где стоял, за мною не ходи. И саквояжик не трогай, не надо. Не ровен час... Ай, какой ты сердитый, Шан, какой сердитый... И притомился малость, видно, белый весь... Пстой, пстой, отдохни маленько...

Горон выглянул в дверь, коротко что-то пролаял. В рубке вскинулась и затихла короткая возня. Выстрела не было. Шан успел сделать только шаг к двери. Пистолет Горона уперся ему в живот.

— Не надо, Шан. Там все в порядке. Береги нервы. Я имею желание согласиться на твое предложение.

Хамелеон демонстрировал новый облик. Исчез вертлявый дедушка-садист, исчез глиноликий божок.

Даже убрав пистолет, Горон остался продолжением своего оружия — точным, молниеносным, неотвратимым.

— И поставим все на свои места. Я мог ответить тебе «да», мог ответить «нет». Ты мне можешь ответить только «да». Это первое. Второе. Я веду игру с умниками и с дураками. Но сам я никогда не остаюсь в дураках. Поэтому твой чемоданчик — прости, мой чемоданчик — будет у меня, пока не кончится дело. Это избавит тебя и от забот по охране, и от искушения поменять партнера. Или сбежать со всеми серебряными прямеохонько в небо...

— Наши серебряные за Стальным Коконем — пыль...

— Не знаю, не знаю... Но это не меняет суть.

— Но где гарантия...

— Твоя единственная гарантия — верно служить мне, Шан.

Детектива не получалось. Не получалось героя-разведчика, хитроумным планом загоняющего врага в угол. Эта скользкая bestия Горон легко, одним движением снова оказался наверху. Пришла запоздалая мысль о том, что драться против таких их ржавым оружием безнадежно. Они владеют им с рождения. Любая тре-

нировка не сможет заменить врожденной способности сеять беду и зло. Нужно другое оружие — оружие, о котором эти люди не подозревают. Основанное на ином принципе. Оружие добра. Но что это такое — оружие добра? Не читать же проповеди этой сочащейся ядовитой слюной кобре?

— Что-то ты замолчал, Шан. Я не слышу воплей радости. Ведь я же согласился. Ты уговорил меня, Шан. Я даже принял твой дележ — половина наполовину. А мог бы... Но я уважаю смелость. Так что же ты проглотил язык, мой дорогой компаньон? Или...

— Я жду твоих приказаний, Горон.

Вынырнул на мгновение дедушка-садист, залился дробным хохотом, поощрительно потрепал плечо Шанина, умильно зачмокал ему в лицо. И скрылся, спугнутый жесткой диктовкой Горона-хозяина:

— Мы сейчас перейдем ко мне на катер. Мож вместе с кораблем, чернуком и сикером пусть проваливает ко всем чертям. Мне некогда им заниматься. Ты получишь форму и документы полицейского гвардейца — не «липу», настоящие. На днях мы проводим большую операцию по розыску крупного государственного преступника Канира Урана по кличке Бин. Мы накроем его. Что с тобой, дружок?

— Ничего. Я слушаю.

— В поимке Бина ты проявишь чудеса храбрости. И я отправлю тебя, как героя, сопровождать преступника в Дрому, с рапортом министру государственного милосердия высшему Тирасу Уфо, славному командиру легиона «Слуг справедливости», которых в просторечии почему-то величают «топорами». Странно, Шан, что ты запомнил имя моего дорогого друга Тираса, странно... Тирас примет тебя. Ты передашь ему кое-что. Остальное зависит от тебя. С той минуты тебе придется отрабатывать свою половину доли. А я посмотрю. Я буду за твоей спиной даже в... Впрочем, ты понятливый малый.

— С пустыми руками мне никто не поверит. Даже правитель. Я окажусь на яблоне раньше, чем открою рот.

— У тебя будет корень. Один корень. Образец. Это все, чем я могу тебе помочь. А насчет яблони... Отличный код! Мы будем называть наш товар «Силайские яблоки». Просто и со вкусом! Никакого повода для подозрений и тонкий философский намек... Все мы философы, Шан. Это наша слабость.

— Кто это «мы»?

— Мы — это мы, милый Шан. Те, от которых не уйти... Да, чуть не забыл: не верь ни одному слову Тираса, пока он не покажет золотой треугольник. Когда покажет — говори напрямик. Запомнил? Такой вот, как у меня, видишь? Треугольник на цепочке...

Замурлыкал востроглазый старичок, подхватил саквояж и, пропуская Шана в рубку, подмигнул:

— Яблочки силайские...

4. ДРОМА

Весь путь от Силая до Дромы пассажир проспал, и, только когда азробот пошел в посадочный вираж, он недовольно зарычал. Полицейский гвардеец с вензелем сержанта скрипнул зубами.

— Оставь его в покое. Он опять будет биться.

— Но это я. И я не позволю, чтобы всякая шваль скалила зубы над Бином...

— Говорю, оставь. Ему уже ничем не поможешь. Человек убит в нем давным-давно.

— Но он — это я, понимаешь, я! Я мог бы стать таким, если бы...

— Замолчи. Немедленно замолчи. Иначе я надаю тебе пощечин. Ты сопливый истерик. Ты все погубишь. Не только себя и меня — все!

Пассажир тяжело, с подвывом заскулил.

Пилоты не успели еще сбросить трап, как прямо

по посадочной полосе к аэроботу подкатила закрытая машина. Из неё посыпались широкогрудые парни в небесно-голубых мундирах. Не обращая внимания на двух «пернатых» коллег, они споро взялись за дело, и через минуту клетка с рычащим и воющим Бином была уже в машине. Шан долго не мог понять, кто у них старший, пока не приметил рядом с водителем скучного человека с двумя серебряными топориками в петлице.

— Окс-капитан, у меня сопроводительный пакет и письмо к высшему Тирасу.

Скучный человек протянул из кабины руку.

— Мне поручено передать их лично.

Рука нетерпеливо дернулась — давай. Секунду покалебавшись, Шан сунул письмо и пакет в ленивые пальцы. Рука исчезла. Аудиенция была окончена. Голубые громилы скрылись в кузове. Взыла сирена, и тяжелый фургон с неожиданной прытью умчался по бетонному полю, оставив растерянных и недоумевающих гвардейцев на произвол судьбы.

— Я не знаю правил этикета в этих кругах, но с точки зрения здешних нравов нас встретили в Дроме сдержанно. Жду ваших ценных указаний, септ-капитан.

— Обалдуй, — сказал Шан.

Они шли с летного поля не спеша — торопиться им было некуда — и, получив наконец возможность говорить, не опасаясь быть подслушанными, не находили слов.

— Обалдуй, — сказал Шан. — Если бы я знал, что буду из-за тебя так волноваться, никогда бы с тобой не связался...

— Ты волновался за меня? Или за исход операции?

— Не знаю... Я дилетант в этой профессии. Когда я услышал, как ловко тебя обезоружили, а Горон минутой позже заявил, что Бин в его руках, я, честно говоря, думал только о том, как тебя выручить. Я был уверен, что нас раскрыли... И чуть было не наломал дров...

— Да, Горон применил старый прием: выдал за Бина беглого уголовного, сошедшего с ума в силайских дебрях. И начальство это знает. Начальству выгодно быть обманутым — будет громкий процесс, будет показательная казнь — и да устрашен будет всякий неотвратимостью возмездия! И ко всему прочему новые чины и награды...

— Но такой вариант выгоден и тебе. Тебя уже не будут искать. Нельзя казнить одного человека дважды...

— Выгоден... Ты начал говорить, как Горон. А каково мне? Наверное, тот, кто сейчас в клетке, был на свободе большим подонком. Но его казнят не за это. Его казнят за меня. Я должен теперь ему жизнь, понимаешь? Они лишили меня права распоряжаться своей жизнью...

— Не раскисай, Сип. Я понимаю — тебе тяжело. Но ты ничего не исправишь жалобами. Здесь нужно другое...

— Я знаю. Прости. Но что же нам все-таки делать теперь?

— Послушай, Горон — проникательный?

— Разумеется.

— Ты все-таки когда-либо объяснишь толком, кто такие проникательные? Что их объединяет? Каковы их цели? Как их узнают? Я только и слышу — проник да проник, слышу в разных вариантах, в самых неожиданных и взаимно исключающих значениях! Наваждение какое-то!

Сип долго молчал, расшвыривая камешки с дорожки коваными ботинками.

— Проник... Проник есть проник... Это не вмещается в ваши земные категории. Внешне они неотличимы от всех, они неотличимы от всех остальных свирян. Они бесформенны и всепроникающи. Теоретически они вне закона, каждому разоблаченному пронику грозит смерть. А практически весь государственный, весь адми-

нистративный аппарат Свиры — сплошные проники. Потому что доказать, что проник действительно проник, практически невозможно... Они выходят сухими из любых чисток, которые устраивает время от времени Кормчий, они получают награды за усердие, а на яблоню попадают те, кто им мешал...

— Заумь какая-то! Много страха и мало смысла. Ты что-то перегибаешь, Сип. Здесь что-то не то. И не так.

— Так, Шан. Просто это сразу трудно укладывается в голове. Мы уже привыкли, а ты нет. Впрочем, увидишь сам. Поймешь. И привыкнешь.

— Но как ты все-таки узнаешь, что кто-то проник?

— Спроси что-либо полегче... Как узнаю? Сам не знаю! Конечно, не по внешности. Хотя... Есть что-то, но... Вот стоит ему заговорить — сразу видно. По жестам, по поведению, по речи, по какой-то внутренней злой затаенности — на языке мед, в глазах яд... Тысяча мелочей... Трудно объяснить... Ты меня понимаешь?

— Пытаюсь изо всех сил. Но, честно говоря...

— Стоп!

Сип приложил палец к губам. Шанин оглянулся, но ничего подозрительного не заметил.

Они потоптались у ворот аэрогавани, глядя, как перегруженный грузовой дирижабль безуспешно пытается оседлать причальную мачту. Рядом с ними остановилось несколько зевак, по традиции обсуждающих промахи пилотов и их шансы причалить в такой ветер.

— Им «пернатые» помогут. У них крылышки, — ядовито хихикнул кто-то за спиной.

Шан обернулся. Все с постными лицами смотрели в небо.

— Надо идти в ближайший участок «ПГ» и связываться с Гороном. Пусть он сам разбирается, что к чему, и какого лешего нас бросили посередине дороги...

— Не надо, септ-капитан. Все делается согласно приказу. Та команда не имела инструкций на ваш счет.

У говорящего не было лица. Потом, через минуту после разговора, ни Шан, ни Сип не могли вспомнить наверняка ни одной четкой черточки, ни одной особенности фигуры, ни одной броской детали одежды — какое-то смутное облако, желе, студень с бесцветным голосом.

— Кто ты такой?

Молчание. Наручные часы, где вместо циферблата — силуэт топора. Какие-то розовые бумажки.

— Вот ваши места в гостинице и суточные на неделю. Вас позовут, когда будет надобность.

Он растаял в воздухе, не оставив следа. Но еще раньше, едва он появился, растаяла толпа зевак вокруг Шана и Сипа. У жителей Дромы выработалась мгновенная реакция.

— У меня был один знакомый исследователь древней письменности. Он постоянно тренировал воображение. Нарисует две черточки и пристает ко всем: «Что это может значить?» Что это может значить?

— Только одно — даже на улице следует говорить вполголоса. А в гостинице — орать. У них паршивая аппаратура, работает с искажениями. Глупо влипнуть по вине неисправного магнитофона.

— Думаешь, нас собираются пощупать?

Вместо ответа Сип кивнул на такси, которое медленно тащилось за ними, явно желая «случайно» попасться на глаза. Они сели на заднее сиденье и молчали всю дорогу, чем весьма расстроили водителя. И только после остановки Сип вознаграждал его, громко воскликнув: «Слава Великому Кормчему, высшие умеют ценить преданность! «Изобилие» — лучший отель Дромы. Здесь не соскучишься...»

Они стояли со своими провинциальными чемоданчиками на тротуаре, не решаясь войти под гулкие своды гигантской пирамиды, составленной из разногабаритных полушарий. Поражало мастерство, с которым архитектор рассчитал все детали своего нелепого соору-

жения. Оно должно было развалиться без всякого внешнего толчка, само по себе, но оно высилось, венчая центр столы, и высилось, вероятно, не одно десятилетие.

— Нравится?

— Впечатляет. Одна из вершин абстрактного архитектурного искусства. Того и гляди сейчас все посыплется...

— Не посыплется. На века. Гостиница — ровесница Стального Кокона.

— Вот как. А кто архитектор?

— Тише... Об этом не спрашивают. В справочниках говорится, что гостиница построена волей правителя...

Подозрительный бритоголовый юноша, тоже заинтересовавшийся бетонным десертом, сразу заскучал и отошел.

— Леший их разберет. То ли вправду уличный бездельник, то ли... Всякие тут ходят...

Фойе встретило гостей сладковатым запахом. Большая часть храмообразного пространства была отдана растительному миру — плодовым деревьям, ягодным кустам, овощным грядкам. Строгие таблички «Руками не трогать» и защитные металлические сетки под током предостерегали, однако, заезжих лакомок от вольного обращения с этим соблазнительным великолепием.

У таблички, удостоверяющей, что за барьером портье, гости простояли минут десять. Портье смотрел сквозь их прозрачные тела в глубины, доступные ему одному. Робкие попытки вывести его из каталепсии успеха не имели, и Шан довольно внятно пробормотал: «Сип, здесь нет таблички «Руками не трогать», и я сейчас попробую...» Сип наступил ему на ногу. Тем не менее портье протянул руку — ленивым жестом, как голубой окс-капитан в машине.

Розовые бумажки имели волшебную силу. В своем двухкомнатном номере-люксе гости оказались ровно через минуту, слегка обалдевшие от подобострастных улы-

бок носильщика, выросшего из-под земли, запаленных вздохов скоростного лифта и магнитофонной скороговорки очаровательной горничной, которая оставила после себя аромат нектара и горячий чай с какими-то желтыми орешками.

— Сказка, — проворковал Сип, оглядывая безудержную безвкусицу литерного номера. — Как щедро платит правитель своим преданным слугам! Сто лет не спал на такой кровати...

Он плюхнулся на свое необъятное ложе, ловко поддел матрац и внимательно осмотрел группу пружинных контактов, от которой в ножку уходил красный провод. Потом включил бра на стене. Вместе со вспыхнувшей лампой в настенной стойке что-то щелкнуло и зажужжало.

— Для любителей ночного чтения, — прокомментировал Сип. — Очень хорошо видно, что читаешь...

Они обследовали номер и обнаружили массу не менее интересных вещей: радиодинамик, который не включался и не выключался; странное вентиляционное отверстие в потолке над люстрой; сушилку в ванной, которая не сушила, но трещала, как автоматическая кинокамера.

Шанину наконец все это надоело.

— Эти желтые орешки с чаем вызывают отличный аппетит. Не заняться ли нам этим вопросом? Там, кажется, есть какие-то талоны в ресторан, который я приметил внизу...

— Талоны пригодятся на потом. А сейчас с помощью вот этого чека мы должны стать богатыми людьми...

* * *

Несмотря на рабочий день, улицы Дромы были многолюдны, пестры и бестолковы. Человеку, привыкшему к тишине и успокаивающей медлительности современных поселений Большого мира, здесь было нелегко. А Ша-

нину в мундире гвардейца было нелегко вдвойне: Дрома кишела «пернатыми», и приходилось бдительно следить за людским потоком, чтобы ответить на приветствие или откозырять самому.

Улицы бесконечно петляли, переламывались, расходились зигзагами у подножия одинаковых, как детские кубики, многоэтажных коробок, упирались в неожиданные тупики, по ним, вплотную друг к другу, скрежеща и цепляясь бортами, судорожными толчками продвигался чадающий бензиновой гарью автомобильный поток. Порой где-нибудь впереди раздавался вой тормозов и хруст сплющиваемого металла. Урчащий конвейер замирал тогда надолго, но никакая сила на свете не могла прекратить его движение совсем.

Зато людской поток на тротуарах тек безостановочно. Каждый прохожий что-то делал на ходу — жевал, курил, читал, — и, может быть, поэтому на всех лицах каменила равнодушная отрешенность от окружающего.

— Куда мы все-таки несемся?

— Никуда. Мы уже на месте. Тут можно присесть или постоять без риска быть сбитым с ног... Когда-то здесь был Дворец Свободы — правительственная резиденция. По Слову правителя он было снесен и на его месте выстроен Вечный Дворец, увенчанный персональной Башней Кормчего. В ней находится его рабочий кабинет. А Вечный Дворец отдан исполняющим Слово Кормчего министерствам.

И снова пирамида, но уже не из полушарий, а из неправильных конусов, опоясавших тонкую свечу башни, зеркальный купол, который поздно вечером и рано утром полыхал языком пламени на сером небе. И та же печать незаурядного мастерства, скрученного и извращенного злой волей нелепого заказа. И скульптура у главного входа: юный бог в куртке с надкушенным яблоком в руке.

— Правитель в ту великую минуту, когда он задумался о судьбе Свиры и принял решение взять на плечи

бремя Кормчего... Ну как? На что похоже это сооружение?

— Похоже на то, что гостиницу «Изобилие» и Вечный Дворец строил один и тот же архитектор.

— Тот же? Нет... Но... Разве есть сходство? В чем?

— В характере. Во взгляде, что ли. В мастерстве... Словом, если это не он, то его ученик.

— Да...

Сип долго молчал, разглядывая Дворец, словно видел его впервые.

— Да... А ведь действительно... А ты зорек, Шан. Дворец строил сын того, кто поставил злополучную гостиницу.

— И он плохо кончил?

— Да. Можно мне задать тебе вопрос без околичностей?

— Разумеется, Сип.

— Что ты собираешься делать?

— Сейчас? Продолжать прогулку.

— А завтра, послезавтра, через неделю?

— Наблюдать, запоминать, анализировать.

— А действовать?

— И действовать. Во всех детективных романах, которые я специально проштудировал перед Свирой, говорится, что главное в профессии разведчика — дедуктивный метод. Действие — частность, а частное по дедуктивному методу должно выводиться из общего. Следовательно, чтобы действовать, надо основательно побездействовать.

— Ты все шутишь. Тебе все это кажется пока забавной игрой. Не спорь. Ты попал в прошлое, в пройденные вами века. И ты не прочь подурачиться, уверенный, что завтра вернешься в свое время. А ведь Горон ждет, когда ты проникнешь к правителю. И он не будет ждать бесконечно. И он не любит шутников.

— Хорошо, давай серьезно. Мы работаем не для Горона. И если говорить откровенно, я вообще не соби-

раюсь встречаться с правителем. Потому что меня и моих друзей интересует не то, каким образом этот древний хрен сумел себя законсервировать на двести лет, а то, каким образом Свира так долго держится на краю неизбежной пропасти. Уверен, что правитель не выложит ответа даже за женьшень. Придется докапываться самим, изучать производство и распределение, понять положение и взаимоотношение всех классов и прослоек общества, оценить настроение и степень зрелости народа...

— Для этого надо прожить здесь две жизни...

— Чтобы уловить общее — нет. Иногда его можно почувствовать сразу, на одном дыхании. Как повезет. И как смотреть на все, что происходит вокруг. Ты здесь родился, ты ко всему привык, многое проходит мимо твоего внимания. Глаз постороннего зорче.

— Возможно... Но меня интересует одна частность — собираешься ли ты посещать правителя?

— Пока нет. Пока это просто невозможно — мы стоим перед глухой стеной, и эта стена неприступна. Нужно найти хотя бы какой-то дефект в этой стене, дыру или щель, и только тогда...

— А если я знаю такой дефект?

Шан внимательно посмотрел на Сипа. Сип выдержал взгляд.

— У тебя завелись от меня секреты, Сип?

— Нет. Не завелись. Этот секрет был со мной всегда. На Свири, на Зейде, на Земле. Но этот секрет я открою только тому, кто поможет мне выполнить клятву.

— Какую клятву?

— Судить Великого Кормчего.

— Убить?

— Нет. Судить. И приговорить к смерти. И привести приговор в исполнение. Чтобы это не было убийством, нужны хотя бы двое...

Да, еще Тесман говорил, что у Бина свои счета с правителем. И вот теперь... Отговаривать бесполезно. Согласиться на соучастие нельзя. Остаться в стороне нечестно. Обманывать подло.

— Когда и кому ты дал клятву?

— Не надо об этом, Шан. Я забыл, что ты человек Земли. Что ты просто наблюдатель. Что для тебя все наши горести и беды не более как трудный ребус, который надо решить, научный казус, который надо объяснить. Я забыл. Прости. Я не оставлю тебя, пока... Словом, забудем этот разговор. Я ничего не спрашивал.

— Бин...

— Я Сип. Прежний Сип. Твой Вергилий.

— Жарко. Давай выпьем пива...

Они остановились под зеленым навесом против рыбного магазина. Пожилой гвардеец с жезлом дружелюбно им улыбнулся и подвинул кружку, освобождая место за столиком. Улыбка в Дроме — явление редкое, и Шан улыбнулся в ответ.

— Дежуришь?

— Разве это дежурство, септ-капитан? Хочешь — спи, хочешь — пиво дуй. А вот я работал в Олоне, воздушные верфи там — вот где действительно держи ухо востро. Известное дело, работяги — у них свой закон. Держатся один за одного, косяком — с ними лучше не связываться...

Пиво было, что называется, на любителя — цвета спелой малины, горьковато-сладкое и почти без пены. Шан взял три кружки — себе, Сипу и говорливому блюстителю порядка.

— Благодарю, септ-капитан. Многовато будет... Ну да ничего, мне уже через час меняться.

— А ты за свою жизнь в разных местах бывал, наггерное?

— Да, помотался. Я все больше по охране, для стра-

ха стою. Так не стало страха теперь, даже Вечного Дворца не боятся, шалый народ стал.

— А почему, как ты считаешь?

— От жиру. Я говорю — от жиру. Заелись, на правителя обнадежились. Он, мол, благодетель, всех накормит. Я последнее время в глуши, в Трижах существовал — молодые затерли. Так и там дикари, обезьяны земляные, только и могут, что свою сатуру крупноплодную сажать да выкапывать. Так и эти. Не хотим по шестнадцать часов работать, хотим по десять. А этого не хотите?

Заметно приободрившись, ветеран грозно потряс жезлом, как боевой дубиной.

— А сюда меня сын перетащил, слава Кормчему. В «топорах» у меня сын... Здесь благодать. Конечно, тоже как когда...

Что-то стряслось в рыбном магазине напротив. Крик возмущения и боли, звон разбитого стекла, шум свалки, снова крик — тот же голос, но сдавленный, зовущий на помощь, ругань, глухие удары, снова звон стекла... Гвардеец поскущел и прислушался, не спеша, однако, допивать свое пиво.

— Спать что-то не поделили... Вот народ! Всего выше горла, лопай — не хочу, так нет, каждый в рот соседу смотрит. Зависть, зависть... Не люблю драк. Никогда не поймешь, кто прав, кто виноват, все хороши... Пакость одна...

Шанин почувствовал на себе хмурый изучающий взгляд Сипа. Ему стало неуютно. Никаких действий — это легко приказать. А если быют женщину? Ребенка? Ты чужой, тебе все равно — утверждало молчание Сипа... Нет, дорогой. Очень не все равно. Очень.

— Надо прекратить это. — Шан одернул ремень. — Пойдем, дежурный.

Они не успели. Кто-то мелькнул в дверях, пытаясь выскочить на улицу, его перехватили, ударили спиной о притолоку, потом — мимо притолоки. Хрустнуло

дверное стекло, посыпалось, окровавленное тело вывалилось на тротуар, а за ним вывалилась толпа разъяренных мужчин и женщин.

Коротышка в кожаном фартуке, увидев гвардейцев, бросился к ним:

— Это проник! Он оскорбил Кормчего! Он сказал про него такое!

Тротуар опустел мгновенно. Ни избияния, ни свидетелей — жара, звенят ситары, недопитое красное пиво на столике — и неподвижная человеческая фигура на тротуаре.

Коротышка уже сориентировался в чинах. Он прилип к Шану.

— Мне этот магазинчик после конфискации достался почти даром — упекли одного тут. Вот я и всегда на страже. Способствую, так сказать. У меня на тайных проников нюх. Такой от природы дар имею — и все для правителя. Я уже человек двадцать задержал, септ-капитан. Нюх мое прозвище. Вы запишите себе — Нюх с улицы Благодати...

— Готов, — подошел дежурный. — Вызвал машину, сейчас заберут...

Шанин предполагал в этот день съездить куда-либо на окраину, например, в рабочий пригород Дромы Силку. Было еще рано, до Силки часа три езды экспресом, и они вернулись в гостиницу. Возвращались в открытом автобусе, который немилосердно дергало в ритме бесконечного автоконвейера. Люди стояли и сидели, отрешенно жуя, и согласно качались в такт рывкам.

— Ну как дедуктивный метод, — спросил Сип, исподлобья поглядывая на Шанина. — Помогает?

Шан потер лоб.

— Плохо помогает?

— Поможет. В свое время. А завтра мы с тобой должны разыскать вот этого человека. Зовуг его...

— Мос Леро...

Чтобы разобрать витиеватую надпись на почерневшей медной пластине, пришлось включить поясной фонарик. Шан махнул рукой таксисту, тот, круто развернув машину, дал полный газ, и через полминуты только серая пыль висела над петлей накатанной дороги.

— Даже фары не включил. Еще врежется куда-нибудь. Внизу уже совсем темно. Чудак...

— Кто знает, Шан. Может быть, это мы начудили, отпустив машину раньше времени...

— Не думаю. Хотя, если хозяин под стать своему слову, думать о приятном отдыхе вряд ли придется...

Они звонили у бронированной калитки, врезанной в крепостной кладки каменную стенку, добрых пять минут, но за калиткой и за стеной царила нежилая тишина.

— Однако Мос Леро рано ложится спать.

Вилла пряталась на дне горной впадины, словно в стакане с отбитым верхом — полупрозрачные острые ребра кварцевых пиков перекрывали все подходы к ней. Лишь по единственной узкой расщелине выползала наверх дорога. Все ее замысловатые петли просматривались от виллы, как с вертолета.

— По-моему, этот Мос — атаман разбойничьей шайки. Иначе зачем ему такое убежище?

— Не знаю, Шан. В Дроме у него вполне ordinaria квартира и, если верить соседке, приличная репутация...

Разыскать Моса Леро по адресу, данному Гороном, не удалось. Его не оказалось дома, а словоохотливая соседка не знала, куда он уехал.

Помогла хмурая консьержка. Она проводила гвардейцев медленным взглядом до самых выходных дверей и уже в спину пробубнила негромко:

— К Мосу, что ли? Давно пора... В Лаане он,

где ж ему быть в субботу... На Синей горе вроде дача у него...

До местечка Лаан было не больше часа езды, но автобусы туда почему-то не ходили, а разбитые таксисты, готовые мчать хоть в преисподнюю, от слова «Лаан» сразу скучнели, а стоило упомянуть еще Синюю гору... Словом, только к концу дня Шану с Сипом удалось уломать какого-то бедолагу за пятикратную цену. Машина долго кружила по каким-то окраинам и выбралась на лаанскую дорогу далеко за городской чертой, но по шоссе водитель погнался с такой скоростью, словно от стрелки спидометра зависело спасение его души. Судя по всему, на Синей горе он бывал не раз. Такси уверенно выкручивалось из опасных горных виражей. Но остановился он не у самой виллы, а метрах в двухстах от нее и подъехать ближе отказался.

— Теперь наш друг уже на шоссе. Зря мы его отпустили...

Шан снова нажал кнопку.

И тогда калитка ожила.

Нет, она не открылась. Ее шероховатая поверхность не шелохнулась, но на уровне глаз с тугим щелчком прорезалась треугольная бойница.

— Кто там?

— Нам нужен Мос Леро.

— Его нет, он уехал.

— А кто с нами говорит?

— Служитель.

— Значит, уехал? Жаль. А то вот его старый друг Горон велел передать ему письмо и долг в тринадцать серебряных.

— Что вы сказали?

— Горон велел передать Мосу Леро письмо и долг в тринадцать серебряных.

Калитка молчала добрых две минуты, прежде чем исторгла новый неуверенный вопрос:

— А я... Я буду иметь письмо?

— Нет. Велено передать его лично твоему хозяину. Снова молчание. И снова дрожащий голос:

— Я Мос. Мос Леро. Давайте письмо в щель.

— Э нет, так не пойдет. Докажи, что ты Мос.

— Письмо должно быть в красном конверте с буквой «м» в левом верхнем углу.

— Это другое дело. Пожалуйста.

Шанни свернул конверт трубочкой и сунул в бойницу. Бойница тотчас захлопнулась.

— На атамана не тянет. Трусоват больно, — прошептал он Сипу почти весело. Сип неопределенно пожал плечами.

Солнце давно зашло, но вечные скрещения Стального Кокона еще светились тусклым малиновым накалом. Небо было иссиня-черного цвета, и голубым детским шариком светилась на нем Зейда, маленькая луна Свиры. Она почти не освещала окрестность, на пиках полыхали грозные отсветы стали, но она была, она светилась, напоминая Шанину о том, что есть Большой мир, где по-другому живут и поют...

В лицо ударил прожектор, а через десяток секунд щелчок возвестил, что калитка снова ожила.

— Я вас вижу впервые. Я вас не знаю.

— Меня зовут Шан, его Сип. В письме написано, что, кроме долга, мы передадим тебе предложение принять участие в сбыте силайских яблок.

— Ладно. Входите.

— Выключи ты этот светильник! Ничего не видно!

— Идите прямо.

Рука Шана попала во что-то пухлое и влажное, и это пухлое потянуло за собой прямо, направо, налево — прожектора уже не было, но перед глазамиплыли разноцветные круги, лишая возможности если не видеть, то хотя бы ориентироваться в полутемных пространствах.

— Садитесь. Кресла под вами.

Пелена рассеялась, открыв небольшую скромную комнату с тремя узкими стрельчатыми окнами, распах-

нутыми в сад. Вечерний ветер тормозил простенькие пестрые шторы. На некрашеном раздвижном столике стоял запотевший пузатый кувшин с молоком и три стакана. Из плетеной корзиночки торчало три больших ломтя черного хлеба.

Сип сидел по другую сторону стола. А в центре сидел Мос Леро. Его кругленькое тельце перепачканного детского пупса без конца вздрагивало и порывалось подскочить на плетеном стуле, предугадывая малейшее желание гостей. В нем все было чуточку чересчур — чересчур честные глаза, чересчур жизнерадостный румянец, чересчур широкая улыбка, чересчур искренний голос:

— Я человек простой, без претензий, родился в глухом селении, так сказать, от земли... Очень устаю в Дроме — сутолока, гром, чад... Хочется тишины, одиночества, свежего, так сказать, дыхания... Присмотрел вот себе ложбинку с конурой... Нет, строил не я, досталась по случаю — за свои, конечно, серебряные... Но недорого, слава Кормчему — по государственной цене распродажа конфискованного имущества... И каждую субботу — сюда, в конурку свою... А что у калиточки вас задержал — не обессудьте. Места дикие, безлюдные — не ровен час... Всякие тут шастают...

— А шастают? — успел врезаться Шанин.

— Шастают, шастают, ой, как шастают... В прошлую субботу, соседа там вон, за той горочкой, подожгли... Выскочил, а в него из пистолета... Хорошо, что в доме друзья были, там целая перестрелка была, еле отбились... А домик сгорел...

— Кто же стрелял?

— А ведьма их знает... Ушли все... Может, дружки хозяев бывших, может, другой преступный народ... А выехали — рисковали: не любят здесь «пернатых», в мундире особенно, — пуля невесть откуда прилетит... Рисковали, рисковали... И срочность такая была, наверное, да? Убываете куда — в Дроме проездом, да?

— Проездом, Мос. Горон передает тебе твою постоянную долю.

— Должок, Шан, должок...

— Твою постоянную долю, Мос. И с условием.

Шан достал из-под стола маленький красный чемоданчик, с которым приехал.

— Вот... Вот... Вот...

По мере того как на столе появились ампулы с пропитом, пакеты прессованного чернука, булькающие банки сикера, золотые и серебряные амулеты, честные глаза Моса завлакивала сладкая дымка.

— Ах, Горон, Горон... Нет, старая дружба не ржавеет... Кажется, что общего: я, маленький человек, — и Горон, орел, повелитель «пернатых»... А не забывает Моса верный товарищ, не забывает... Говорят про него всякое, обижаются некоторые, а я думаю, зря. Большой души человек Горон и честен, и справедлив, и нежен где-то... А жестким бывает иногда — профессия такая: защитник, сторож нашего неба. Он и в «топорах» орлом ходил, как же... Я трусоват, характера не хватает, вот и копаюсь в низине жизненной, а Горон — храбрец, он весь в небе, всегда на высоте... И все ж не забывает нас, бескрылых, для земли приспособленных, шлет от широты души...

— Теперь условие, Мос. Ты должен помочь нам. Нам — значит, Горону. Ясно? Мы — это Горон. Так должно быть сказано в письме. Так?

— Сказано, сказано... Но я человек маленький, я всей душой, только...

— Ты должен устроить нам встречу с Тирасом. Глаз в глаз. И как можно скорее — завтра или послезавтра.

— А зачем вам Тирас?

— Ты чересчур любопытен, Мос.

— Не знаю, не знаю. Тирас — министр, второе лицо на Свири, правая рука Кормчего, а что я? Червяк! Как я могу приказывать Тирасу? Меня даже не пустят к не-

му! Нет, не по силам мне, не по силам... Рад бы услужить старому другу Горону, за подарочек отблагодарить, но... Не смогу, не смогу, что другое, а это не смогу... Конечно, если попросить, раскошелиться... Да и то вряд ли... Конечно, если Горон не постоит за расходами... Так это еще столько же надо...

— Ты загнул, Мос. Столько же — чересчур. Не проглотить. Плохо будет. Половина — куда ни шло. Еще половина!

— Да разве я себе? Я же для людей, мне самому ничего не надо. Тирас ведь, не пешка какая. И срочность к тому же. А вдруг Тирас заупрямится, спросит — зачем я им нужен. Что я скажу?

— Мос, ты получил хороший подарок от Горона. Тебе показалось мало. Я добавил еще половину — от себя...

— Я не вижу второй половины...

— Вторую половину ты увидишь после того, как скажешь, когда и где мы встретимся с Тирасом...

— Тирас не пойдет на пустой крючок. Я должен передать ему предложение. А что я ему скажу?

У Шанина пересохло горло. Не спрашивая разрешения, он налил себе полный стакан ледяного молока. Мос услужливо пододвинул хлеб, и это окончательно dokonало Шана. Он отставил стакан. Резиновый пупс был неуязвим. Он мгновенно вывертывался из любых положений. И радужная улыбка по-прежнему цвела на его ярко-пунцовых губах. Сип тоже ухмылялся, наблюдал за поединком. И Шан пошел последним козырем — сунул прямо под горбатый московский нос корешок женьшеня, похожий на голенького гнома.

Мос вздохнул и забыл выдохнуть.

— Это не тебе. И не Тирасу. У вас не хватит серебряных, чтобы отколотнуть полкусочка с этого корешка. Это для Великого Кормчего. Ты понял, какая идет игра?

Мос перестал ухмыляться и отодвинулся от стола, чтобы были видны обе двери, ведущие в комнату, и как бы невзначай положил руку на пояс с пистолетом.

— Но зачем... зачем вам... зачем нам... нам... Тирас?

— Может, ты сам проведешь нас к правителю? — со всем возможным сарказмом отпаривовал Шан, беря реванш за час изнурительного словоблудия. — Сам — без Тираса?

Но Мос подскочил, не обратив внимания ни на издевку Шана, ни на позу Сипа. Он покатился к внутренним дверям, возбужденно подпрыгивая и одергивая дешевенькую клетчатую пижаму, распахнул их настежь и закричал тоненько:

— Лира! Лирочка! Вставай, детка, — у нас дорогие гости! Чудесные воспитанные люди! Вставай, мое солнышко, мы будем праздновать их визит! До самого утра!

И он воздел свои бескостные ручки, приглашая гвардейцев внутрь дома.

За толстыми дверями двойной доски открылся иной мир. Огромная паукообразная театральная люстра, отсвечивая масляным золотом и позванивая хрустальными подвесками, с варварской щедростью высвечивала каждый уголок антикварного интерьера: инкрустированный перламутром и розовой слюдой потолок; застывшие волны парчовых портьер, за которыми неярко мерцало золотое плетенье противомоскитных сеток на окнах; лебяжьего пуха кресла на ножках-копытцах; древние, ручной работы ковры, которые сделали бы честь любому музею, старые картины — подделки под земных художников и местные шедевры, собранные, правда, не из-за живописных достоинств, а как иллюстрации к мифологическим сюжетам; несколько огромных фолиантов в переплетах из красного сандала с золотыми застежками, разностильные пуфики, качалки, кушетки; медвежьи шкуры, вокруг низкого, едва в локоть высоты, необъятного круглого стола из черного дерева, хрустальные вазы и кубки; тонкий, как папиросная бумага, фарфор узкогорлых кувшинов; майолика, резьба по кости, серебряное тиснение, тонированное чернью...

— Это тайна моего сердца, высокие. Я имею это не для того, чтобы жить, а живу, чтобы иметь это. У всех свои слабости, высокие. Тишина, свежий воздух, красивые и ценные вещи... Вдали, так сказать, от грубого глаза человеческой зависти... Зачем лишний раз дразнить соседей, напоминать им, что они неудачники, простофили, недотепы? Здесь в каждой вещи — мой подвиг, моя борьба, моя месть и победа... Месть и победа, о которых не знает никто... Ну как?

— Потрясающе. Даже мороз по коже.

— Если бы я сказал тебе, сколько это стоит, тебя бы сожгло пламя, Шан. Но я не хочу твоей смерти. Вы мои гости, и мы будем праздновать. Ты поймешь, что с Мосом можно делать дела...

...В Дрому возвращались на рассвете. Под обшарпанным капотом неказистой машины Моса оказался новенький супермотор двойной тяги, а под задним сиденьем — станковый пулемет. Все оживленно болтали о погоде и летящих мимо пейзажах.

Дрома еще спала. Тишину нарушали только всхлипы дворницких щеток да урчание мусоросборщиков.

Мос высадил гвардейцев за квартал до гостиницы.

— Нечего мозолить глаза... Значит, как договорились, Шан: встречаемся сегодня в три на Большом ипподроме, ты принесешь с собой вторую половину подарка, а я — место и время вашей встречи с Тирасом... Я приду после начала скачек и сам найду вас. Я подсяду незаметно...

И, уже собираясь трогаться, снова поманил Шанина пальцем.

— Тираса я вам обеспечу — это точно... Берите его за рога... А если не выгорит — не беда... Я человек маленький, но я кое-что могу. Вам без Моса не обойтись, потому что даже высшие и высшие из высших не бывают там, где бывает Мос... Мос Леро, старший сантехник Вечного Дворца...

5. ЛЕГЕНДА О ТАИНЕ

До начала скачек оставалось минут десять. Шанин разглядывал трибуны Большого ипподрома. Привыкший к пестроте и буйству земных ипподромов, он не без удивления отметил благопристойную тишину под солнцезащитными тентами и обходительную неторопливость болельщиков. Присмотревшись, он понял причину: здесь не было молодежи, трибуны не спеша занимали люди за тридцать и далеко за тридцать — чаще все разряженные по-воскресному зрелые семейные пары с выводками разновозрастных малышей. Они проходили на свои места, груженные пакетами, основательно устраивались и начинали немедленно что-либо жевать, озираясь и с чувством собственного достоинства приветствуя знакомых.

— Это место свободно?

— Свободно, — опередил Шанина Сип. Шанин толкнул его под бок: разве Сип забыл, что место для Моса? Сип успокаивающе кивнул — знаю, мол.

Болельщик, ищущий места, повел себя странно. Вместо радости на его лице появилась тревога. Он подозрительно оглядел гвардейцев и задом стал выбираться из ряда.

— Что с ним?

— Все правильно. Психологический этюд. Если бы я сказал «занято», этот тип немедленно бы уселся, доказывая, что надо приходить вовремя, и неизвестно еще, придет ли сюда вообще кто-нибудь. Если говорят «свободно», свирянин задумывается: почему все места заняты, а это свободно? Значит, или гвоздь в сиденье, или ножка скамьи сломана, или еще какой подвох. И предпочитает разыскивать другое место. Так что не беспокойся — теперь, кроме Моса, к нам никто не подойдет.

Ипподром заволновался, заплодировал. Многие повскакали с мест. На травяную дорожку выходили опоя-

санные лентами и увешанные медалями участники, таща за собой на серебряных уздечках упирающихся двугорбых козлов. Эти косматые монстры пустыни, кроткие в покое и смертельно опасные в ярости, часто потряхивали рогами, способными одним ударом переломать кости песчаному тигру. Они привыкли к своим хозяевам, присутствие посторонних одновременно пугало и бесило их.

Ожили тарелки медных радиодинамиков:

— Внимание! Внимание! Через несколько минут вы станете свидетелями исторического события — вы увидите финальный этап пятьдесят первого первенства планеты по скачкам козлов. Это древнее, истинно свиряньское мужественное состязание, как известно, проводится раз в три года. Вспомним с уважением имена «Караба» и «Ярис» — они создали теорию этой игры, вспомним их последователей — они среди всеобщего непонимания претворяли теорию в практику, вспомним с благодарностью высокое Слово Кормчего — оно сделало скачки козлов неотъемлемой частью нашего отдыха! Скольких людей прославило это достойное занятие в прошлом и настоящем, скольких прославит оно в будущем! Еще живы ученики и последователи великих основателей любимейшего бессмертным народом Свиры зрелища, а уже возникли новые школы, и изустная молва содает легенды вокруг новых любимцев...

Удивление Шанина возрастало. Необычно вели себя не только зрители, но и участники скачек. Они собрались на стартовой площадке тесной кучкой и вступили в оживленную беседу. Искренние улыбки, дружеские рукопожатия, даже объятия и поцелуи... Каждый по очереди рассказывал что-то смешное, и рассказчика награждал дружный хохот. Все участники были одеты в цветные комбинезоны из «чертовой» кожи со множеством витых стальных колец по всему телу. У всех были палки неодинаковой длины, которые Шанин принял сначала за плетки.

— Это не плетки, это цины, — коротко и непонятно объяснил Сип. — На конце каждого цина — крючок. Надо взять противника на крючок, то есть зацепиться цинном за какое-либо кольцо на комбинезоне. А когда противник на крючке, его легко сбить на землю.

— А почему цины разной длины?

— Таковы правила. Цины разыгрываются по жребью.

На поле выбежал еще один участник. Весь стадион, как один человек, вскочил на ноги и разразился овацней. Коллеги с воплями радости бросились к товарищу и задушили бы его в объятиях, если бы не вмешательство бокового судьи.

— А вот и Хид Одюй, супернаездник, баловень судьбы, три раза подряд выигравший Всепланетное первенство. Одюй — идеальный свирянин. Тщательное медицинское обследование Хида не обнаружило в обоих полушариях его головного мозга ни одной лишней извилины. Такие прямодушные достойны венца! В руках Хида вы видите самый длинный цин — по правилам он достается победителю прошлого первенства без жеребьевки... Внимание! Сейчас прозвучит сигнал старта.

Трибуны замерли, а на поле ничего не изменилось. Сгрудившись и обнявшись за плечи, спортсмены отпускали шуточки и без усталости хохотали. Козлы с личными номерами участников на лохматых боках разбрелись по дорожке и лениво шипали травку.

Грохнул орудийный залп — сигнал к борьбе.

И тотчас без всякого перехода среди участников началась потасовка. Претенденты на победу били друг друга как попало и чем попало — кулаками, ногами, цинами, головой, — падали и поднимались, били каждого, кто пытался вырваться из узкого круга, и каждого, кто оставался в кругу, били сообща и порознь. Наконец Хиду, у которого был номер девять, и кому-то с шестнадцатым номером удалось вырваться. Шанин ожидал, что эти двое тоже схватятся, но снова не угадал — Одюй даже помог подняться шестнадцатому, когда тот

споткнулся. Оба плечом к плечу бросились ловить чужих козлов.

Драка в общей группе тоже немедленно прекратилась. Толпа ринулась в погоню за сбежавшей парой.

— Началось, — констатировал Сип.

Одүй и его союзник замешкались — козлы, храня верность, приняли новых хозяев рогами и копытами. Пока ловцы пытались оседлать непокорных, основная группа настигла их. Снова началась свалка, на этот раз при активном участии рассвирепевших животных.

Исход новой схватки решила находчивость Хида. Он оседлал своего собственного козла и, воспользовавшись секундой недоумения, бросил его на толпу. Ему удалось отрезать от толпы человек семь. Доведя козла до бешенства, он прикрывал группку новых союзников, пока все семеро не оседлали приглянувшихся горбачей. И потом семерка встала на охрану Хида — на этот раз ему повезло, и он оседлал чужого козла с первого раза.

— Правильный ход, — комментировал Сип. — Опыт показал, что группа из двоих неспособна противостоять большинству. Одүй увеличил группу лидеров до восьми — восьмерка вполне боеспособна. Сейчас их задача — оторваться от главной группы и закрепить успех. А еще говорят, что у Хида нет лишних извилин...

Действительно, восьмерка в отчаянной круговой обороне прорвала пешее кольцо, пытавшееся взять их на крючок поодиночке. Хида дважды чуть не стащили с козла, но союзники выбивали цины у нападавших и подминали их копытами козлов. Одүй, в свою очередь, своим длинным цинном выбивал всякого, кто пытался по их примеру воспользоваться незанятой скотиной.

Лидеры выбрались на дорожку и пустили своих рогатых «иноходцев» во весь опор. Главная группа была деморализована. Человек семь, в том числе и шестнадцатый, лежали на земле без движения, и к ним, увертываясь от обалдевших «спортсменов» и козлов, проби-

вались санитары с носилками. Кое-кому удалось все-таки заполучить чужого козла, и они трусили поодиночке за лидерами, вырвавшимися далеко вперед. Кто еще мог драться, дрался, уже не за обладание козлом, а по инерции. Драчунов растаскивали боковые судьи и уводили под циркулярный душ.

— Восьмерка вне конкуренции. Скоро они начнут выяснять отношения между собой.

— Кстати, Сип, Моса-то все нет.

— Придет. Мос не упустит чужого козла.

Шанин оглядел трибуны. От бывлой благопристойности осталось весьма немного: красные, потные отцы семейств срывали галстуки, визжали и вопили, разнокалиберные матроны сладострастно ахали при каждом точном ударе или явном промахе, дети с родительского благословения седлали и кусали друг друга, подражая бойцам на поле. Их возили сюда в воспитательных целях, учиться — и они учились.

А события на дорожке развивались.

Лидеры мчались монолитной шеренгой, но постепенно вперед стал выдвигаться пятый номер. Его высокий круглобродый горбач был явно резвее других, он опережал шеренгу почти на корпус. Наконец одиннадцатому удалось зайти пятому за спину лишь на мгновение, но мгновения было достаточно, чтобы взять на крючок выскочку. Одиннадцатый рванул в сторону — соперник оказался на земле. Освобожденный козел с удвоенной энергией метнулся вперед, но не тут-то было. Одновременно две руки с двух сторон схватили его за серебряную уздечку — рука Хида и рука одиннадцатого. Козел встал на дыбы. Оба претендента повисли на нем. Протащив смельчаков за собой еще метров двадцать, козел остановился, взрывая и роя копытами землю.

Оставшиеся допустили тактическую ошибку. Они решили, что самые опасные противники уже вышли из игры. Вместо того чтобы воспользоваться заминкой и оторваться на безопасную дистанцию, они затеяли

драку задолго до финиша, едва выбравшись из общей кучи.

Одюй и одиннадцатый среагировали правильно. Забыв тяжбу, они оседлали козла-фаворита вдвоем. Козел выдержал груз и после двойного укола цинами даже пошел в галоп.

— Двое на одном козле! Феноменально! Такого еще не было в спортивной истории Свиры! — захлебывался диктор, стараясь перекричать беснующиеся трибуны. — Хиду Одюй и Дари Лиар остается последний виток спирали до финиша! Они еще обнимаются! Может быть, они решили поделить приз пополам? Но золотой кубок не распилишь надвое!

Нет, они не собирались ничего делить. Схватка была короткой и эффектной. Одюй, сидящий сзади и обнимавший Лиара за талию, ловким движением перенес руки ему на шею и стал душить. Обмякшее тело завалилось на бок и кожаным мешком соскользнуло вниз.

— Снова Хид Одюй! Он снова обскакал всех! В четвертый раз! Невиданный пример безраздельного господства на козлиных скачках! Ему согласно правилам игры по Слову правителя будет вручен сегодня высший знак отличия — пожизненный Золотой Чин! Он достоин этого! Мы преклоняемся перед тобой, Одюй!

Одюй, блестя золотыми челюстями, раскланивался, махал над головой рукой, посылал воздушные поцелуи.

Теперь начал беспокоиться Сип.

— Мосу пора бы появиться. Дело идет к концу.

Они стоически досмотрели всю почетную процедуру, а Мос все не появлялся.

Не появился он и тогда, когда самые любопытные болельщики полностью удовлетворили свою страсть и потянулись к выходу.

Шан и Сип посидели еще минут пять на пустой трибуне. Больше ждать не имело смысла. Они тоже направились к центральной лестнице.

У ворот Сип наклонился к Шанину и что-то ему прошептал.

— Это мысль!

Перед тем как выйти из ворот, они зашли на минуту в буфет. Седенький старичок, который шел впереди и уже миновал арку, вернулся, нервно потоптался на месте и тоже толкнулся в дверь, налетел на Сипа и Шана, извинился и юркнул внутрь. Шан переложил красный чемоданчик из левой руки в правую.

— Хвост... Мос испугался, ясное дело. Если бы нам дали достаточно времени — обошлись бы без него. И без Тираса, который о нас, кажется, забыл...

* * *

Но о них помнили.

Шан проснулся среди ночи с ощущением, что кто-то ходит по темной комнате. «Сип!» — окликнул он, но никто не отозвался. Он потянулся к сонетке, но чьи-то пальцы вывернули запястье и заломили руку. Коротко охнув, септ-капитан упал лицом в подушку. Кто-то схватил его за волосы, приподнял. По глазам резанул белый свет.

— Где ты прячешь его, собака? Где? Говори, иначе... Где?

Удар по лицу. Кровь на губах. Снова рывок за волосы.

— Куда спрятал? Говори, собака, или прикончим! Где?

Шан захрипел. Его бросили на кровать с вывернутой рукой и рассеченной губой. Он ничего не понимал. Голова гудела и кружилась. Отдышавшись, он освободился от скрученного одеяла и сел. По комнате метались яркие пятна фонарей. Вывернутое из чемодана белье. Кожаную папку драли на узкие полосы. Вывертывали карманы мундира. Разбили графин с водой, вода полилась со стола на ковер. Вывернули платяной шкаф и про-

стукивали углы. Что-то делали в ванной, время от времени пуская воду. Судя по шуму, в комнате Сипа творилось нечто подобное.

— Эй, кто вы такие? Я — септ-капитан полицейской гвардии!

— Очухался?

Свет снова уперся в лицо Шану.

— Слушай, милоч, и думай, пока жив. Если ты сейчас не выложишь нам эту штуку, то сам понимаешь... А мы уйдем как пришли. Понял?

— Далеко не уйдете. У министра государственного милосердия высшего Тираса длинные руки. Мы здесь по его приказу.

В темноте раздались смешки и откровенный хохот. Щелкнул выключатель. В комнате было человек пять в голубых комбинезонах и странных зеркальных шлемах, скрывающих верхнюю часть лица. Тот, что стоял против Шана, отогнул лацкан куртки. Сверкнул золотой топорик.

— Марш в машину!

— Может быть, лучше в брюках?

«Топор» ткнул под горло вроде не очень сильно, но дыхание вернулось к Шану только возле зарешеченного оконца, на деревянной лавке, в душном фургоне.

Где-то близко застонал Сип. Шан нашел его ощупью — с товарища почему-то текла вода. Шан вспомнил странные звуки в ванной.

Сип ободряюще похлопал его по руке.

Они долго ехали, временами включая сирену и пугая город. Потом долго стояли. В зарешеченное оконце ничего видно не было.

Их растолкали поодиночке. В узком — метра на два — бетонном блоке не было ничего, кроме откидного брезентового стула.

Прошло часа три.

Выпустил Шана очень чистый и очень вежливый че-

ловек в штатском, перед которым охранник в коридоре тянулся, как пружина.

— Я прошу простить нас, септ-капитан. Произошло досадное недоразумение — эти остолопы перепутали номера. От имени министра и Великого Кормчего прошу забыть инцидент. Моральный и физический урон будет вам компенсирован. Я прошу вас пройти в комнату. Там вы можете привести себя в порядок. Прошу вас.

Шан мог бы и поверить. Но он заметил на сгибе пальца вежливого штатского перстень, печать которого чувствовал на разбитой скуле.

В комнате был стол, аккуратно выглаженный и развешанный на плечики шанинский мундир, горячий чай с орешками, умывальник и Сип, который разглядывал себя в зеркало.

— Принесли извинения?

— Да. Тот же тип, что...

Сип приложил палец к губам.

— Одевайся и прихорашивайся. Если мне не изменяет интуиция, скоро мы будем беседовать с министром милосердия.

Он оказался прав. Еще один штатский, уже не просто вежливый, а источающий благожелательство, попросил, если они не очень устали, немного подождать. Сам высший Тирас, с раннего утра пребывающий на посту, хочет удостоить их личной беседой. Они, конечно, могут отказаться, но министр так занят. Иное время для беседы найдется у него не скоро.

— Пожалуй, мы подождем немного, — серьезно сказал Сип. — Нам тоже хочется поскорее увидеть высшего Тираса... И у нас тоже времени в обрез — дела, дела...

Ждать пришлось недолго, не больше получаса. Но путь к Тирасу оказался непрост. Гостей из Силая конвоиры передавали, как ценную посылку, из рук в руки, расписываясь в сдаче и получении. Тайные и явные лифты то загоняли их под землю — там в коридорах

ощутимо пахло плесенью, то возносили на высоту — в окна синело.

Шан давно потерял ориентацию в пространстве и удивлялся Сипу, которого охватило непонятное возбуждение. Сип то норовил выглянуть сквозь неплотные створки в лифтовой ствол, то, к неудовольствию сопровождающих, прилипал к какому-то вполне ординарному углу, то подскакивал к бойницам-окнам коридора. Раз два он принимался что-то считать, загибая пальцы. И непонятные его расчеты, видимо, шли удачно. Сип повеселел.

Их вели неофициальным ходом, через огромные залы технических служб с телетайпами, похожими на станковые пулеметы, и счетными машинами, обрабатывающими сверхсрочные материалы... Здесь почти не было мундиров — черные тройки, серые пиджаки, белые халаты. И кончили они путь не в приемной с секретарем и телефонами, а в белой игривой комнатке с цветами, низкими креслами и кушеткой, накрытой шкурой песчаного тигра.

Здесь Шана и Сипа оставили вдвоем.

Сип, едва сопровождающий вышел, «полез» на стенку. Стены были обиты белым бархатом и не простукивались. Сипу пришлось отодрать часть обивки, но он нашел то, что искал. Одна из стен звучала явно глуше других, словно за звонким бетоном был войлок.

— Башня Кормчего, — прошептал он зачарованно. — Триста восьмой распор девятого яруса...

Шанин понимал, что Сип обнаружил что-то важное, но вопроса задать не мог. И боялся, что несдержанный силаец вызовет подозрение, — в том, что за ними следили, не было сомнения. И он постарался попасть в тон Сипу:

— Вечный Дворец... Утес бессмертия и справедливости, который вырос вокруг Башни правителя на благо Свиры... Здесь можно стать поэтом...

— Можно. — Сипом совсем некстати владело веселое бешенство. — Нужен только дефект, совсем маленький дефект. Под левой грудью. В сердце...

И Сип снова «полез» на стену — на ту самую стену, на которой был выложен цветной мозаикой портрет Великого Кормчего.

— Приятно видеть гвардейца, увлеченного чем-то вечным, — пропел грустный низкий голос. — Ты давно интересуешься живописью, Сип?

В проеме маленькой потайной двери стоял Тирас. Его благородное открытое лицо без морщин, печальные серые глаза и аккуратно зачесанная назад шевелюра снежной чистоты как нельзя лучше подходили к титулу «министр государственного милосердия». Он был очень похож на портретные изображения Кормчего. Возможно, художники, лишённые натуры, безотчетно вносили выразительные черты Тираса в абстрактный облик правителя. А возможна и другая причина... Нет, это было бы слишком просто. И все равно не объяснило бы главного.

— Ты давно интересуешься живописью, Сип?

— С детства, высший.

Да, Сип явно переменялся за последние дни. Он никогда не был трусом, но раньше в его смелости была угрюмая обреченность. А сейчас в нем была уверенность и вызов. Для простого сержанта это было чересчур необычно. И самое главное, что эта уверенность в своей тайной власти смущала и пугала имеющих явную власть. Они терялись перед нахальным сержантом. Вот и сейчас Сип не отскочил от мозаики, не вытянулся в струнку перед вторым человеком Свиры, не затрепетал под его ледяной улыбкой — и Тирас, поколебавшись, уступил, даже замечания не сделал.

— Наверное, любовь к живописи у тебя наследственная?

— Возможно. Я не знаю своих родителей. Как многие в Силае.

— У всех сирот Свиры есть один великий родитель.

Благодаря ему они не знают горя, а только радость от служения обществу.

— Да, на Сви́ре многого не знают благодаря Великому Кормчему...

Тирас счел возможным пропустить мимо ушей опасную дерзость.

— Чудесный портрет... И какое сходство! Но это копия! И к тому же с дефектом. Вот здесь идет трещина. Я залил ее эпоксидным клеем, и она теперь почти не видна. Но дефект есть дефект! Оригинал у меня в кабинете. Он больше по размеру — в полный рост и совершеннее по колориту. Полный эффект присутствия. Постоянное ощущение, что за твоей спиной не портрет, а сам правитель. Вот что делает искусство... Кстати, Сип, ты знаешь, кто автор этих шедевров?

— Знаю.

— Знаешь... Воистину неисповедимы пути знания! Даже всемогущая воля бессильна преградить их, если честно признаться. Имя таланта — пусть запретное, пусть грешное — ведомо избранным. А Кокиль Уран был талантлив, чертовски талантлив... Ты где учился, Сип?

— В Силае, высший. В «Гнезде Кормчего».

— В Силае? Странно. Такая эрудиция, такая интеллигентность — и Силай. Впрочем, возможно, голос крови... Великая вещь — голос крови... Тебе, конечно, известно, что государственный преступник Канир Уран по прозвищу Бин — внук Кокиля Урана, великого художника и великого преступника?

— Его казнили?

Тирас словно не замечал Шанина. Был он не в мундире, а в строгом сером костюме с голубым галстуком, и вел себя так, словно решил отдохнуть от дел, поболтав со старыми знакомыми. Пока, правда, он обращался только к Сипу, но Шанин чувствовал, что каждое слово этой странной беседы направлено рикошетом в его сторону.

Шанин ждал встречи с Тирасом и готовился к ней. Она должна была решить многое, если не все. Тайна Кормчего, тайна Свиры обитала где-то здесь, рядом с Тирасом, и Тирас владел этой тайной — иначе быть не могло. Надо было приручить Тираса. Любой ценой.

Но пока все шло наоборот. Инициативой владел Тирас. Он вел какую-то свою игру, цель и смысл которой открывать не спешил.

А Сип... Сейчас он плохой союзник. Во-первых, он крайне взвинчен и насторожен. А во-вторых... В таком деле можно работать лишь спиной к спине, безраздельно доверяя друг другу. Шан доверился Сипу. Сип Шану — нет. В результате даже Тирас знает о Бине больше, чем Шан. И если эти скрытые Сипом детали родословной соотнести с его поведением в последнее время, многое становится яснее, а многое — загадочнее. Как это трудно — в чужом мире, когда приходится разгадывать не только врага, но и друга.

— Его казнили?

— Да нет, Сип, его не казнили. С ним еще придется повозиться моим медикам... Трудный случай... Полная амнезия...

— Вы хотите заставить его вспомнить свою биографию?

— В этом нет надобности. Биография Канира Урана, который уже к тридцати годам был незыблемым авторитетом в области электроники и прикладной физики, а в сорок — приговорен к смерти за покушение на Великого, мы знаем лучше самого Бина. Но его мать и отец, которых Бин даже в лицо не видел, обладали одним фамильным секретом. Секретом огромной государственной важности. У меня есть сведения, что им владел и Бин, хотя на первый взгляд это попросту невозможно. Супруги Ураны скончались... м-м-м... под нашим наблюдением. Связи с Внешним миром они не имели. А Бин в то время даже не подозревал об их существовании.

О том, кто его родители и как они кончили, он узнал только через несколько десятков лет... Мои медики пытаются выудить золотую рыбку из мертвого моря, из головы того, кто был когда-то Бином...

— Зачем вы рассказываете нам все это, высший? Государственная тайна не для любопытных ушей. Даже если это уши полицейских гвардейцев. Зачем нам знать про Бина? Мы свое сделали — отдали его в твои руки. Но мы не медики...

Тирас, словно не слыша, подошел к портрету, провел мягкой ладонью по нетускнеющим срезам камня, смахивая несуществующую пыль. Постоял с лицом человека, изучившего за долгие годы каждую пядь, каждый слип, каждый скол изумительного сочетания естественных и искусственных линий мозаики.

— Дорого бы я дал, чтобы вывести фамильный секрет Уранов. Никто из вас, даже сами Ураны, даже этот несчастный Бин — никто на свете, кроме меня, не может хотя бы представить цену этому секрету... Дорого бы я дал за него...

И он вдруг пружинисто вышел на Шанина.

— А ты, Шан? Ты — дорого?

— Я? Я — ничего. Это меня не касается.

— Брось. Не надо. Мы все трое — интеллигентные люди, мы — аристократы духа, мы — выше тайн и махинаций. Не будешь же ты утверждать, что тебя интересуют деньги? Кто тебе поверит?

— Горон.

— Горон... Мой лучший друг Горон — просто мелкий жулик с чрезмерным аппетитом. Он плебей. Он не способен на крупное дело. Настоящее дело, достойное гения...

— Горон прислал тебе, высший, ящик особого силайского пива.

— Протовит? Премного благодарен. Протовит вместе с остальным вашим багажом стоит у меня в каби-

нете. А больше Горон ничего не передавал? Более интересного?

— Нет, высший.

— Странно... А как насчет красного саквояжа?

Тирас не кривлялся. Его красивое лицо было сосредоточенно, как у боксера, ведущего атаку. И в серых глазах, которые принято называть «стальными», не было злобы — он просто следил за жертвой, пресекая попытки спастись или перейти в контратаку.

— Не хотите отвечать? Не надо. Я уже знаю, что настоящий саквояж остался у Горона, а у вас — подделка. Не скрою — я думал, что ты явишься в Дрому с настоящим саквояжем. Но Горон решил меня перехитрить... Старый трупоед... Итак, ситуация на сегодняшний день такова: красный саквояж у Горона, ключ от него — у меня. Ведь так, Шан?

— Я не знаю, о чем ты говоришь, высший.

— Я могу напомнить... Ночь. Контрабандная «телега», которую задерживают сторожевые катера. Ваша встреча с Гороном. Ты отдал ему на хранение красный саквояж, добытый за Стальным Коконом. Саквояж, который открывается только твоим мысленным приказом. Горон делает тебя и Сипа «пернатыми» и героями поминки давно уже пойманного Бина. И отправляет в Дрому, где вы должны одурачить высшего Тираса ящиком протопита и проникнуть туда, куда не проникал никто за всю историю Свиры.

— Ты знаешь все, высший.

— Я знаю много, но не все. Я не знаю, например, что в красном саквояже. Как видишь, я окровавлен с тобой.

— Там нет ничего, что повредило бы Свире, высший.

— Это не ответ.

— Пока я не могу ответить иначе.

— Хорошо... Тогда я задам другой вопрос: зачем вы явились в Дрому?

— Нам нужно видеть Великого Кормчего.

— Видеть Кормчего... Скромное желание видеть

правителя... Так вот, дорогой Шан, я, высший Тира́с, правая рука и гранитная опора Великого, никогда в жизни не видел правителя Свиры и никогда не слышал его голоса. И самое горячее мое желание — нет, главная моя цель — видеть правителя! Видеть! Своими собственными глазами — бога ли, чудовище ли, гору всеведущей протоплазмы или обросший проводами автомат абсолютной власти — видеть! Прикоснуться руками! Осязать! Даже ценою жизни — видеть!

Он выбрасывал слова, как тугие кожаные перчатки, не повышая голоса, не теряя дыхания, скользя неслышно по белой комнате, как по квадрату ринга — он вел бой, но его противником был уже не Сип и не Шан, а тот, кто возникал из мозаичной стены, путая реальность и фантазию.

— Правитель! Вы хотите видеть правителя! Вы хотите видеть то, что не может существовать, но существует вопреки здравому смыслу! Зачем вам это? Зачем? Зачем рисковать жизнью ради праздного любопытства? Бросьте ломать комедию! Я знаю, что вам надо. Я догадываюсь, кто вы. Вы оба такие же контрабандисты, как я — министр милосердия. Играть со мной в дурачка бесполезно. Вас выдает порода...

— Ты идешь по ложному следу, высший.

Это вмешался Сип, непринужденно оседлавший кушетку с песчаным тигром и наблюдавший за пируэтами Тираса с видом тренера.

— Я? Ты самонадеян. Не отказывай и мне в способности мыслить логически. Почему Горон, поймав Бина, не отправил его сразу в Дрому? Ведь его ждала награда! Нет, он поджидал вас и красный саквояж... Ведь не станете же вы доказывать, что ваша встреча с Гороном на орбите — случайность? Это раз. Вам удалось то, что не удастся моим медикам, — вытрясти из мертвой памяти Бина фамильную тайну. Помолчи, Сип, помолчи — ты недаром околачивался в Дроме по картинным галереям. Тебе надо было узнать, в какой части

Вечного Дворца находится дверь в Башню Кормчего. Единственная дверь, которая открывается снаружи, а не изнутри, как остальные. Дверь, которую преступный гений Кокиля Урана замаскировал одним из настенных портретов Великого... Ну что, Сип? Ты уже ничего не хочешь сказать?

— Пока нет, высший.

— Тебе нечего сказать. Потому что я попал в яблочко. «Силайское яблоко» — так, кажется, Шан, вы с Гороном зашифровали это? Конспираторы... У меня всюду глаза и уши... Надежные глаза и уши... И вам меня не обойти! Я ждал вас много лет! У меня не было Бина — я проникал в секрет Кокиля Урана, как вода в камень, — микрон за микроном. Я выколупывал крохи знания из трухлявых фонозаписей в пыточных камерах, из бреда сошедших с ума. Правитель хитер — он уничтожил чертежи и строительные документы Башни, а потом тех, кто видел и уничтожал чертежи и документы. Он скопом перестрелял всех строителей, а потом повесил палачей. Он сделал все, чтобы Башня его была неприступна вовеки и никто не мог проникнуть в нее...

Сип поднял над головой руку, сжатую в кулак, и заговорил нараспев с закрытыми глазами, как читают любимые стихи:

— «Ты высок, но есть выше тебя, имя которому народ. Ты силен, но есть сильнее тебя, имя которому народ. Народ отомстит за все». «Надежда — солнце для мертвых. От имени всех невинно убитых я проклинаю тебя. Неприступна Башня твоя, но есть дверь. Твои судьи войдут без зова...»

— Ты признался, Сип. Ты правильно сделал, что признался. Вы распотрошили Бина... Все считали поэму Ситара Урана «Солнце для мертвых» поэтическим вымыслом. Но я верил, что в ней ключ к заповедной двери. Ситар Уран был из хлипких, он страдал пороком сердца. Да и нервы не те, что у папаша Кокиля. Он держался только благодаря жене. Пришлось заняться

Ланой Уран всерьез. Но кто-то передал Уранам яд. Я не успел узнать главного — как. Как открыть дверь...

— Значит, Ситар и Лана Ураны — твоя работа, вышедший? А как же правитель? Разве не он...

Тирас встал посреди комнаты, словно споткнулся на ровном месте. Его рука медленно поползла к голубому галстуку, распустила его, медленно расстегнула ворот сорочки.

— Правитель? Правитель... Что ж, получайте правду. Она вам не повредит. Вам уже больше ничто не повредит...

На ладонь Тираса золотой струйкой пролилась тонкая цепочка с неправильным треугольником желтого металла на колечке. Таким, как у Горона.

— Этому знаку много сотен лет. Он попал на Свиру издалека. Три таких треугольника, сложенных вместе, образуют изображение глаза. Всевидящее Око — символ Ордена проницательных...

— Значит, это не досужие сплетни — про тайный Орден и все такое?

— Нет, Сип. Это не сплетни. Это власть. Истинная власть, а не кукольный театр для доверчивых. Тайная власть незаметных, неуловимых избранных Высшей Воли...

— Что-то не очень понятно, Тирас. Ведь правитель...

— Правитель! Будь он трижды проклят! Непредсказуемый промах, нелепая опечатка в священном Великом плане! Мы, мы усадили Оксигена Аша в кресло хозяйина! Ордену нужна была кукла, ширма, козел отпущения — и Совет Ордена вытащил этого недотепу из небытия. Оксиген Аш ненавидел, но исправно выполнял указания Ордена — сначала, чтобы выжить, потом, чтобы упрочить власть, а потом... Потом правитель решил уничтожить нас, чтобы властвовать без помех. Он объявил проницательных вне закона, он обрушил на проницательных всю карательную мощь Свиры. Само-

влюбленный младенец! За нами стоял опыт предков, опыт тысячелетий! Мы, неуловимые и безликие, делали так, что от руки правителя гибли его сторонники, а проницательные занимали их места. Сам того не подозревая, правитель продолжал работать на Орден. Мы держали правителя в напряжении и страхе... и делали свое дело. Нет, проницательные не стреляли на площадях и не подымали восстаний. Мы будоражили исподволь людей и расчищали для себя путь к цели. Оставалась мелочь — убрать правителя и официально провозгласить правление Ордена...

Но Кормчий перехитрил нас. Вернее, не Кормчий, а Кокиль Уран. Его нечеловеческий гений сделал Башню неприступной даже для нас... Тогда началась истинная трагедия Ордена. Сначала мы надеялись, что, выполняя досконально Слова Кормчего, мы очень скоро приведем Свиру к пропасти и восставший народ сам разрушит Башню. Но Свира непонятным образом стала процветать. Нам ничего не оставалось делать, как дожидаться смерти хозяина. Но правитель и не думает умирать!

Только сейчас, слушая Тираса и Сипа, Шанин начал улавливать связность в происходящем. Словно удалось приоткрыть крышку сложной игрушки и стал виден механизм, неожиданные и хитроумные зацепления рычажков и шестерен.

Орден оказался неуязвим для Кормчего. Но и правитель, уйдя в Башню, стал неуязвим для Ордена. И вот уже полтораста лет, обладая всеми возможностями реальной власти, проницательные вынуждены выполнять унижительную роль исполнителей воли фиктивного владыки.

Легенда о тайной двери, оставленной Кокилем Ураном для будущих мстителей, стала последней надеждой Ордена. Бин, наследник трех поколений мятежных художников, был единственным, кто знал шифр этого тайного хода. Не об этом ли «дефекте» Башни говорил

он Шану, приглашая его в сообщники? Тогда Шанин отказался, он ничего еще не видел и не знал. А сейчас? Как поступить сейчас?

Тирас идет по ложному пути. Он уверен, что ключи от Двери в красном саквояже. Тираса подвела профессиональная логика следователя. Он увидел коварный умысел там, где было простое совпадение.

Псевдо-Бина «поймал» и сопровождал истинный Бин. Тирас не знал этого и знать не мог, а потому он выстроил свою версию происходящего.

Он заподозрил Горона в попытке единолично захватить Башню и обойти его, Тираса. Захватив «гостей из Силая», Тирас намеревался теперь отобрать у Горона «силайские яблоки», ибо был уверен, что без красного саквояжа в Башню не проникнуть.

И надо было держать его в этом спасительном заблуждении как можно дольше, хотя бы для того, чтобы попробовать найти выход...

— Ты прав, высший. Можешь не продолжать. Я понял тебя. Именно ты, а не Горон достоин войти в Башню. Ты заслужил высокую участь облеченного абсолютной властью. Я и Сип поможем тебе осуществить твои смелые планы. Свире нужна свежая кровь...

— Свежая кровь! Это отлично сказано! Я сразу понял, что вы из Внешнего мира. Я всегда догадывался, что Кормчий — пришелец, и ждал гостей с неба. Ведь вы оттуда?

Сип предостерегающе поднял руку, но Шан, минуту помедлив, подтвердил:

— Да, мы оттуда.

Словно что-то забулькало в комнате — Тирас смеялся счастливым смехом ребенка, нашедшего спрятанную родителями игрушку.

— Мы готовы помочь тебе, высший, но красный саквояж у Горона...

— Завтра он будет здесь.

— Горон или саквояж?

— Саквояж. А Горон...

Шанин с удивлением смотрел, как медленно отливает кровь от лица всевластного министра, как в глубине серых уверенных глаз прорастают страх и растерянность. На шее вздулись, запульсировали две витые жилы, и с каждым толчком пульса уходила упругая сила из его тела — уже не атакующий боксер, а струсивший мальчишка мялся перед Шаном и Сипом.

Шанин оглянулся. В распахнутых створках тайного бокса стоял Мос.

— Что же ты замолчал, Тирас? Продолжай. Где брат наш Горон?

— Разве я сторож Горону?

— У тебя хорошая память, Тирас. Ты хорошо помнишь все и вся. Но ты забыл сказать мне, что встречаешься с гостями сегодня.

— Я думал, ты в Силае...

— Да, ты хотел, чтобы я был в Силае сегодня. Вчера ты послал меня к Горону за красным саквояжем, уже зная, что я не застаю ни Горона, ни саквояжа.

— Горон слишком любил серебряные...

— Горон мог проболтаться мне о том, что в саквояже. И ты убрал его.

— Я думал о судьбе Ордена...

— Нет, Тирас, ты думал о себе.

— Именем Ока...

— От имени Ока говорю только я!

Даже Бин, привыкший с детства к двуликости своих сограждан, слушая неожиданную интермедию, оторопел: великолепный Тирас, гроза и проклятье Свиры, великий инквизитор, задумавший свержение Кормчего, дрожал перед простым техником. А Мос, в потертом рабочем комбинезоне, пучил свою резиновую грудь, и круглую шейку его тоже облегал золотая цепь, но на этой цепочке болтался не золотой треугольник, а круглый черный агат.

Тирас зачарованно следил за руками Моса. Старший

сантехник достал из нагрудного кармана еще одну цепочку — с треугольником.

— Знак Горона... Ты сам убрал Горона, Мос! Раньше меня!

— Нет, Тирас, — пухло выгнулись губки старшего техника. — Я просто подождал, пока твои люди сделают свое дело. И прижал их на месте... Ты уже не имеешь этих людей, Тирас. Они мои. И могут подтвердить перед всем Орденом, что Горона приказал убить ты.

Пальцы Моса ловко отстегнули треугольник от цепочки и, произведя неуловимо быструю манипуляцию, вставили треугольник в агат. На груди техника засверкала половина золотого глаза с черным зрачком.

— Око... — выдохнул Тирас. — Вечное Око...

— Нет, это еще не Око. Здесь не хватает твоего треугольника, Тирас.

— Ты не сделаешь этого, Мос! Это вопреки Традиции!

— Где же твоя память, Тирас! В Традиции сказано: один в трех, как трое в одном... Трое в одном!

— Мос, я объясню тебе все! У меня есть план! Этим младенцам из Внешнего мира я морочил голову! Я скажу тебе все-все до конца, клянусь Оком! Пойдем ко мне, я все расскажу!

— Я не злопамятен, министр милосердия... Я человек простой... Пойдем к тебе — только без фокусов, ладно? Ты иди, иди, а я младенцам хочу сказать пару слов...

Тирас ушел за стену, пятясь, словно боялся подставить спину недоделанному золотому Оку. И Мос повернулся к Шану только тогда, когда стена закрылась.

— Вчера я не смог прийти, дорогие гости. Очень извиняюсь. Но мы все-таки встретились. И красный чемоданчик все-таки у меня. Не тот, поддельный, содержимое которого вы спрятали в буфете на ипподроме, а настоящий, с ключами от Башни. Спасибо за корешок, добрый женшень, настоящий. Так-то, Шан...

— Слушай, Мос, я впопыхах сунул туда и свою электробритву...

— Знаю, Сип, знаю. Побриться хочешь? Сейчас тебе принесут твою машину, побрейся. У нас разговор по душам будет долгий. Говорил я вам сразу — не связывайтесь с Тирасом, зачем он вам? Я человек простой, отходчивый. А Тирас зачерствел, озлился на работе — работа такая. Мы с вами быстро столкнемся, верно, Шан?

— Я еще не завтракал, Мос.

— Ах, Тирас, Тирас... Не умеет принимать гостей. Ну да вы не беспокойтесь. Отдохните, побрейтесь, покушайте... А через часик и я вас потревожу, прошу извинения. Ну, оставайтесь. Поскучайте. Хода отсюда никуда нет...

Пока Сип брился, Шан обследовал их новый приют. Ничего особенного в белой комнате не было. Она с успехом сошла бы за гостиничный номер, больничную изолятор или тюремную камеру, если бы не отсутствие дверей. У комнаты не было ни входа, ни выхода. В комнату попадали через раздвигающиеся стены. А как покидали? И можно ли было вообще покинуть эту комнату по доброй воле?

Завтрак, прекрасно приготовленный и роскошно сервированный, прошел в молчании. Шан и Сип понимали, что каждое их слово ловят скрытые микрофоны подслушивающих устройств. Да и говорить не хотелось. Требовался крайний шаг, и каждый должен был внутренне, в одиночку, решиться на него.

«Ты готов войти?» — написал Сип на гербовом листе.

«Да. Но как?»

«Тирас ошибся. Дверь не у него, а здесь. В завещании Урана говорится о портрете с дефектом — трещина слева, под сердцем».

«Это спасение».

«Идти надо немедленно. Сейчас».

«Я готов».

Сип взял электробритву, вынул лезвие и подошел к портрету. Он возился долго, вода включенным механизмом по цветному камню вдоль и поперек. Под пластинами мозаики что-то журчало, тихо шелкало и поскрипывало.

«Вибромагнитный замок, — догадался Шанин. — Как просто! Полтора ста лет самую невероятную тайну человеческих поселений охранял элементарный вибромагнитный замок...»

Окончив манипуляции, Сип аккуратно вставил на место лезвие, уложил бритву в футляр и сунул в карман. Потом, подмигнув Шанину, уперся плечом в плечо портрета.

Дверь не поддавалась.

— Сто пятьдесят лет, — виновато проворчал Сип и налег сильнее. Но стена оставалась стеной.

— Я все-таки Шан, — ободряюще улыбнулся Шанин и отстранил Сипа. Он расставил ноги пошире, слегка присел и попробовал разогнуться, вминая в стену плечо и правый бок. Когда-то в родном Причулымье он валил плечом сухостой без топора и пилы. Здесь не было прочной опоры. Ноги скользили по пластпаркету, плечо елозило по зеркальной полировке. Каменный Кормчий не хотел пускать в Башню.

Шанин уперся в стену всей спиной и руками, согнувшись градусов под сорок к полу, и нажал так, что зарозовело в глазах.

Стена ожила. Сначала по ней словно пробежала легкая судорога. Потом плоскости стены и портрета изменили положение: портрет с фоном медленно уходил вглубь. Раздался тихий свист, потом шипение. Стало понятно, почему дверь подается так туго — между Башней и Вечным Дворцом не было воздухообмена, а давление в Башне было выше, чем во Дворце.

Дверь открылась внезапно, вздохнув шумно и смач-

но, словно сожалея о секрете, который перестал быть секретом. Шан не успел разогнуться и, если бы не Сип, вылетел бы в узкий прямоугольный проем.

Оба стояли, не решаясь войти. Башня дышала на них смрадом векового болота.

В проем можно было пройти только по одному. Первым вошел Шанин.

6. СУД

— Однако...

Только этим всезначным сибирским словом и смог Шанин определить свое первое впечатление от нутра Башни. Ибо предполагал он увидеть если не чудеса, то все-таки нечто из ряда вон выходящее. И не увидел ровным счетом ничего поначалу. Светлый проем двери за их спинами закрылся, и они очутились в царстве темноты, недвижной застойной тишины и резкой вони. Казалось, здесь гнило само время, украденное в звездных морях мироздания и убитое в каменном склепе.

Они попали из белой комнаты прямо на зыбкие ступеньки узкой, едва пройти одному, металлической лестницы, прилепившейся к влажной стене. Поручни с легким наклоном уходили куда-то вверх и куда-то вниз. Шанин, не зная, куда направиться, ухватился за них покрепче.

— Хотя бы какой-нибудь завалящий фонарик... Иначе мы угодим черт знает куда... Мне что-то не нравится этот аромат...

Шанин слышал рядом частое дыхание Бина. Похоже, он тоже не знал, куда идти, и всматривался в темноту, пытаясь найти решение.

— Судя по всему, мы в главной отводной шахте... Внизу должны быть регенераторы. Вверху — вентиляционные окна. И то и другое нам пока не требуется...

— А лестница?

— Лестница, видимо, аварийная... По идее, она долж-

на соединять уровни Башни... А на каждом уровне должен быть вход в подсобные помещения...

— Сколько приблизительно уровней в Башне?

— Не приблизительно, а точно — двадцать четыре. Мы сейчас где-то между восьмым и девятым... Но в такой темноте... Здесь наверняка было освещение, то ли оно выключено, то ли лампы давно погорели все... Хотя бы вокруг по стене посветить чем-либо...

— У меня есть зажигалка.

— И ты молчишь?

— Я не молчу. Я пытаюсь ее найти.

Крошечная зажигалка-сувенир была чуть побольше ногтя большого пальца, и сразу отыскать ее в объемистых карманах гвардейского мундира было непросто. Да и загоралась она не пламенем, а веером сыпучих голубых искр.

Но едва Шанин нажал податливую головку и чахлый кустик огня послушно распустился в его руке, на прищельцев обрушился могучий световой удар. Первое, что пронеслось в голове и заставило прижаться к стене, — взрыв метана или чего-то подобного, скопившегося над рукотворным болотом. Но шли секунды, вспышка не гасла, и не вздымалась ударная волна, круша и корежа конструкции.

Люди разогнулись, осторожно осматриваясь.

Все вокруг горело. Огромная пылающая труба, к стенке которой лепились они на ажурной паутинке спиральной лестницы, выходила из света и уходила в свет. И опять нельзя было разобрать что-либо ни вверху, ни внизу — бестеновой свет заставлял щуриться, но так же надежно скрывал общую картину, как и темнота.

— Что это? — Шанин повернулся к Бину, но тот разглядывал не шахту, а свою ладонь. Ладонь светилась, а на мерцающей стене словно кто-то нарисовал тушью черную пятерню.

— Люминофор?

Бин понюхал руку.

— Сомневаюсь. Больше похоже на плесень. Плесень вековой выдержки. Твоя зажигалка сработала как световой запал. А вот сейчас свечение начинает убывать... Надо топать. Кажется, Кормчий не очень ревностно следит за гигиеной своей обители... Впрочем, нам это на руку. Давай спускаться вниз. Во-первых, спускаться легче, чем подниматься, а во-вторых, берлога по плану расположена где-то на первых этажах.

Скользкая плесень на ступеньках и поручнях делала даже спуск медленным и небезопасным. По пути выяснилась еще одна неутешительная деталь: на каждый уровень действительно вели аварийные ходы, но входные люки находились под током, и отключить его со стороны шахты было невозможно.

— Не могу понять одного, — бурчал Шанин. — К чему такие излишества? Судя по шахте, в Башне спокойно может разместиться небольшая армия... А Кормчий предпочитает одиночество.

— Раньше здесь и была армия. Армия телохранителей. Охрана жила в Башне. Это была крепость с гарнизоном. Потом стала редеть и личная охрана: ее постепенно заменяли механизмы и автоматика. Правитель Свиры успокоился лишь тогда, когда смог остаться в одиночестве...

Дальше пути не было. Лестница обрывалась в полусотне метров над массивной донной решеткой шахты. Плесень здесь лежала не сплошной пушистой массой, как наверху, а разрослась причудливыми сугробами, деревьями, кустарниками, оживающими при малейшем дуновении.

— Добавь-ка свету, Шан. А то фейерверк пошел на убыль...

Овальный люк первого яруса был немного больше остальных. Бин поднес к разъемным рукояткам полюса своей универсальной вибробритвы. Послышалось мерное гудение.

И этот под током. Десяток киловатт, не меньше. Достаточно прикосновения, чтобы превратиться в подгоревший лангет...

— Что же делать?

Бин ответил не сразу. Он долго возился в аварийном шкафчике рядом с люком, выуживая из плесени какие-то замысловатые рогагины, крючья, гаечные ключи, пи-лы и резки.

— Так я и думал. Все для механика — и ничего для электромонтера. Когда механик выходил в трубу, ток попросту выключали... Проклятье... Даже резиновых перчаток нет...

Он выудил наконец какую-то здоровенную крестовину, похожую на швабру с металлическим ворсом.

— Придется устроить короткое замыкание. Может быть, хоть на время выбьет предохранитель и обесточит сеть... Больше ничего не могу придумать...

— Это опасные шутки, Бин. Во-первых, остается перспектива стать подгорелым лангетом, а во-вторых, появляется опасность врубить общую тревогу.

— Ты можешь предложить что-либо другое? Я заранее готов поступиться приоритетом и принять твой план. Молчишь? Следовательно, других вариантов...

— Погоди... Тихо!

За стеной шахты что-то происходило. Сначала по стене прошла едва уловимая дрожь. Затем вибрация усилилась, и стали слышны какие-то приглушенные неравномерные вздохи. Звуки становились ясней, дрожь перешла в шум быстро приближающегося механизма, а вздохи — в уханье открывающихся и закрывающихся дверей.

Где-то совсем рядом захрипел битый-перебитый звонок.

Люк откинулся вниз, как щучья челюсть, обнажив убегающий в горло накатанный рельсовый путь. По нему навстречу Шану и Бину выкатился длинный стол, заполненный пряно пахнущими замысловатыми блюда-

ми, бутылками, сифонами, графинами и тщательно, со вкусом сервированный.

— Какая встреча!

— Гм... Несколько неожиданное гостеприимство...

— Хлеб-соль! Правитель, видимо, неплохо знаком с земными обычаями... Чем мы ответим на приглашение, Бин?

А Бин уже двинулся к столу. Но не успел он сделать и двух шагов, как стол сделал движение, которым норовистый скакун сбрасывает седока, — упал на передние ноги и взбрыкнул задними. Разноцветные подносы с яствами и напитками полетели в шахту. Стол принял прежнее положение, снова всхрапнул звонок, и... Бин успел вогнать в шарнирное крепление конец своей рогатины. Завыли перенапряженные сервомоторы. Стол крупно дрожал, но сдвинуться с места не смог. Рассерженно хрипел звонок.

— Прошу садиться. Такси в преисподнюю подано!

Бин ловко вскочил на крышку люка, а с нее — на стол.

— Скорее!

Шан принял протянутую руку и тоже очутился на столе.

— Пожалуй, лежа лучше...

— А-а. Особенно если держаться за поручень, который словно специально сделан для нас с тобой... Готов?

— По-моему, готов.

— Поехали!

Бин рывком вытащил рогатину из шарнира. Катки с визгом пробуксовали по рельсам, стол дернулся раз, другой, словно примеривался к неожиданной тяжести на спине, неуверенно двинулся вперед.

— Давай, родной, давай... Не стесняйся, мы держимся крепко... Смотри, Бин, слушается!

Стол с каждым метром прибавлял скорость. Лязгнул сзади закрывшийся люк, и одновременно погас свет.

— Опять темнота... Может быть, хозяин боится света?

— Не думаю. Просто свет здесь не нужен. Это грузовой путь. Точнее, путь, которым остатки трапезы эвакуируются из апартаментов хозяина в регенератор.

— Я бы не сказал, что это были остатки... К столу даже не прикасались.

— Верно. У хозяина плохой аппетит. И он отправил всю эту роскошь в утиль...

— Или роскошь отправилась в утиль самостоятельно, выждав положенное время.

— Второй вариант мне лично нравится больше...

— Потому что он освобождает от необходимости объяснять свое появление Великому Кормчему?

— Именно. Он дает шанс осмотреться.

— Ты прав. Будем надеяться.

Путешествие было довольно долгим, но однообразным. Время от времени над ними вспыхивали светильники, но в их мертвом свете вставала всегда одна и та же картина: штрек, опутанный толстыми кабелями в цветной изоляции, и броневаля плита, закрывающая путь вперед. Из плиты выглядывал синий глазок объектива и, забавно ворочаясь в упорах, изучал стол от катков до крышки. Дойдя до верхней кромки, он снова прятался в плите. То, что было на крышке стола, его не интересовало.

Плита поднималась и опускалась, пропуская опознанный механизм, свет гас, и «такси в преисподнюю» продолжало путь.

Этот путь привел их в просторный зал, залитый спокойным матовым светом и заполненный ароматами свежей, хорошо приготовленной пищи. Кухня правителя сверкала чистотой зеркального металла и полированного пластика. Ее оборудованию позавидовала бы хорошая химическая лаборатория. В герметичных кубках, котлах, змеевиках вершилось таинство кулинарного искусства, трепетали зеленые змейки на экранах осциллогра-

фов, праздничными гирляндами загорались и гасли индикаторы датчиков, гудели на разные голоса большие и малые компьютеры. На стене поблескивали часы с циферблатом. Цифры 8, 11, 3, 5 были красные, остальные — черные. Часы показывали без десяти одиннадцать.

— Судя по всему, через десять минут второй завтрак. Не позаимствовать ли нам что-либо из рациона правителя? Или мы обидим хозяина? Как, Бин?

— Я думаю, голодный желудок только подогревает пыл исследователя. Хотя приобщиться к столу правителя я хотел бы. Из чисто познавательных соображений.

На другом конце зала, к немалому своему удивлению, они обнаружили точно такой же рельсовый путь и стол, ожидающий заправки.

— Выходит, правитель не один.

Бин пожал плечами.

Иного выхода, кроме столовых люков, из кухни не было. И здесь люки были под током, как и в шахте.

Бин развел руками.

— Ничего не остается, как пожаловать к главному людоеду Свиры прямо на стол под видом жаркого. Если учесть, что у нас нет оружия...

— У нас есть фактор внезапности.

— Ты уверен, Шан? Ты можешь поручиться, что правитель не следит за нами с помощью всей этой электронной штуковины с первых шагов появления в его царстве?

Настала очередь Шанина пожать плечами.

Тем временем часы подошли к одиннадцати. Серебристая лента конвейера пришла в движение. На раструбах с цифрами замигали контрольные лампочки. Из одного раструба выполз на конвейер поднос с рыбными и мясными закусками, из другого — сифон во льду, из третьего — кофейный прибор в прозрачном термостате. Последней на серебристую ленту вошла огромная фруктовая ваза.

— Силайские яблоки... Если верить преданиям — любимое лакомство Великого Кормчего...

— Попробуем?

— Не хочется. А впрочем...

Стол тронулся тихо, и люк отворился бесшумно, и рельсы вели не по темному штреку, а по широкому коридору со сводчатым потолком. Пол, свободный от рельсов, был застлан пластовровой дорожкой с изрядно потертым ворсом — по дорожке часто ходили.

Шанин надкусил небесно-синее продолговатое яблоко с некоторой опаской — фрукты на Свире по вкусу мало отличались от земных, но этот сорт он пробовал впервые.

Голубая мякоть обожгла рот пряным холодом, как ледышка. Шанин приготовился жевать ее долго и тщательно, ибо ломтик казался упругим и твердым. Но едва зубы его успели коснуться яблочной плоти, как она брызнула во все стороны жгуче-сладким пенистым соком, а во рту осталась скользкая желеобразная масса, которую можно было глотать не жуя.

Шанин съел одно яблоко, второе, третье — что же, вкус у правителя недурен, однако...

Казалось, рельсы уходят в тупиковую стену, и стол неизбежно наткнется на нее, но в последний момент стена поднялась и опустилась уже за спиной незваных гостей. Стол замер.

Шанин, слегка обалдевший от всех этих путешествий по шахтам, мусоропроводам, кухням-автоматам, внутренне подобрался и напрягся. Сомнений быть не могло — теперь они находились в самом жилище правителя, в его интимном приюте, в его личной столовой.

Очень богатая, точнее — невероятно богатая комната, обшитая сандаловым деревом. Картины, золотая люстра на потолке. Инкрустированный камнями стол и тяжелый стул с высокой спинкой. И даже имитация окна с кружевными пышными занавесками.словно ты

непонятным образом очутился далеко от Дромы и ее безалаберной жизни, в старом королевском замке, брошенном правителями.

На Бина напала какая-то оторопь. Он застыл, тяжело опираясь на свою рогатину, — белая маска вместо лица — и неотрывно смотрел на дверь в коридор.

— Шан... Можешь меня презирать, можешь надо мной издеваться, но я не могу... Не могу... Сейчас он войдет... Он войдет в эту дверь... Я не могу... Это выше меня...

Шан положил ему руку на плечо, успокаивая.

— Тебе смешно, Шан? Это должно быть очень смешно...

— Мне не смешно, Бин. Я понимаю тебя.

— Это невозможно понять. Это можно только чувствовать. Это не страх, нет, другое... Мне кажется, он войдет, и все кончится — я, ты, Свира, вселенная, — потому что мы узнаем что-то, что убьет саму жизнь... Все лопнет, взорвется, исчезнет... Потому что ни в чем не останется ни капли смысла...

— Разве Кормчий дает смысл жизни, Бин?

— Я знаю, что я говорю чушь... Но я не могу...

— Давай перекусим, Бин, в ожидании хозяина... Эти кухонные запахи разбудили во мне зверя...

Шанин переставил подносы на деревянный стол. Бин взял несколько яблок, землянин решил подкрепиться по-основательней: налил себе чашку густого кофе и с аппетитом уничтожил какую-то птичку в приятном сладковато-кислом янтарном соусе. Поскольку в комнате был единственный стул, пришлось есть стоя. Занимать хозяйское место было невежливо.

Время шло. В столовую никто не входил.

— Первый завтрак остался нетронутым. Судя по всему, второй постигнет та же участь... Или хозяин слишком поздно встает, или... Или он вообще не ест...

— Ты забываешь, Шан, о втором столе. Если одно временно сервируется два стола, значит, есть две столо-

вые, и две... не знаю, как назвать... квартиры, что ли. Может быть, хозяин сейчас в другой столовой?

— Пойдем, Бин? Ты готов?

— Да. Прости за слабость. Только... иди вперед, Шан. Так будет лучше.

За дощатой дверью оказалась небольшая прихожая, набитая изысканными вещами, если не считать вешалки из саблевидных рогов двугорбого козла. На вешалке висел долгополый голубой плащ с меховой оторочкой и золотым топором на рукаве.

А под вешалкой — совсем некстати — валялись стремянка и заступ.

Кроме двери из столовой, в прихожей было еще две. За одной из них оказалась кабина лифта на все двадцать четыре уровня. А за другой...

— Он здесь... Это его плащ.

Шанин шагнул было к двери, но Бин задержал его.

— Подожди. Теперь я. Я должен. Я должен победить в себе раба. Иначе я никогда не прошу себе. Именем деда, именем отца, именем матери... Я пришел!

Бин рывком распахнул дверь и шагнул в комнату.

Шанин не понял, что заставило Бина остановиться на полушаге. Эта комната тоже напоминала пустую дворцовую залу.

Но когда, обежав глазами резную деревянную кровать под кружевным покрывалом, роскошный письменный стол с золотой настольной лампой и большую, во всю стену, картину, он перевел взгляд вниз, — по спине пробежал холодок.

У ног в полу чернело квадратное отверстие. А на дне ямы, на глубине в полтора человеческих роста, лежал скелет в парадном хитоне Великого Кормчего.

Бин опустился на колено, осматривая пол. Тронул что-то коричневое, окаменевшее.

— Яблоко... Силайское яблоко...

Оксиген Аш думал о Кокиле Уране.

Он расхохотался в лицо смертнику, услышав угрозу. Он не поверил художнику. Как все мелкие и подлые люди, Великий Кормчий был убежден в мелочности и подлости всех живущих. Он верил во всемогущество страха, лишаящего сопротивления, и делал все, чтобы страх перед именем Кормчего не ослабевал. Он не боялся суда совести, ибо считал совесть синонимом слабости.

Он не боялся даже таинственных посланий, хотя и знал, что за подсказки рано или поздно придется платить, — он был уверен, что в последнюю минуту сумеет перехитрить проницательных. В странном слоге безымянных записок он чувствовал нечто родственное — не по крови, а по системе ценностей, по взгляду на жизнь, по стилю поступков. В минуты хорошего настроения он даже симпатизировал своему безликому врагу-союзнику. Он ценил тех, кто понимает вкус предательства.

Получив от Кокиля Урана Вечный Дворец со сказочной Башней и похоронив его секреты вместе с гениальным архитектором, Оксиген Аш упивался своим всемогуществом и неуязвимостью. Из своего рабочего кабинета он мог видеть и слышать все, что происходит в самых тайных закоулках Дворца. Скрытые телекамеры переносили хозяина на площади и улицы Дромы. Лифты в двойных стенах и электрокары в подземных коридорах могли в несколько минут сделать мнимое присутствие истинным. Ему нравилось неожиданно возникать за спинами заседающих министров или на скамеечке городского сквера и бесследно исчезать на глазах подданных, окаменевших от ужаса и благоговения.

Правда, ему все больше и больше докучали дела. Но тут помогла детская любовь к оригинальным самоделкам. Из трех «вечных маятников», табулятора и пишущей электромашинки он соорудил себе «механического секретаря», который лихо шлепал подписи на всем,

что приносил в кабинет конвейер пневмопочты. Это освободило Кормчего от черной работы, оставив время для всепланетных мыслей и проектов, а также для отдыха и развлечений.

Оксиген Аш набил Башню личной охраной из отборных фанатиков и замкнулся в ней. Внешний мир приобрел безопасную форму телевизионной картинки, а правитель общался с ним только на языке донесений и приказов. Он разработал для своих министров и министерств единый образец решения, который единообразно визирует — «да», «нет», «отложить».

Это было мрачное и скучное могущество, но все же могущество.

Однажды в правителя выстрелил спятивший телохранитель, которому начали являться привидения. Оксиген Аш был ранен в плечо, а телохранитель уколошил двенадцать своих коллег, пока его самого не изрешетили очередью из пулемета. Человеческая психика оказалась ненадежным элементом в системе защиты. А неистребимое племя проникательных, видимо, решило подвести черту и взыскать плату по векселям.

В Башне снова закипела работа. Казармы опустели. На место солдат пришли специалисты по электронике и автоматике.

Шаг за шагом, метр за метром, уровень за уровнем они превращали обитель правителя в удивительный, замкнутый механизм, в компактную квази-вселенную на одного человека, где Великий Кормчий мог не зависеть от людской ненависти или любви.

Специалисты делали свое дело и куда-то исчезали. Только Оксиген Аш знал куда. Но он молчал. Главная шахта регенерации тоже не выдавала секрета.

Пришел день, и правитель остался один. Казалось, теперь он мог быть вполне уверен, что роковой выстрел не прозвучит никогда.

Но теперь он все чаще и чаще думал о Кокиле Уране. Башня была неприступна. Ничто живое не могло

проникнуть внутрь. Но если бы случилось невероятное и злоумышленник сумел просочиться сквозь запретные стены, он неизбежно заблудился бы в безвыходных лабиринтах переходов или сгорел в мгновенном плазменном разряде коварных электроловушек.

И все-таки каждый раз, уходя из рабочего кабинета на самом верху Башни, на двадцать четвертом уровне, где телеокна рисовали круговую панораму Дромы с высоты орлиного полета, Оксиген Аш останавливался в нерешительности.

За двумя одинаковыми дверями было два одинаковых лифта.

Внизу, на первом уровне, у правителя было два логова, повторяющих друг друга, как зеркальные отражения, — каждым углом, каждой линией, каждой картиной на стене, каждой пылинкой. В близнецах-жилищах стояли близнецы-столы, близнецы-стулья, близнецы-кровати. В близнецах-прихожих висели близнецы-плащи.

Оксиген Аш постоянно менял жилье. Он старался менять его как можно беспорядочнее, чтобы шансы угадать место его ночлега были возможно ближе к нулю.

Он сам не понимал, чего боялся. Для страха не было никаких причин. Из газет, которые каждое утро подавались ему автоматами с первым завтраком, из официальных докладов в министерствах, из секретных рапортов и сводок, просмотренных и подслушанных у своих приближенных, он узнавал, что каждодневные труды не пропадают даром, а обманные зерна дают буйные всходы.

Однако растоптанная и поруганная тень Кокиля Урана жила в Башне, росла, заполняла потайные ходы и темные закоулки и, стоило только выключить свет, нависала над правителем.

Оксиген Аш заблокировал все коридоры и тоннели высоким напряжением и перестал бродить по Башне. Он ограничил свое пространство рабочим кабинетом и двумя жилыми комнатами.

Но каждый раз, выходя из кабинета, он замирал в нерешительности перед двумя лифтами.

Он был почти уверен, что в одной из комнат кто-то есть. Но в какой? Какую кнопку нажать, чтобы избежать засады?

Его кабинет превращался в мастерскую. Уходили в утиль непрочитанные газеты, неделями и месяцами не загорались экраны следящих камер, молчали аппараты подслушивания. И впустую на весь свет восхваляли наперебой поэты всезнающий и всемогущий гений Великого Кормчего, ведущего Свиру по тропе невиданного счастья и благополучия.

Оксиген Аш воевал с Кокилем Ураном.

Это была схватка не на жизнь, а на смерть. Сдав бесплотному врагу жизненное пространство Башни, правитель встал грудью за свой последний оплот. Он мастерил сигнализацию, которая реагировала на звук, на свет, на давление, на микроколебание температуры, на запах, на радиацию, на вибрацию и даже на дыхание. Но его враг не имел ни цвета, ни запаха, он не дышал и не касался пола, его нельзя было засечь по излучению или по звуку.

Он был, он все время был где-то очень близко — Оксиген Аш чувствовал его всем существом, как ревматик грозу. Входя в комнату, Оксиген Аш твердо знал, что Кокиль Уран только что вышел из нее. А сигнализация молчала.

Другой бы сдался. Правитель продолжал борьбу.

Он срывал только что проложенные линии и реле, топтал сверхчувствительные измерители и улавливатели, превращая в груды хлама собранные по жилке многополюсные анализаторы. И начинал все сначала — новая схема, новый принцип, кропотливый многодневный труд — засечь врага, поймать его след, загнать в угол, схватиться клыки на клыки...

Оксиген долго не мог уснуть, ворочаясь на роскошном ложе. Его знобило. Свет настольной лампы, черес-

чур яркой для ночника, проникал сквозь плотно сомкнутые веки, и оттого Ашу мерещились ледяные равнины силайских болот, прокаленные морозом до звона. Надо было бы накрыться плащом поверх одеяла, но вставать за плащом не хотелось. Вообще ничего не хотелось.

Наверное, он все-таки дремал, когда услышал над собой негромкие внятные слова: «Он здесь. Он сегодня здесь». Приоткрыв глаза, он увидел, как задралась и завернулась тяжелая серебристая штора на двери.

В комнате царили пронзительный холод, запах разрытой земли и горелого мяса. И странные эти запахи не удивили Аша, он только подумал: «Землей пахнет от могилы, а горелым мясом — от чего?»

И вспомнил от чего.

Он встал и вышел в прихожую за плащом. Плаща на вешалке не было. И он снова не удивился.

Все вокруг было прежним и в то же время неузнаваемо другим: чуть ярче желтели стены, веселей поблескивали анодированные затворы лифта.

Оксиген Аш вошел в лифт и нажал панель с цифрой 6. Через несколько минут он остановился перед дверью, которая давно уже не существовала. Он сам заложил проем плитами иберского гранита и сравнял напыленным пластиком с плоскостью коридорной стены.

Но сейчас дверь была. И снова не удивился этому Оксиген Аш.

Не удивился он, войдя в комнату и увидев там широкоплечего человека, уронившего на руки тяжелую седую голову. Рядом на столе лежал плащ правителя.

— Так вот ты где, Кокиль Уран... Ты долго прятался, но я тебя нашел!..

— Ошибаешься. Я не прятался. Я ждал.

— Чего ты ждал?

— Суда.

— Ха-ха! Ты еще ждешь суда? Неужели ты не помнил? Я застрелил тебя в упор вот за этим столом, а труп сжег вон в том углу, на трансформаторной ши-

не, — от тебя не осталось горсточки пепла! Если ты действительно сделал тайную дверь, через которую можно проникнуть в Башню, то о ней никто не узнал! И еще я замуровал твой бывший кабинет — ведь ты здесь сделал дверь, не так ли? Ты хотел бежать — иначе зачем она тебе...

— Ошибаешься. Я не хотел бежать.

— А зачем ты брал мой плащ — и тогда и сейчас?

— Тогда я брал твой плащ, чтобы беспрепятственно проходить мимо охраны. Я делал дверь по ночам. И она совсем в другом месте.

— Ты лжешь!

— Мертвые не лгут.

— Но мертвые и не мстят. Что можешь сделать ты, мертвец, мне, живому? Ты — прошлое, тебя нет, ты исчез, а я существую.

— Мертвые не мстят. Но мертвые будят живых. Живые приходят судить прошлое и воздают по заслугам виновным и невиновным. Они судят прошлое, чтобы будущее не родилось мертвым...

— Ты проницательный, хотя всю жизнь скрывал это! Это они подослали тебя, ты служишь им!

— Нет, Оксиген Аш, я не проницательный. Я просто зрячий. Ты и проницательные — карты из одной колоды. У вас один крап и одна игра — продавать и предавать. Вы пытаетесь убедить себя и других в том, что властны над путями человеческими и счастьем человеческим. Но пути прокладывают ноги идущих, а счастье создают руки творящих. И только добро по-настоящему властвует над жизнью, ибо только добро способно сделать Человека. А вы питаетесь смертью и потому никуда не уйдете от смерти...

— Опять высокопарный бред! Ни одно живое существо не может проникнуть в Башню!

— Судьи уже пришли.

— Это ты провел их?

— Да. Я ждал их.

— Зачем ты взял мой плащ?

— Это не твой плащ. Это плащ Великого Кормчего.

— Но Великий Кормчий я!

— Нет. Ты уже мертвец...

Холодея от ненависти и ужаса, Оксиген Аш бросился на зодчего, пытаясь вырвать у него свое законное одеяние, но пальцы прошли сквозь мех и золотое шитье и, судорожно сжавшись, ухватили пустоту...

Оксиген Аш проснулся на спине с руками, протянутыми к безжалостно ровному шлейфу света из-под колпака настольной лампы, и в ту ночь уже не мог уснуть.

Утром он встал и, хотя лихорадка не прошла, сделал обычную физзарядку, принял душ и побрился. Потом, подумав, надел парадный хитон.

За первым завтраком он позволил себе основательно приложиться к бугылке шипучего билу и несколько захмелел, что бывало с ним нечасто. Не поднимаясь из-за стола, он пересмотрел все газеты, что бывало с ним еще реже.

В кабинет Оксиген поднялся только затем, чтобы взять инструменты.

Все время до второго завтрака он провел в спальне: что-то вымерял, высчитывал, размечал. Несколько раз ложился на пол, очертив квадрат по своему росту. Потом вскрыл по очерченной линии настил пола слой за слоем, пока не добрался до утрамбованной земли. И только тогда сделал передышку.

Обед он съел в один присест и снова воздал должное шипучему билу и красному пиву. Показалось мало. Аш вызвал из автокухни дополнительный поднос с двумя бутылками контрабандного муската и корзиной силайских яблок. Одну бутылку выпил сразу.

Набив яблоками карманы парадного хитона, правитель взялся за лопату. То ли отвык он копать, то ли плотно затрамбовалась земля, то ли хмель мешал работе, но яма росла медленно. Все чаще Корм-

чий делал перерывы, садился на край углубления и грыз яблоки.

— Мы еще посмотрим, дорогой Кокиль... Мы еще посмотрим, кто покойник... Судьи!.. Скоты паршивые... Умники...

К ужину яма была по пояс Оксигену Ашу.

За ужином он снова изрядно выпил и запасся целой батареей бутылок на ночь. Вино вернуло иллюзию бодрости, спать не хотелось, и Оксиген, постоянно прикладываясь, проработал без отдыха еще часов десять. Скоро из ямы стало трудно вылезать, и он опустил туда позолоченную стремянку.

Когда над безмятежно спящей Дромой занялся рассвет и Башня Кормчего в первых лучах солнца встала над городом сверкающим золотым обелиском, яма в спальне правителя достигла трехметровой глубины.

Оксиген Аш попробовал вылезти из ямы без помощи лестницы, не смог и удовлетворенно вытер залитые потом глаза.

— Готово, Кокиль! Добро пожаловать вместе с судьями! Коммунальная могила системы Оксигена Аша к вашим услугам! В любое время дня и ночи!

С большим трудом он вылез наружу и вытащил из ямы лестницу. Его пошатывало и подташнивало. Яблоки на время снимали тошноту, и он грыз их одно за другим, разбрасывая ошметки по полу. Работы еще было много, а силы на исходе.

Перезвон челюсты сообщил, что первый завтрак был. Оксиген Аш подумал, не принять ли душ, но просто умылся холодной водой и выпил подряд два полных стакана билу. Голова приятно закружилась, мышцы расслабились, а кривая настроения резко метнулась вверх.

— А все-таки ты хитрый парень, Оксиген... Парень что надо... С таким приятно жить и работать... И выпить приятно...

Налив себе еще стакан, он нетвердой походкой направился в спальню взглянуть на дело рук своих. Вино

расплескивалось ему под ноги, красными пятнами расплывалось по голубому френчу, но он не обращал на это внимания.

— Я буду жить, а вы сгниете...

Оксигена качнуло, вино плеснуло на ботинок, чавкнул под каблуком предательский яблочный огрызок, ногу подсекло и...

Он упал в яму лицом вниз и, хотя не потерял сознания, с минуту ничего не мог сообразить от острой боли. А когда сообразил — понял, что всякие попытки спастись бесполезны. Самостоятельно из ямы выбраться было невозможно. Звать было некого. Ждать было нечего.

И тревога, много лет глодавшая Великого Кормчего, прошла. Отступил и рассеялся беспричинный страх. Оксигену Ашу стало легко и покойно.

Он лег на спину, вытянулся и сложил руки на груди. Над ним близко и недоступно светлел квадрат, похожий на экран неизвестной телесистемы.

Он ни о чем не жалел, никому не завидовал, ни в чем не раскаивался. Ему некого было проклинать и не с кем прощаться.

Великий Кормчий закрыл глаза.

Суд свершился.

* * *

— Ну, с ним, кажется, все ясно. Он кончил, как и начинал. Не лучше и не хуже. Кончил, когда пришел его срок...

Шанин подвинул ногой пластиковую плиту, прислоненную к стене. Ее не суждено было установить на место — западня сработала раньше. Плита, простоявшая полтора века в ожидании, скользнула вниз и закрыла яму. Вошла она в квадрат точно, сровняв с землей и скрыв могилу хозяина Башни.

— Обидно, — сказал Бин. — Обидно за легенду. В легенде этот отъявленный негодяй выглядит значи-

тельное и... красивее, что ли. А вот мои родители всю свою жизнь отдали борьбе с властью правителя. Они предпочли смерть предательству. Таких, как они, много... Но они представляли своего врага иначе... Одно дело — жертвовать собою в бою с могучим чудовищем, другое — погибнуть по воле бесталанного ничтожества...

— Они боролись не с правителем. Хотя, быть может, и не всегда сознавали это. Правитель был для них всего лишь символом, центром мишени. А сама мишень значительнее и больше правителя. Она тысячелика и многоименна — Мос, Горон, Тирас, рыбак с улицы Благодати, наездники на двугорбых козлах, «топоры», пернатые.

— Может быть. Но я лично боролся с правителем. Я хотел отомстить, и только. И не смог — опоздал...

— Да, с мстостью ты опоздал. Но разве тебе все равно, что будет со Свирой завтра? Ведь мы не знаем главного: как мог Аш приказывать, будучи мертвым. И даже предсказывать — если принять на веру убеждение, что Слово Кормчего рождается в этой Башне... Что с тобой, Бин? Зачем тебе понадобился его плащ?

— Примерить... Ну как?

— Хорошо! Словно на тебя шили!

— Да, мы с Оксигеном Ашем были, оказывается, одного роста... Шан, ты очень рассердишься, если я пока похожу в этом плаще? Ну не напрасно же я, в самом деле, шел сюда по лезвию ножа — через Зейду и Землю! Должен что-то сделать такое — поставить точку на этой куче костей?

— Ты мальчишка, Бин. Честное слово, мальчишка. Носи, если хочешь. Хоть всю жизнь носи — плащ бесхозный...

— Всю жизнь?

— Да. Только, откровенно говоря, лично мне ты больше нравишься без плаща.

— В полицейском мундире?

— Нет.

— В балахоне контрабандиста?

— Перестань, Бин. Дался тебе этот хлам. Надо найти кабинет правителя.

— Слушаюсь, высший. Я готов вас сопровождать на двадцать четвертый уровень, ибо именно там находится творческая лаборатория моего предшественника. По слухам, там рождается всеблагое и всепобеждающее Слово.

— А ты повеселел, Бин, увидев тигра дохлым...

Вдвоем в лифт они втиснулись с трудом. Бин нажал панельку, но не двадцать четвертую, а шестую.

— Хочу посмотреть кабинет деда.

Кабина лифта замерла в решетчатом цилиндре из толстых стальных полос в центре большого полутемного холла. Изнутри цилиндр запирался на массивный сдвоенный засов, но снаружи, со стороны холла, дверца не открывалась.

— Никто не имел права покидать уровень. Комфортабельный застенок для «умников».

В холле стояло около полусотни кресел, несколько чертежных кульманов с эпидиаскопическими приставками и десяток демонстрационных столов. Когда-то здесь кипели жаркие ученые споры, а Кормчий с презрительным удивлением рассматривал своих экзотических пленников, которых даже неволя и реальная угроза смерти не могли оторвать от сладкой жажды творить.

Радиальные коридоры вели к большим бронированным дверям, за которыми угадывались вместительные залы. На всех дверях была одна и та же надпись: «Лаборатория. Не входить — защита включается без предупреждения!» И дважды перечеркнутый черным человеческий череп...

Короткие радиальные коридоры обрывались, влившись в длинную спираль широкого, как улица, общего коридора. На эту пустынную сейчас «улицу», крытую веселым бело-розовым пластиком, выходили двери поменьше, раскрашенные в разные цвета. На них стояли

только цифры — порядковый номер и окошечко автосчетчика. Здесь пленники жили.

Бин в развевающемся плаще правителя петлял от двери к двери, всматриваясь в цифры счетчиков. Двери были закрыты, а в окошечках везде стоял 0 — в комнатах не было ни одной живой души.

Они дошли до самого конца коридора. Он кончался комнатой номер два. Вместо двери в комнату номер один была гладкая розовая стена.

— Комнаты деда действительно замурованы... Легенда говорила правду...

— Что ты хотел здесь найти?

— Ничего. Я должен был увидеть это своими глазами. Я дал клятву отцу и матери... Вернее, их памяти...

Они постояли еще немного у розовой стены и пошли назад, к лифту, Бин снова хмурился. Настроение его менялось, как цвет моря перед штормом.

— И еще, откровенно говоря, я надеялся найти разгадку потусторонней деятельности правителя здесь, на этом уровне. На уровне науки. Не знаю как... Впрочем... Нет. Этот уровень изолирован, а лаборатории обесточены. Я смотрел. Значит, адрес чуда — двадцать четвертый уровень... Двадцать четвертый... Двадцать четвертый, — повторил он кондукторским голосом, пуская лифт вверх.

Винной тому, что произошло после, была элементарная неосторожность. До сих пор Башня обращалась с ними отменно вежливо, и цепочка счастливых совпадений помогала довольно легко решать ее хитроумные загадки. Но, кроме везения, их берегла собственная бдительность. Они ждали подвоха и коварства от всего окружающего и потому вовремя замечали тайные пружины и контакты смертоносных систем.

Убедившись в гибели тирана, они позволили себе расслабиться. Они забыли, что зло, как и добро, переживает своих создателей и способно сохранять веками

убийственную силу. В Башне продолжала жить злая воля Великого Кормчего. Башня только притворялась мертвой, она ждала удобного случая, чтобы нанести удар.

Лифт остановился на двадцать четвертом уровне, но дверь не открылась, как на остальных уровнях. Шанин попробовал открыть ее силой, но она не поддавалась. Бин начал шарить на пульте.

— Здесь есть какая-то кнопка, но я не знаю... — Видимо, Бин все-таки нажал кнопку, потому что дверь приоткрылась.

Шанин повернул голову на голос Бина.

Дверь приоткрылась только затем, чтобы в прорези показалось какое-то приспособление, похожее на обрез с оптическим прицелом.

И почти тотчас в кабине грохнул выстрел.

Шанин схватился за голову.

Бин бросился к товарищу.

Землянину повезло: он стоял в профиль к двери, и пуля, направленная прямо в лоб, прошла по касательной, оставив полосу рассеченной кожи от виска. На какую-то секунду Шанин потерял сознание, но не упал, осев на руку Бина.

Бин оказался хорошим санитаром. Перебинтовав рану полосой ткани, оторванной от сорочки, он усадил Шанина на откидное сиденье лицом вверх, осторожно и сильно массируя шейные артерии.

Шанин быстро приходил в себя. Голова еще звенела после удара, а перед глазами догорающим фейерверком плясали цветные искры, но слабость проходила, и возвращалась ясность мысли.

— А ведь мы влипли в ловушку, Бин.

— Надо вернуться вниз. Кабинет правителя от нас никуда не уйдет.

— А если этот объектив дает команду на все уровни? Внизу теперь нас могут тоже встретить выстрелы или что-либо похуже...

— Но надо сделать настоящую повязку, дезинфицировать рану. Я видел внизу аптечку.

— По идее, здесь должно быть нечто посерьезнее аптечки. Вроде автоматический самолечебницы. Не мог же правитель оставить себя взаперти без медицинской помощи. Наверняка...

— Но я не знаю, где может находиться такая лечебница... И вряд ли где-нибудь есть план Башни. Хозяин держал его в голове. А я почерпнул кое-что, анализируя «Солнце для мертвых». В строчках запрещенной поэмы-легенды зашифрованы реальные, хотя и приблизительные, данные о Башне... Но многие места непонятны, их можно расшифровать, только пользуясь фальш-картой Вечного Дворца и Башни, которая есть в кабинете.

— Значит, в кабинет...

— Нет. Вниз. Назад. Сейчас главное — твоя рана.

— Знаешь, Бин, у моих предков в Сибири было древнее правило: если сбился, заплутал в тайге, никогда не поворачивай назад. Иди только вперед, иначе закрутит, заманит, заморозит тебя лесной хозяин, уведет в безысходные топи и погубит тебя тайга. Мы с тобой в этой Башне как в тайге — не знаем, что, куда, как и зачем. И леса за деревьями не видно. Так что надо и действовать по таежному закону: хочешь кругом — иди прямо. Отступать не годится... Надо как-то обмануть объектив. Разбить его, что ли? Не успеть...

— Объектива я, к сожалению, не видел... Как он выглядит? Как те, которые осматривали стол?

— Нет. Этот короче. И линза не голубая, а почти черная... И по-моему... Да, пожалуй, линза плоская...

— Да... Больше похоже на окуляр фоюзэлемента, чем на объектив... И плащ... Зачем правителю плащ в помещении с идеально кондиционированным воздухом, а? А плащ этот висит в двух прихожих, и, кажется, Аш надевал его каждый день... Стоит попробовать?

— Не понимаю.

— Минуту...

И прежде чем Шанин среагировал, Бин запахнул плащ на груди и снова нажал кнопку. Все повторилось — дверь приоткрылась, показался обрез с оптическим прицелом и...

Через томительную паузу дверь лифта распахнулась настежь.

Кабинет правителя оказался отлично оборудованной мастерской умельца-фанатика. И внутреннее содержание ее было типичным: бестолковое и беспорядочное нагромождение приборов и отходов, разобранных ценных конструкций и аляповатых самодельных монстров.

Шанину не удалось осмотреть кабинет детально. Бин, подозрительно хорошо ориентируясь в этом механическом бедламе (кто знает, может, и у Бина был когда-то подобный «голубой приют»), разыскал аптечку. Он обрабатывал рану тщательно, с профессиональной безжалостностью — до тех пор, пока Шанин не потерял терпения.

— Если больно, надо сказать, — обиделся Бин. — Я действую по всем правилам, но не чувствую того, что чувствует пациент...

— Это заметно, — проворчал землянин.

Перевязка подходила к концу, когда Бин заметил что-то в правом углу мастерской. Это «что-то» неудержимо тянуло его — он постоянно оглядывался, бинтуя голову Шану. И когда закончил, устремился в угол, строго-настрого приказав раненому посидеть минут десять с закрытыми глазами.

Шанин выполнил приказ не без удовольствия. Его слегка лихорадило. Хотя особой усталости он не чувствовал, время от времени мозг обволакивала баюкающая волна апатии и равнодушия к происходящему. Временами он словно раздваивался, чувствуя и сознавая себя на Свире, в Дроме, в Башне Кормчего, он совершенно реально слышал тихий пересвист ангарских сосен, колючий запах саянского горного мака, горький

пихтовый дымок невидимого костра и вкус чая, заваренного молодым багульником.

— Только сотрясения мозга еще не хватало, — бурчал Шанин, ощущая повязку, но глаз все же не открывал. Не хотелось. Хотелось вытянуться на спине, накрывшись чем-либо теплым, и очутиться дома — подальше от всей этой бессмысленной зауми, нелепой жестокости, извращенного мастерства, взаимоистребительного соревнования талантов.

— Не годится, чалдон, не годится. Когда замерзаешь, главное — не спать.

Шанин стряхнул оцепенение и открыл глаза. Бин вошел около сооружения, напоминающего атомные часы службы точного времени. У этих часов тоже было три вразнобой качающихся маятника, но почему-то не было ни одного циферблата. Да и размер внушительный — прозрачный корпус метра на три, почти под потолок. Против часов стоял письменный стол и несколько стеллажей-самоходов, заваленных газетами и бумагами вперемешку с пробниками, кусачками, отвертками, кусками разноцветного провода и прочим нехитрым электромонтажным хламом.

Бин уселся за стол и начал набрасывать какие-то графики, комкая лист за листом. Вид у него был обиженный и ошарашенный. От Шанина он попросту отмахнулся: часы его гипнотизировали.

— Может быть, Оксиген изобрел-таки машину времени?

Бин не ответил, отшвырнул очередную скомканную бумагу.

Вблизи непонятная машина уже не напоминала часы. Несговорчивые маятники чертили свои кривые совершенно свободно, движимые импульсами крошечных радиоактивных ампул, спрятанных в стержне.

Три кривые пересекались в одной точке. Каждый из маятников, проходя над ней, цеплял почти невидимый лепесток релейного контакта.

Реле срабатывало, включая одну из трех пишущих электромашинок — в зависимости от того, какой из маятников прошел над точкой. Литеры в машинках были убраны, кроме нескольких букв, сплавленных в слово. Каждая машинка печатала свое слово. Каждый маятник имел слово.

И после каждого слова конвейер пневмопочты продвигался на расстояние одного листа. Ровно одного листа.

Сейчас на конвейере не было бумаг, но маятники качались, верша вечный перебор неисчислимых вариантов, и на вечную ленту конвейера падали приказы, обращенные к пустоте.

...«Да». «Нет». «Отложить».

Занятная игрушка. Нелепая машина. В школьном кабинете она могла наглядно продемонстрировать теорию вероятностей самым маленьким ученикам. Но зачем она здесь, в кабинете Великого Кормчего?

Бин расхохотался.

Он смеялся, уронив голову на руки, смеялся над графиком, где из точки пересечения координат задорно выгибалась вверх упругая экспонента, — смеялся, всхлипывая, страшноватым, недобрый и горьким смехом, не вытирая мокрого лица.

— Болваны... Все мы болваны с гипертрофированным самомнением... И только... Всех нас, молодых и старых, надо собрать, снять все регалии и смокинги... и физиков, и философов, и экономистов... в короткие штанишки... в первый класс... в младшую группу детского сада... в песочники... в слюнявчики... Ну и Кормчий... Ну и молодчина... По носу зазнайкам, по носу...

Он поднял на Шанина отчаянные глаза:

— Ну что, землянин, как тебе нравится Свира? Кошмарная тайна нового века, гнездо Пришельца, вечный рай за порогом возможного — как? Вы ведь тоже оказались не на высоте — ваш опыт пасовал перед карточным фокусом! Это вам тоже наука, тоже укор — вы ока-

зались неспособны защитить истину. Ваш гуманизм стал чересчур всеядным и мягкотелым, а защита истины во все века, прошлые и будущие, требует верности и крови. Да, и крови, если потребуется! Помните это, земляне...

Шанин знал экспансивный характер Бина и многое прощал своему товарищу по опасной работе. Но прощать не значит мириться. Когда речь шла о Земле и ее морали, Шанин был непримирим.

— Я не очень понимаю, чем вызван твой монолог, Бин, но в любом случае ты не имеешь права так говорить. Ты можешь упрекать меня — я мало похож на супермена-разведчика из фантастических книг и ориентируюсь в обстановке хуже тебя. У тебя быстрее реакция и тверже рука. Я могу заявить без всякой лести: только благодаря тебе мы вообще смогли попасть в Башню и раскрыть ее секреты. Но... Не суди Землю, Бин. Придет время, и ты поймешь, что наш гуманизм не мягкотелость и всеядность, а только справедливое отсутствие жестокости. И мы умеем защищать истину. Не только словом, но и делом.

— Я не хотел тебя обидеть...

— Не меня, Бин, Землю!

— Я не хотел обидеть Землю, Шан, дорогой! Но такое надувательство... Мы полтора-два десятилетия стояли на коленях перед тремя простейшими маятниками! Полтора-два десятилетия! И полтора-два десятилетия вся Большая земля, освоившая и обжившая галактические просторы, ломала голову над самоделкой физика-недоучки! Как это назвать?

— Ты хочешь сказать... хочешь сказать, что этот заурядный гибрид...

— ...и есть могучий мозг, безошибочно правящий Свирой! Вот посмотри сам: на твоих глазах рождается Слово Великого Кормчего... Одно из решений в длинном ежедневном списке...

На конвейере появился лист, заполненный убористой машинописью. Какой-то проект или предложение — мо-

жет, приказ заменить дуговые уличные фонари восковыми свечами, а может, план обводнения экваториальных пустынь — двигался скачками под каретки машинок.

— Что выпадет — «да», «нет» или «отложить»?

Шан прикинул на глаз расстояние от листка до машинок.

— Пожалуй, «да».

Бин долго присматривался к маятникам.

— Я ставлю на «отложить».

Когда лист проходил под штампом «да», шары включили «нет».

— Ты проиграл, Шан.

— Но и ты еще не выиграл.

— Вряд ли «нет» выпадет второй раз...

Шары выдали второе «нет». Завизированный лист поскакал куда положено, решение начало путь по канцелярским дорогам.

— И ты проиграл, Бин. Игра в рулетку... Бред какой-то.

— Не совсем рулетка, Шан. Принцип один, а устройство разное. У рулетки двоичный код: угадал — не угадал, «да» — «нет». Если бы аппарат был устроен, как рулетка, с двумя маятниками, он работал бы с КПД пятьдесят процентов — половина его решений была бы правильной, а половина неправильной. И график работы можно было бы представить вот так... прямой линией...

— И что за прок от такого аппарата?

— Совершенно верно: проку от такого аппарата мало. Но если сделать еще третий маятник — слово «отложить», то есть, говоря на языке математики, ввести в график константу причинно-следственной неравномерности во времени, начнутся чудеса. Нелепая прямая превратится в мудреную экспоненту...

— Бин, я учил математику лет двадцать назад.

— Ну... Как бы объяснить попроще... Словом, вред от неправильного решения может уменьшаться за счет последующих правильных решений, так?

— Пожалуй, так.

— А польза от правильных решений соответственно возрастет, так?

— Допустим.

— Так вот, если ввести понятие «отложить» в график... получается этакая... вот этакая кривая, которую называют экспонентой. Видишь, как она изгибается?

— Вижу.

— Здесь по вертикали у нас правильные решения... по горизонтали — неправильные... И что ты теперь видишь?

— Что я вижу? Как будто... сначала аппарат вообще будет нести ахинею... потом... потом...

— Что потом?

— Кривая будет с каждым днем все ближе к вертикали, то есть процент правильных решений будет неуклонно расти. Вплоть до полной гениальности...

— Или наоборот.

— В зависимости от того, что считать правильным решением, а что неправильным. Ты об этом, Бин?

— Разумеется! Теперь тебе ясно?

— Ясно, Бин. Правитель хотел обмануть историю с помощью математики...

— А заодно избавить себя от скучных хлопот по управлению Свирой...

— Последнее ему, пожалуй, удалось... А вот с обманом истории... Обмануть историю так же невозможно, как построить вечный двигатель... Время всегда найдет трещину в любой стене, будь она из первозданного камня или из пластика с гравилоном... Пора остановить часы Оксигена Аша. Останови их, Бин. Это твое право.

Бин сдвинул прозрачный щит и вошел внутрь аппарата. Оси маятников, поблескивая, плавно разрезали пространство у самого его лица. Достаточно было протянуть руку, чтобы раз и навсегда остановить их заучен-

ное качание, их непредсказуемые встречи и расхождения.

— Несколько лет назад я бы сделал это не задумываясь. Я бы разнес в пух и прах проклятую машину и растоптал осколки. Я бы открыл все двери и ворота Башни, вышел к людям, простер руку и возгласил: «Ликуйте! Великого Кормчего нет! Он повержен! Я спас вас, жители Свиры!»

— А сейчас?

— А сейчас я знаю, что время нельзя останавливать и поворачивать как заблагорассудится. Этому научила меня Земля. Наука должна помочь Свири вернуться к человечеству. Наука и воля народа, а не красивый жест удачливого террориста, который скорее всего развяжет руки таким, как Тирас... Та сам все понимаешь, Шан. Я должен остаться здесь. Отсюда я могу помочь новому: пользуясь беспредельной властью правителя и непререкаемостью Слова, постепенно уничтожить саму возможность неограниченной власти.

— Послушай, Бин... Извини, но... а что, если плащ хозяина... если однажды тебе вдруг не захочется снимать этот плащ?

Бин медленно задвинул на место прозрачный щит и снова сел за стол. Он не отвечал долго, черкая только что набросанный график. У экспоненты появилась голова с капюшоном, и математическая абстракция приобрела четкий силуэт кобры, вставшей на хвост. Бин смял рисунок.

— Я думал об этом, Шан. Откровенно говоря, в этом главная опасность. Человек в одиночку может немного. Нужны товарищи. Хотя бы один для начала. Такой, на плечо которого можно опереться в минуту слабости. Такой, как ты, Шан.

Снова звякнуло. Из проема выехала кipa газет. Она дрожала в пружинных захватах, готовая провалиться в небытие. Наверное, именно поэтому Бин взял один экземпляр.

Через полминуты он неопределенно хмыкнул.

— Гм... Очень интересно... Ай да техник! Читаю дословно: «Сегодня в своем кабинете двумя шпионами из Внешнего мира, вызванными недобитыми проницательными, был убит наш дорогой товарищ и друг министр милосердия Тирас Уфо. Вся Свира скорбит об утрате и горит желанием...» Сам понимаешь, каким желанием горит Свира... Наши фотографии... Похоже... Очень похоже... Шан, тебе не уйти. Тебя узнает первый встречный... А мне нужен друг. Такой, как ты, Шан...

Бин все еще не поднимал глаз. Он не видел, как внезапно побледневший Шанин тяжело оперся на стеллаж. Из-под повязки на лбу выступила кровь.

— Такой, как ты, Шан... Но тебе надо лететь на Зейду и доложить Земле, что правителя больше не существует. Тебя ждут друзья, твоя работа, твои проказливые фантазеры-художники... Ты отлично выполнил приказ. Я... я благодарю тебя... за помощь и все, что... словом... Что с тобой, Шан?

— Голова... кружится...

Вряд ли Бин услышал эти слова — они утонули в хриплом вдохе — так всхрапывает подстреленный на скаку олень, и шары маятников гулко сошлись в одной точке, где-то в самом центре мозга, и словно посыпалось битое стекло — это со стеклянным звоном рушился кабинет, Башня, Вечный Дворец, Дрома, вся Свира — рушилось все, превращаясь в груды нестерпимо колючих и нестерпимо блестящих осколков, пока не осталось ничего, кроме этих осколков...

7. ЭПИЛОГ

Словно разбилось со звоном толстое стекло, отгородившее душную камеру от наружного мира, и Шанин смог вздохнуть полной грудью до приятного покалывания в освобожденных легких. Он жадно дышал, уже соизнавая и ощущая себя, и с каждым дыханием тяжелая

голова становилась легче, а темная пустота в голове заполнялась скользящими образами и мыслями без слов. Он еще не знал, где он, но знал, что ему ничто не угрожает и можно не сразу открывать глаза.

Он еще находился под властью только что виденного сна, его мышцы еще подрагивали от шагов и движений, которые он делал во сне, — но он уже знал, что это прошедший сон и что на самом деле существует только действительность, которая сейчас вне его спящего тела. И стоит открыть глаза...

Шанин открыл глаза и от удовольствия рассмеялся. Над ним был ребристый потолок его «берлоги» — он, Иннокентий Павлович Шанин, инженер-психолог по специальности Инспектор Службы Безопасности 8-го Галактического района, находился на Базе, в своей собственной каюте, отсыпаясь после трехнедельной гонки за контейнерами с активированным лютением... Все остальное — сон, сон, логичный и осязаемый до неправдоподобия, и тем не менее не что иное, как сложная игра перенапряженных центров воображения.

Ему не жаль было расставаться с ночной фантаσμαгорией. Призрак Свиры был скорее страшен, чем забавен. Немножко грустно было, что несдержанный, порывистый и наивный Бин только выдумка и с ним нельзя встретиться снова, узнать о его судьбе. Верный, несговорчивый Бин...

Логичность и зримость сонного наваждения вообще то объяснить легко. Писатели порой пользуются активированным лютением для материализации своих идей и героев. Возможно, нуль-защита на контейнерах не так уж абсолютна, как об этом пишут. Возможно, какие-то неизмеримо малые мощности психогенного излучения все же проникают сквозь нуль-заслон. И какая-то неуловленная приборами доза заставила отдыхающий мозг жить в более активном режиме, чем при обычном сне. Эксперты отвергают такую возможность. Но кто знает...

Главный будет доволен. Сразу после утреннего душа надо позвонить ему и доложить по форме. Главный, конечно, в курсе событий без всяких докладов, но ему ужасно нравится выслушивать официальные доклады. Надо побаловать старика. Он заслужил...

А вот Арнольд Тесман... Да, Арнольд Тесман — это уже из сновидения. Вряд ли он существует в действительности...

Ого, какая щетина! Вот что значит три недели бриться походной электрической вибробритвой. На подбородке, на щеках — непролазная енисейская тайга. Бриться! Немедленно бриться!

Шанин легко вскочил и попробовал делать зарядку. Не получилось — упал в кресло с перехваченным дыханием. И несказанно удивился: неужели за три недели он так устал и потерял форму? Не может быть... Придется попотеть в кабине автодиагностики: в организме что-то нарушилось.

В ванной он хотел сразу нырнуть в шипучее облако тондуша, но потом решил оставить сладкое на десерт, а сначала заняться более существенным — бритьем. Шанин не торопясь раскрыл бутон объемного зеркала и сглотнул неведомо откуда взявшуюся слюну.

На лбу от виска до виска резко выделялся затвердевший старый шрам.

И щетина на подбородке была седой.

И лицо было в морщинах.

На электронном календаре, который висел над зеркалом, было то же число и тот же год — нет, той же самой была только последняя цифра. Количество десятков было больше на единицу.

Десять лет...

И Шанин вспомнил и месяцы тяжелой горячки после раны, в которую попала инфекция; и весть о том, что Мож улетел на Зейду в очередной вояж, не дождавшись пропавших попутчиков; и решение остаться на Свире; и годы борьбы; и Бина, открывшего изнутри все двери и

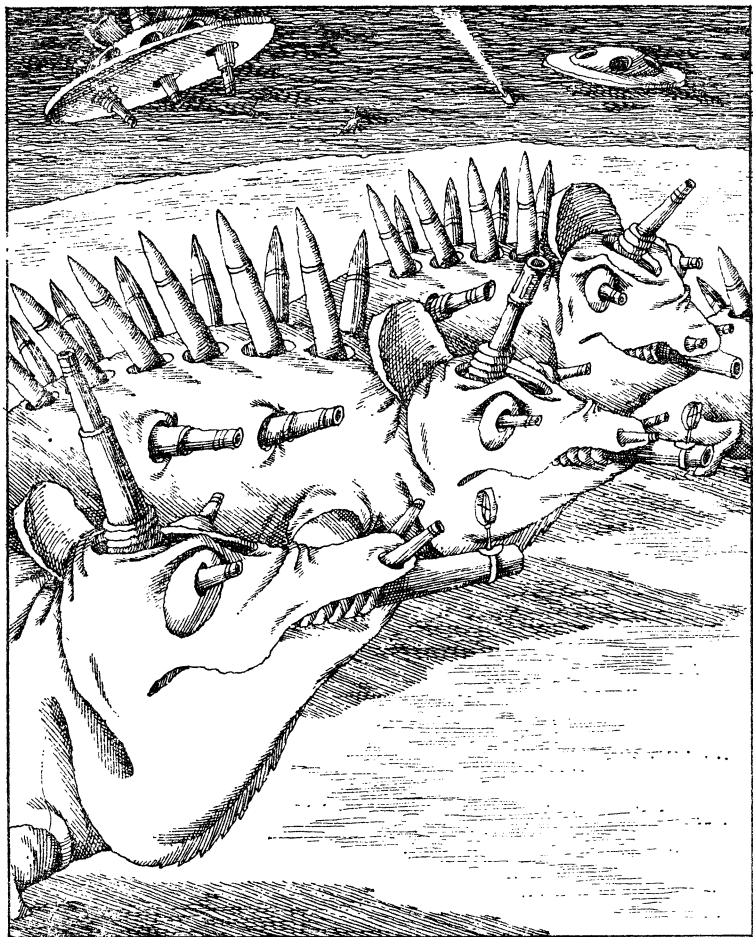
ворота Башни; и провозглашение новой республики в Вечном Дворце...

Десять лет. Непредвиденная задержка на десять лет.

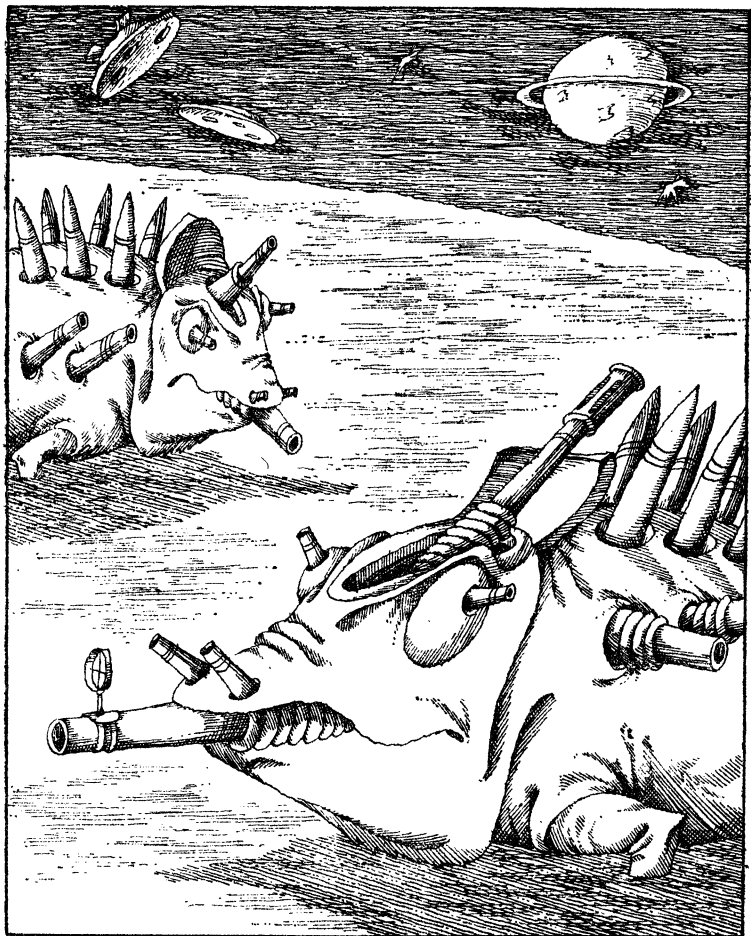
В боях с бандами, окопавшимися в силайской тайге, Шанина тяжело контузило. Он выкарабкался довольно быстро, но повторная травма головы дала о себе знать много позднее, после полной победы. Его парализовало. Бин потребовал срочной отправки Шанина на Землю или на Зейду. Шанин сопротивлялся — он надеялся, что все пройдет. А потом...

Потом, видимо, стало совсем плохо...

Шанин всматривался в свое лицо, привычное и новое одновременно. Его не оставляла затаенная уверенность, что рано или поздно это лицо можно будет снять, как маску из теплого мягкого латекса, вылепленную чересчур поспешно.

ВОССТАНИЕ СУПРОВ

Я, Кол Либер, зистор шестого срока, неплохо сохранился, если не считать некоторых неувязок на физиономии, природной близорукости и синтетической почки. Такое везение я всецело приписываю всемогущей силе Устава Десантной Службы, который я боготворю и всю сознательную жизнь неукоснительно исполняю. Это я к тому, что бесполезно впутывать меня в историю с супрами: ко мне не подкопаешься, я выполнял приказ, и взятки с меня гладки.

Однако Устав даже зистору не возбраняет иметь глаза и уши, а в дополнение к ним — голову, хотя бы как держатель поименованных органов чувств.

Вот вы мне внимаете уже добрых пять минут, и по вашим лицам я вижу, что вы думаете: вот — стопроцентный болтун, от которого ничего путного не добьешься. А мне как раз это и надо. Первая заповедь армейской пешки вроде меня — болтай как можно больше, чтобы не сболтнуть лишнее. Половина ребят, с которыми я начинал, давно уже скулят в отставке, а я все летаю. Низкий поклон тому сметливому прапращуру, который придумал слова. Ими можно так запутать простейшее дело, напустить такого тумана, в котором даже супры рога себе обломают.

Вот мы и до супров добрались. Я отлично понимаю, что они вас в данную минуту интересуют гораздо больше, чем моя скромная особа. Поэтому я кончаю трепаться и перехожу к делу. Только прошу учесть — во всем, что произошло, я до сих пор ни бельмеса не понимаю, так что отличить существенное от несущественного не могу. Разбирайтесь сами.

Утро в тот день выдалось погожее. Наша ЛБ-13 зависла над самым океаном, не больше двух-трех сотен метров над поверхностью, в квадрате... Впрочем, квадрат — это не мое дело. Для штатских поясню, что ЛБ — это Летучая База, а 13 — порядковый наш номер, и тот, кто его дал, как в воду глядел — с нашей базы все и началось.

Итак, зависли мы над самым океаном, и я сразу смекнул: опять сегодня высокое начальство будет на супров любоваться. Уже целую неделю эти боги-громовержцы из МСК околачиваются на Рубере (что такое Международный Совет Космонавтики, даже штатским объяснять не надо, я думаю). На нашей ЛБ старцы заседают вторые сутки, и наш славный консул-капитан Морт Ирис, в просторечии Мортира, сбросил за эти сорок восемь часов килограммов десять. Что касается нас, мелкой сошки, то мы отделались внеочередной медкомиссией и дополнительными двухчасовыми занятиями по Уставу. Дело в том, что высокие гости притащили с собой какие-то новые чудо-торпеды, которые якобы способны уложить супра. Пусковые кнопки этих торпед немедленно опечатали и под угрозой трибунала запретили ими пользоваться в любой ситуации. Нажать такую кнопочку разрешалось только тогда, когда консул-капитан свяжется с Геей по Внутренней Дуге и спросит благословения минимум трех членов МСК. А это, учитывая все обстоятельства, значило — никогда.

Я за три года службы на Рубере видел не меньше десятка таких комиссий и таких чудо-торпед. И твердо уверен: все эти ультраторпеды, кроме той, последней и роковой, были детскими погремушками, которыми пытались поднять наш боевой дух...

Заступив в то утро на дежурство по Верхнему боевому ярусу, я заставил своего единственного подчиненного, младшего зистора Юла Импера, навести повсюду блеск, потому что наверняка гостей с Геи поведут на Верхний ярус: отсюда прекрасный обзор и прекрасная

возможность пустить пыль в глаза новейшим оборудованием.

Юл Импер попал к нам прямо после училища, сменив погоревшего на внеочередной медкомиссии Киля Овера. Парень он исполнительный и расторопный, но с первого же дня наметился у него свой бзик — он всей душой беспричинно возненавидел супров. То ли в генах у него какая-то закорючка отложилась, то ли, как с детьми бывает, не под настроение увидел их впервые, только стоило ему засечь супра в перекрестье прицела — у него руки дрожать начинали, честное слово.

Юл закончил приборку часов в восемь. Стелла к тому времени уже совсем выползла из-за горизонта и дрожала в голубоватых воздушоворотах огромным яичным желтком. Вокруг воздушоворотов роились, сливаясь и разрываясь, узкие коричневые кольца, во второй половине дня они разбухают, раздуваются, складываются в качающиеся пирамиды, поставленные на острия, и закрывают небо. И океан, который утром похож своими рубиновыми переливами на шерри-бренди, станет багрово-черным, как венозная кровь. А ночью крутанет такой ураган, что, если бы не антигравы, зашвырнуло бы нашу «летающую тарелку» ко всем чертям, за тысячу парсеков.

Такова Рубера, Красная планета, сплошной океан без намека на сушу, гигантский пузырь чудодейственного протовита, подаренный неизвестно кем, неизвестно за что и неизвестно зачем...

Спать с умным видом и открытыми глазами я научился еще в десантной школе на общеобразовательных лекциях. С годами это полезное умение стало высоким искусством. Могу держать пари на что угодно — соперников по этой части в Галактике у меня нет.

Поэтому, когда Юл Импер встал пред мои очи, я сначала досмотрел содержательный сон про одну мою знакомую и лишь потом включился. Юл уже закончил доклад и ожидал дальнейших указаний. Я не стал его

травмировать, требуя повторить сказанное, тем более что ярус блистал чистотой, как совесть двухмесячного ребенка.

— Отлично, младший зистор Импер, — сказал я потечески. — Вы неплохо выполнили приказ. Если вы всегда так ревностно будете относиться к обязанностям, предписываемым Уставом, из вас получится настоящий десантник.

Надо сказать, у меня изрядно трещала голова после вчерашнего. Не торопитесь с выводами — за этот бок вы меня тоже не ухватите. Я знаю, что выпивать на Базе запрещено, и свято соблюдаю запрет. Но Устав учит нас помогать друзьям, а Киль Овер был мой лучший друг и лучший химик за краем Геи. При помощи элементарного перегонного устройства он превращал в жидкость все, что попадало ему под руку. Но у него не было литературных способностей, чтобы достаточно ярко описать свойства своих смесей. Поэтому он часто приглашал меня на свои одинокие химические вечера. Мы работали для чистой науки по мере сил, заноса результаты в специальный журнал. Когда Киль забракoвала комиссия, он со слезами на глазах приготовил смесь, которую назвал в честь меня «Кол». Я оставил себе флягу для более подробного описания. Продукт получился — этот «Кол» — в горле колом стоит. Можете попробовать...

Словом, спать мне захотелось зверски, но не оставлять же подчиненного без дела. Усадил я Импера рядом, пододвинул ему прицельные стереоокуляры и стал объяснять азы нашего ремесла на Рубере.

— Зачем мы здесь? Мы торчим здесь затем, чтобы обеспечить танкерам безопасный забор протовита. От кого мы защищаем танкеры? От супров, ибо одно такое создание может превратить в облако пара весь наш танкерный флот. Как мы их защищаем? Никак, потому что супры еще никогда ни на танкеры, ни на нас не нападали. Просто во время заправки мы отвлекаем внимание

супров на себя, делая несколько провокационных выстрелов. Супры начинают нас «щупать», а мы переходим на режим «зеркала»: супр нас лазером — и мы его лазером по тому же месту, супр нам боеголовку — и мы ему точно такую же. Такая «перекидка» продолжается до ночного урагана, танкер тем временем заправляется и улетает подальше, а ночной ураган заключает мир между нами и супрами. Утром супры ничего не помнят, а мы помним да помалкиваем — до следующего танкера... Вот и вся работа.

Тут-то я и заметил, как у него руки трясутся: весь бледный, одной рукой за окуляр держится, другой к пусковым тумблерам тянется.

— Ты это, парень, брось, — говорю я строго. — Тебе на этом щите делать нечего. Здесь машина хозяйка. Она следит, считает, думает и стреляет — все сама. Человеку такое не под силу. Ведь чтобы ответить супру точно тем же, надо мгновенно оценить род и мощность заряда, траекторию, место удара и прочее. И не дай бог промазать...

— А что, если промажешь?

— Супр повторит удар, только раза в два-три сильнее.

— А если и ему посильнее?

— Он еще сильнее поддаст. Ему что — у него мощи хватит на десять таких ЛБ, как наша.

— Значит, мы практически беззащитны?

— Как так беззащитны? Оглянись кругом — все, что до сих пор придумано, чтобы убивать, рвать, жечь, ломать, кромсать, превращать в пар, пепел, дым, дробить в пыль, в молекулы, в атомы, — все собрано на нашем «летающем блюдечке».

— Но супры сильнее? Если они всерьез нападут на нас, то запросто превратят нашу Базу, как вы говорите, «в пыль, в молекулы, в атомы». Значит, мы только делаем вид, что защищаем танкеры. На самом деле мы бессильны охранять даже самих себя. Бессильны со всем

своим разумом перед этими безмозглыми сверхмогучими скотами...

Тут я рассердился. Не люблю, когда тычут носом в сомнительные места.

— Младший зистор Импер, — говорю, добавляя в голос побольше соли, — не распускайте сопли, вы десантник. Устав прощает все, кроме трусости. Супры не сильнее нас, они неуязвимей. Они почти бессмертны, так как нет ничего, что могло бы отправить их на тот свет. Супр мгновенно находит защиту от любого оружия. Но это совсем не значит, что мы должны отсюда сматываться. Гее нужен протовит. Этим все сказано. Такая наша работа. Не для слюнтаяев.

Тут этот пострел глянул на меня — и все мое красноречие враз пропало. Клянусь, в его сумасшедших глазах не было ни тени страха, а только удивление, какая-то горечь и ненависть. Ой, какая ненависть... И я понял, что руки у него не от страха, а от злости дрожали.

— Я не о том, Кол. — Он так и сказал «Кол», и у меня не хватило духу его одернуть. — Я не о том. Я их не боюсь. Я просто не могу понять, откуда такая нечисть появилась. Вокруг — протовит, живая кровь, океан первозданного добра. Протовит способен залечить рану, поднять из мертвых, оплодотворить и сделать плодоносной почвой тысячелетний гранит. Так откуда на планете сверхдобра этакая сверхмерзость?

Я невольно покосился на бинокюляры и еще раз помянул недобрым словом своих предков, наградивших меня близорукостью, — контактные линзы я во время вчерашнего снял, чтобы не мешали самосозерцанию, а утром не смог надеть, потому что веки опухли. Будь мои гляделки на месте, может, и всей истории не было бы... Но об этом позже. А пока уставился я в бинокюляры и хоть плохо, а вижу: все вроде в порядке, супры, как положено, резвятся у горизонта — они нам не мешают, а мы им. И ничего в них особо мерзкого нет.

Конечно, супр вблизи вряд ли может вызвать симпа-

тию. Представьте себе крокодила размером с добрый крейсер, покройте его двухметровым слоем пузырящейся и чадающей радиоактивной слизи, хорошенько обмотайте колючей проволокой в руку толщиной и пропустите по ней ток в десяток миллионов вольт, не обращая внимания на фейерверк молний, — вы получите фундамент, так сказать, «колодку» супра. Теперь суйте на эту колодку все, что вам взбредет в голову по части нападения и обороны, — все, что учили в школе, все, что слышали от бывалых людей, все, что снилось вам в кошмарах после мясного ужина — все это еще раз сбрызните слизью, припудрите копотью и пускайте свое произведение в океан крови, под смрадные колпаки ураганных смерчей, в прерывистый яично-желтый свет разбуженного солнца. Ну как? Впечатляет?

Только разве супры-то виноваты, что такими уродились? Ведь мы к ним без приглашения пожаловали — им и без нас хорошо было. Жили себе не тужили, ухаживали друг за другом, оглаживали мегатоннами тротила, щекотали многокиловаттными разрядами лазеров, зачинали в термоядерной страсти бронированных супрят — и вдруг является младший зистор Юл Импер и говорит: «Фи, какая мерзость! Хочу, чтобы все было по-другому!»

— Послушай, Юл, ты хороший, добрый парень, чего тебе дались эти бедные чудовища? Чем они тебя обидели? Ведь они никому еще не причинили зла. Больше того — они позволяют воровать свой законный протовит у себя из-под носа — и ничего не требуют взамен...

— Но они могут разрушить все!

— Могут, но не разрушают! Значит, у них есть какие-то тормоза!

— Нет, нет и еще раз нет! Вселенная создана для добра. И если природа поступила неразумно, разум вправе поправить ее!

Я вовремя заметил, что раскочегарился до неприличия. Тем более что спорить я не мастак. Ведь если хо-

рошенько подумать, то всегда приходишь к выводу, что твой противник по-своему прав. Вся загвоздка в том, с какой стороны смотреть.

С одной стороны — орел, с другой стороны, — решка. И как ты ни кидай монету, как ни спорь, как ни доказывай — один увидит орла, другой — решку. К чему же в таком разе зря горло драть?

— Младший зистор Импер, — говорю я, поостыв. — Можете оставить свои родовые повелительные наклонности при себе — перевоспитывать вас я не собираюсь. Но если вы хотя бы на букву отойдете от Устава — обещаю вам крупные неприятности. А если ненароком заденете вон ту опечатанную красную кнопчку — стреляю по рукам без предупреждения. Ясно?

— Ясно, зистор Либер.

— Почему сердятся друг на друга мои мальчишки?

Сиплый воркующий женский голос у тебя за спиной всегда действует наподобие кнута, а если звучит он в стальной кастрюле, заброшенной невесть куда, и ты точно знаешь, что женщин в команде нет — бедный Юл, он даже пригнулся, не в силах оглянуться. А у меня точно камень с души свалился. Наш цид-биолог Сим Бибиоз, по совместительству психоаналитик и врач, имел чудесную особенность появляться вовремя. Ибо голос портовой девочки принадлежал ему и никому другому принадлежать не мог, как никому другому не могли принадлежать неслышная кошачья походка и острый запах старт-шоколада, которым доктор, по его словам, уничтожал дурной привкус во рту.

На всех кораблях и базах доктора всегда на особом положении. Так было и у нас. Даже Мортира закрывал глаза и проглатывал язык, когда «папаша Би» гулял по боевым отсекам в ночной пижаме или называл всех «мальчиками» от младшего зистора до самого консул-капитана.

Но сегодня папаша Би был в форме, которая висела на нем, как пропеллер на верблюде.

— Юл, мальчик, тебя обидел этот несносный служака Кол? Он заставляет тебя разучивать Устав на два голоса с компьютером?

— Никак нет, цид-биолог Бибиоз. — Это я Юла пожалел: он-то папашу Би впервые видит и даже не знает, кто перед ним. — Никак нет, мы не ссоримся. Просто у младшего зистора Юла Импера возникли некоторые вопросы относительно супров. Так сказать, научного порядка... А я не могу ему объяснить толком.

Папаша Би с ходу проглотил наживу. Говорят, до Руберы он был профессором в каком-то университете, а такие люди неизлечимы. Они могут читать лекции даже собственной кошке.

— Что же именно тебя интересует, мальчик?

— Ничего, — отрезал Юл, и глаза его полыхнули в мою сторону как лампы-перекалки. — Зистор Либер объяснил мне все очень понятно. Вопросов не имею.

Но остановить папашу Би было уже невозможно. Он весь трепетал.

— Ты стесняешься, мой мальчик, ты просто еще стесняешься. А надо спрашивать, надо как можно чаще спрашивать, старый Сим Бибиоз откроет тебе все, что знает сам. Ты меня еще плохо знаешь, поэтому стесняешься спрашивать. Но я тебе помогу. Потому что я знаю, о чем ты хочешь спросить. Ты хочешь спросить — зачем? Я угадал? Ты хочешь спросить — зачем существуют супры? Ты хочешь спросить — почему на такой доброй планете возникли такие безобразные злые существа?

Представляю, что поднялось в голове у Юла после этих слов. Колени его как-то ослабели, а ладошки сложились лодочкой, как у брамина перед изваянием Будды.

— Супры — уникальные создания. Это самые современные в известной нам вселенной биологические машины убийства и самые совершенные системы защиты от смерти. Эволюция довела эти два основных качества

супров до такой крайней степени, что они уравнивали друг друга. На любой удар одной стороны у другой стороны есть защита, на любой яд есть противоядие. Наступила эра всеобщего бессмертия. Но ведь рождаются новые поколения. Куда им деваться?

— Лететь на другие планеты, — сказал я.

Уже не помню, в который раз я прерывал лекцию нашего добрейшего папаша Би этой дурацкой репликой и спокойно засыпал. С открытыми глазами, разумеется. А папаша Би каждый раз с энтузиазмом откликался: «Исключено. Протовит...» и т. д. Чем протовит мешал юным супрам, я до сих пор не ведаю, потому что засыпаю мгновенно...

Моя знакомая решила принять ванну и попросила меня расстегнуть ей платье с чересчур тугими пуговками, когда донесся вскрик Юла Импера: «Смотрите, док, они что-то затеяли! Они взбесились!»

Я выругался про себя и обнаружил, что пристально смотрю в бинокляры на далеких супров. Самих супров я не видел, только какие-то тени качались в багровой мгле, но по ускорившемуся движению темных пятен я сразу засек, что у супров что-то случилось. Они уже не перестреливались между собой, они обозначили своими тяжелыми телами фигуру, напоминающую латинское У, и затихли в ожидании.

А папаша Би ждать не стал. Оборванный на полуслове, он бормотнул что-то невнятное и бросился к видеофону. На экране появилось сухое тонкогубое лицо Мортиры.

— Консул-капитан, докладывает цид-биолог Бибиоз. Судя по всему, в поле обзора ЛБ-13 происходит самоубийство супра. Все еще только начинается. Если уважаемым гостям будет угодно, они могут подняться на Верхний боевой ярус...

Я лично о самоубийствах супров слышал впервые за три года на Рубере. И я спросил наивно:

— Док, разве супры все-таки умирают?

Бибиоз посмотрел на меня, как на нашкодившего мальчишку.

— Юл, вы только посмотрите на этого типа! Стопроцентный десантник! Одна извилина для Устава, вторая — для выпивки, третья — для девочек, а четвертой уже не остается места. Я битый час объясняю вам, как вынуждены сосуществовать супры в условиях полного равенства сил, а он так ничего и не понял! Неужели это так сложно? Если рождаются новые поколения, старые должны исчезать, так?

— Так.

— Покинуть планету они не могут, так как такого количества необходимого протовита, как на Рубере, нигде нет, так?

— Так, — подтвердил я гораздо менее уверенно, поскольку по известным причинам связь между супрами и протовитом была для меня загадкой.

— Следовательно, в условиях равенства сил при отсутствии старения остается один выход: добровольный уход из жизни, то есть самоубийство...

— А как они делают это?

— А вот мы сейчас увидим — как.

Я представил себе контактные линзы на голубой стерильной подушечке, и еще раз осудил предков за генетическую безответственность.

— Я не о том, папаша Би. Как бессмертные супры ухитряются все-таки умирать?

— Если бы я знал это, мальчик, то не торчал бы сейчас на Рубере, а возглавлял бы мозговой центр оборонного ведомства или что-нибудь в этом роде.

Створки главного входа разошлись, и в проеме показался Мортира. Мы вскочили и застыли навтыжку, опередив команду «Смирно!». Мортира движением робота, у которого заедает в суставах, сделал шаг в сторону. Секунду помешкав, на смотровую галерею Верхнего боевого яруса ЛБ-13 вышли три седеньких улыбчивых старичка.

Я, Сим Бибиоз, цид-биолог Летучей Базы номер тринадцать на планете Рубера, помню день тридцать третьего мюона до мельчайших подробностей. Он стал днем моей величайшей победы и моего величайшего поражения. Победы — потому что я выполнил цель своей жизни и разгадал тайну супров. Поражения — потому что я сделал это слишком поздно.

Такое торжественное вступление требует пояснений, и я готов их дать. Рубера была для меня не только очередным объектом работы, как для других, — с тех самых пор, как я сменил скромный костюм университетского профессора патологии на экстравагантный для моих лет мундир Звездного Десантника, Рубера стала моим шансом, моим путеводным маяком.

Может быть, я выражаюсь сейчас чересчур выпренне, но вы должны меня понять — я слишком долго играл шута, слишком долго таил свою мечту от чужого глаза. А я хотел величия — ни славы, ни денег, ни почестей — я хотел истинного величия, хотел бессмертия. Кто посмеет упрекнуть меня в этом?

Нет, я не страдаю комплексом неполноценности, и я не был неудачником с детства. Скорее наоборот. Но я ощущал над собой не потолок, а небо, и небо влекло меня неодолимо. Я чувствовал в себе способность осилить большое, очень большое, и боялся растратить себя по мелочам, растратить силы раньше срока.

С тех пор как заговорили о протовите — а это было достаточно давно, — я понял: это мое.

Протовит — квинтэссенция жизни, невозможная и все-таки существующая субстанция, создающая живое из мертвого. О протовите не подозревали, пока не наткнулись в дальнем закоулке Глубокого космоса на целый океан этой животворящей жидкости. И начали использовать, не дожидаясь, пока современная наука втиснет феномен в детские колготки своих теорий. Рево-

люция в медицине, возрождение почти начисто истребленной гейнами дикой природы, пробы на мертвых лунах Геи, а потом — планомерное «воскрешение» безжизненных планет звездной семьи Гефа... Рубера поставляла протовит, а ученые бились в тупике, не в силах разгадать его структурный код, и до сих пор остаются непонятными принципы синтеза «космического подарка»...

Но я не спешил. Я ждал. Я копил силы для мертвой хватки, читал скучные лекции бестолковым студентам и чувствовал интуитивно, что все впереди.

И звезда взошла. Когда была открыта Рубера, я бросил все, чем занимался до этого, и стал Десантником. Но прошло почти шесть лет звездного бродяжничества, прежде чем я правдами и неправдами сумел протиснуться в контингент, контролирующий Красную планету.

Жизнь на Рубере была для меня отнюдь не сладкой. Если с младшими чинами я быстро установил контакт, позволял им подтрунивать над своими штатскими привычками и женоподобным голосом, то старшие командиры приняли меня в штыки. Ведь точный перевод военного термина «цид-биолог» — «биолог-убийца». По Уставу Десантной Службы я должен возможно скорее изучить флору и фауну контролируемой планеты с тем, чтобы найти возможность уничтожить ее при надобности. А надобность такая могла возникнуть, если инопланетная живность чем-то угрожала Гее.

Короче говоря, я был по своей должности палачом, и отношение ко мне высших чинов было соответственное: делай, что тебе положено, но нас не касайся, ты — грязный, ты — в крови.

Заниматься исследованиями, для которых я готовил себя, было невозможно в такой ситуации, а поэтому пришлось добавить себе нагрузку: занять при удобном случае вакантные места доктора и психоаналитика. Зато такое трехликое амплуа врача, палача и священни-

ка, если пользоваться старинной терминологией, отдавало в мои руки фактическую власть над Базой. Я пользовался властью беззастенчиво, но не показывал вида.

Итак, я стоял у дверей своей великой темы, я имел право и возможность открыть их, я имел силы и желание повернуть ключ в замке. Не хватало самой малости — ключа.

Супры породили множество легенд и домыслов, мрачных и устрашающих. Я изучил супров «от» и «до» и могу заверить, что для подобных страхов реальных оснований не было, нет и, насколько я понимаю, не будет. «Неразумная природа» на деле разумнее нас. Воспроизводя все возможные варианты живой материи, она одновременно ограничивает либо зону, либо время жизни этих вариантов. Угроза существует только для незванного гостя, для существа иной среды...

Супр, эта самая грозная в мире машина истребления, вне Руберы, вне протовитового океана беспомощнее дождевого червя на бетонной трассе. У супра нет органов питания, выделения, дыхания — щедрая влага протовита и щедрое тепло Стеллы сделали их неуклюжими, супр — Атака, Любовь и Оборона, спаянные в одно бессмертное броненосное тело.

Конечно, бессмертие супра — понятие относительное. Неисчерпаемый запас жизненной энергии, заключенный в океане Руберы, освободил плоть супра от печальной участи всего живущего — от старения. Каждый супр теоретически может существовать неограниченно долго, не теряя своей мощи и пыла. Но такое бесконечное существование противоречит интересам вида в целом, нарушает смену поколений и тормозит развитие. Поэтому природа пошла на хитрость: она спрятала в мозгу супра секретные часы, тайный механизм, который в назначенный срок диктует всемогущему гиганту желание покинуть мир живых...

Этот механизм и был золотым ключом, с помощью

которого я надеялся проникнуть в клан великих. Он открыл бы самую сокровенную тайну бытия — его смысл, его этическое начало, его заповедную цель.

Теперь я вижу, что пытался охватить чуждое нам, нашим понятиям, свести незримое к нашим меркам, осмыслить безоглядное нашим опытом. Наивная затея. Но тогда мне казалось, что птица в моей ладони и надо только не спугнуть ее...

Я прошу прощения за столь глубокое отступление в свои сокровенные помыслы и научные обстоятельства, которым день тридцать третьего мюона положил такой неожиданный и сокрушительный конец. Без этих помыслов и обстоятельств можно превратно понять дальнейшие события и мою роль в них. Повторяю — я был фактическим руководителем Базы, но я не имел права приказывать. Я мог хитрить, давать подтасованные сводки, подталкивать в нужную сторону, внушать исподволь, убеждать в заведомой нелепости — но приказывать мог только Морт Ирис.

Этот человек непонятен для меня. Мне кажется, он догадывался о моей двойной игре и ненавидел меня. Тем не менее он со временем все больше и больше передавал мне бремя своей власти и ни разу не воспользовался моими просчетами. Сомневаюсь, что это шло от благородства натуры: с другими он был жесток и не чурался бить насмерть, за что и получил нелестное прозвище Мортира.

Рядовые Десантники делились на две группы: зеленая молодежь, ищущая самоутверждения, вроде новобранца Юла Импера, и опытные, трепанные всеми ветрами и облученные всеми светилами «звездные волки» типа циника и лентяя Кола Либеры. С первыми я слегка заигрывал и при случае льстил, со вторыми — мирно сосуществовал, потихоньку опутывая сетью мелких долгов без отдачи и случайных услуг. Мне была необходима опора в низах, психологический редут, за которым приказы Морта Ириса бессильны. Возможно, я поступил

не совсем красиво, но разве для себя я старался, разве о собственном благоденствии заботился?

Последнее время мы держались вблизи одного из самых крупных сообществ супров, которое я называл Свирепой империей, а его вожака — Нероном. Клань супров существуют, видимо, тысячелетиями и чужаков принимают неохотно. Но разработанная мной и заложенная в программы боевых компьютеров система «зеркала» примирила супров с присутствием ЛБ, и они перестали обращать на нас внимание.

Приезд комиссии Международного Совета Космонавтики был как нельзя кстати. В ее составе на Руберу прибыл Сент Энцел, бывший ректор университета, где я преподавал в свое время. Теперь он малость выжил из ума, но меня помнил, а его сан кварт-секретаря в Лиге Старейшин обеспечивал ему поистине королевское положение в науке. Упустить потенциального покровителя в ранге короля было бы непростительной оплошностью, и я старался оставить у Энцела самое выгодное мнение о себе.

Оценивая сейчас свою степень виновности в происшедшем, я вынужден признать, что в те дни обращал больше внимания на Энцела и приближенных, чем на супров, резвящихся в опасной близости. Только этим можно объяснить факт, что я не заметил неожиданных и стремительных изменений в привычном жизненном укладе клана. Супры, разбитые обычно на флиртующие пары, прекратили любовную перестрелку и сбились в кучу, а Нерон и его громобойная подруга Клеопатра куда-то исчезли. Я обнаружил исчезновение, я даже зафиксировал факт в своем дневнике, но странность скользнула поверх сознания, занятого Энцелом, и не вызвала настороженности, обычной для настоящего исследователя в подобных случаях.

Любовные игры и апофеоз у супров малопривлекательны — на мой взгляд, антиэстетичность любви присуща всему живому. Я холост не потому, что отдавал

много времени науке, а потому, что не имел желания выглядеть кретином ради хихиканья пустоголовой вертихвостки. Мне противно женское тело, влечение к нему бездуховно, оно не подчиняется логике и расслабляет мозг.

Однако «вернемся к делу».

Любовь — практически единственный вид деятельности супров на Рубере. Условия существования не оставили им возможности заниматься чем-либо другим. Для осуществления акта любви существуют сложнейшие и труднейшие ритуалы, выполнение которых делает такой акт событием исключительным. Спаривание самца и самки превращается в многодневную оргию всего клана.

Вы можете себе представить похоть линкора? Флиртующий крейсер? Канонерку, соблазняющую эскадру миноносцев? Страсть содрогающихся бронетанкеров, от которой возникают помехи в радиосвязи? Когда я впервые стал свидетелем зачатия супра, я решил, что Галактика вот-вот рухнет, расшатанная распаленными громовержцами...

Энцел, к моему восторгу, проявил не по годам горячий интерес к супрам. Подозреваю, что его привлекали мощь и бессмертная сущность их плоти — дряхлые старики испытывают неодолимое влечение к подобным качествам. Я поощрял его интерес — он был мне на руку.

Заглянув утром тридцать третьего мюона на Верхний боевой ярус, я застал там вахтенных Кола Либеры и Юла Импера, явно что-то не поделивших. Я хорошо знаю эту продувную бестию Либеры, прошедшего за свои шесть сроков десантной службы огонь, воду и медные трубы. Он умен, даже слишком, цепок и наблюдателен, но эти добрые качества в его исполнении становятся опасным оружием — с ним надо быть всегда начеку. Похожий на сонного зимнего ужа, он превращается в кобру, стоит наступить ему на хвост. Когда он спит, я

спокоен, но трезвого взгляда его не переношу — мне кажется, что я перед ним голый.

Юл Импер прибыл на ЛБ вместо списанного из Звездного Флота зистора Киля Овера, в прошлом отличного витаметриста. Импер показался мне довольно стандартным юношей с наивной тягой к абсолютным критериям. Но в нем была чистота незаполненного телеграфного бланка, и я постарался растравить его природную любознательность лекцией о супрах. Если бы вместо этого я присмотрелся к своей Свирепой империи...

Итак, Кол Либер бессовестно дрых, выкатив в пространство мутные похмельные глаза, я разливался соловьем перед желторотым цыпленком, который слушал меня, обалдело открыв рот. Тем временем атмосфера в Свирепой империи накалялась в буквальном смысле.

Когда Импер прервал мои разглагольствования воплем «Док, они взбесились!», я увидел сквозь защитные фильтры бинокюляров атомное пламя, рвущееся из грушевидных столбов черного дыма, и тяжелые шеренги супров, палящих куда попало. Потом пальба внезапно прекратилась, а перемещение ускорилося — я уже не мог сомневаться: супры выстраивались латинской У!

Я знал, что будет за этим построением, я чувствовал, что шаги моего великого мига уже рядом. Но почему вместо того чтобы собраться, обдумать все как следует, я позвонил Морту Ирису и вызвал Энцела со свитой? Меня словно преследовало какое-то наваждение, род гипноза, заставляющий сначала делать, а потом думать. Я был как под наркотиком: все видел, но ничего не понимал.

Нерон появился почти одновременно с Энцелом. Судя по раскаленным соплам, он шел издалека. И он был один. Клеопатра исчезла.

И только тут я начал догадываться, что перезрелая вакханка Природа снова наставила мне рога. То, что казалось самоубийством, на деле было чем-то другим,

чему еще нет названия в словарях. Боюсь, что Сент Энцел обиделся на меня: я отвечал не очень учтиво на его неуместные вопросы, а то и вовсе пропускал их мимо ушей. Я хотел выступить перед ним режиссером спектакля, но спектакль вышел из-под контроля, и мне оставалось быть вместе с другими смятенным зрителем, не ведающим финала.

Между тем события развивались.

Нерон был самым старым самцом, если можно говорить о старости в этом нестареющем мире. По мощи вооружения он превосходил всех, дымчатые плиты защитных полей могли выдержать натиск всей Империи. Не снижая хода, он ворвался в строй своих подданных разгневанным богом — богом грома и смерти. Строй медленно замкнулся вокруг императора, и теперь он метал в плотном кольце то на одного, то на другого смертоносный шквал.

— Кажется, дорогой Сим, уместнее говорить об убийстве, чем о самоубийстве, — прошамкал Энцел, и члены Совета согласно закивали.

Он был не прав. Ни один супр не отвечал контратаками на выпады Нерона. Самки — а Нерон почему-то атаковал именно их — без единого залпа освобождали путь повелителю, и он проносился мимо, временами вырываясь из кольца и снова в него возвращаясь.

Я пытался объяснить поведение супров и не мог. Произошла семейная драма? Клеопатра покинула Сви-репую империю и примкнула к другому клану, несмотря на все попытки Нерона вернуть ее? Но почему?..

И что нужно сейчас Нерону от самок Империи? Среди них есть особи, превосходящие Клеопатру по своим физическим данным, и любая из них предоставила бы себя императору с готовностью. Но Нерон мечется среди них все неистовей и будет метаться, видимо, до тех пор, пока неведомый жар не испепелит стенки энергетических плоскостей — тогда гигант замрет навеки. Клан скроется за горизонтом, а мертвое тело вождя будет

игрушкой ночных ураганов, медленно растворяясь в теплом океане, породившем его.

— Жаль, что из-за дыма плохо видно, что происходит в кольце...

В голосе Энцела я уловил вежливую просьбу и не сумел отказать себе в удовольствии обратиться к Морту Ирису, который стоял за нашими спинами с видом санитара в доме сумасшедших.

— Консул-капитан, нельзя ли подойти поближе к супрам и еще немного снизиться?

Этот лощеный служака даже бровью не повел, только ручкой под козырек сделал.

— Это официальное разрешение цид-биолога?

— Да.

Теперь мы были почти рядом с хороводом супров. Нерон по-прежнему безумствовал, и, хотя сквозь стены нашей «летающей тарелки» не проходили звуки, по вибрации и покачиваниям тяжелой махины можно было догадаться, какой силы ударные волны гуляют вокруг.

Никто — ни я, ни Морт, ни вахтенные — не вспомнили тогда, что вместе с нами за супрами следят наши машины, наши компьютеры, способные сопоставлять и действовать, но неспособные сомневаться. И что в их прямолинейный мозг заложена программа «зеркала», обязывающая отвечать на удар равноценным ударом.

Они сами напомнили о себе. Нерон неожиданно развернулся и атаковал грузную самку, дрейфовавшую километрах в двух по нашему курсу. Самка довольно ловко увернулась, и несколько боеголовки, предназначенных ей, угодили в ЛБ.

Машины сработали отлично — дрожь ответного залпа совпала с толчками от взрыва Нероновых снарядов.

Так мы вступили в игру. Застыл пораженный Нерон, застыл растерянный хоровод его подданных, застыли мы у смотровых ниш, обоснованно ожидая самого худшего.

А потом Нерон бросился на ЛБ.

Стены Верхнего яруса ходили ходуном, обзорные

окна вспыхивали языками пламени, компьютеры выплевывали на приборные щиты цифры принятой и посланной разящей энергии. И Морт Ирис на мостике отдавал команды с каким-то особым машинным шиком — у него даже щеки порозовели. Он ожил, как оживает старый аппарат, который наконец включен.

Мы отступили со всей скоростью, на которую были способны. Но Нерон оказался проворнее нас. Он настигал станцию и его удары становились все ощутимее. А наши удары наносили ему столько же вреда, сколько комариные укусы — бегемоту. Сенту Энцелу стало дурно, его личный врач захлопотал, меряя то пульс, то давление.

— Что делать, цид-биолог Сим Бибиоз?

— Идите вы к черту, Морт! — заорал я, теряя самообладание. — Откуда я знаю, что делать? Я биолог, а не убийца, это ваша профессия убивать, вот и убивайте этого бешеного крокодила!

— Вы — цид-биолог, Сим Бибиоз.

— Катитесь вы со своими должностными инструкциями и Уставом! Нашли время! Я ученый, а вы солдат — ищите выход сами, а за меня прошу не цепляться!

Нашу неуместную и некрасивую перебранку прервал голос, звенящий от азарта:

— Консул-капитан, разрешите применить торпеду «ноль»!

Я уже успел отметить, что Морт Ирис, и без того надменный со всеми, Юла Импера просто не хотел замечать. Не удивлюсь, если слова, брошенные с капитанского мостика, были первыми словами капитана, обращенными к парню:

— Младший зистор Юл Импер, кто дал вам право обращаться ко мне без разрешения вашего командира зистора Кола Либера?

Я видел, как вздулись на склеротической шее Морта гневные жилки, и добавил огня:

— Капитан, а ведь младший зистор в отличие от

вас предлагает дело! Почему бы вам не использовать торпеду «ноль», специально для такой ситуации предназначенную?

Я поддержал салажонка, чтобы позлить Морта — ни я, ни Морт, да никто на ЛБ не верил в спасительные ультраторпеды, все новыми и новыми модификациями которых нас регулярно пичкали. Ничто не могло убить супра — ничто, кроме загадочной силы, заключенной в нем самом.

Но Энцел принял нашу пикировку всерьез.

— А нельзя... — он попытался встать с кресла, но от нового толчка осел в пушистый пластик. — А нельзя... придумать что-либо другое... Я думаю... торпеды не проходили испытаний... Нет ли другого выхода?

— Если цид-биолог Бибиоз... — начал было Морт, но я отрезал:

— Нет. Другого выхода нет. Но есть возможность испытать торпеды «ноль», ибо по счастливой случайности у нас на борту находятся как раз три члена Международного Совета Космонавтики...

Мне было смешно и горько видеть эти дрожащие старческие руки, воздетые в пародийном жесте академического голосования — хорошо, что они устроили открытое, а не тайное действо! — когда База содрогалась и раскачивалась от взрывов.

Все три члена МСК были за. Энцел поднял руку последним.

— Действуйте, консул-капитан, — сказал я Морту. — Вы спрашивали, что делать, — вам ответили. Вы ждали решения — вы его получили. Что же вы медлите?

— Эх вы, цид-биолог, — проговорил Морт сквозь зубы. — Ничего вы не понимаете и не поймете. Вам никогда не приходилось применять оружие «ноль». А мне приходилось...

И уже другим — обычным своим, лишенным эмоций, металлическим голосом консул-капитан командовал:

— Зистор Кол Либер, приготовить к пуску торпеду «ноль»!

Мир вокруг по-прежнему дрожал и качался, свирепая морда Нерона заняла все экраны, и видно было, как в черных неподвижных шарах его фасетчатых глаз многократно отражается кружок Базы, опоясанный мерцающими звездами разрывов. А этот чертов Кол все медлил, наводил прицел, откидывал, закрывал глаза рукой — словом, ломал какую-то непонятную комедию.

— Зистор Либер, я не слышу отзыва.

— Консул-капитан, разрешите передать выстрел Юлу Имперу.

— Запрещаю!

— Но у меня что-то с глазами...

— Я приказал вам стрелять, зистор Либер! И не спрашивал о вашем самочувствии!

В это время по всей Базе тонко завывли сирены, а на всех пультах и дверных проемах зажглись огни общей тревоги. Через долю секунды пол станции мягко повело назад и в сторону, и по-заячьи заплакал звонок главного торпедного аппарата. Юл Импер, не дожидаясь приказа, сорвал пломбу и нажал кнопку.

Торпеда, судя по светящейся трассе, угодила Нерону куда-то под левую энергетическую плоскость, рядом с центральным нервным стволом.

Я и сейчас глубоко убежден, что торпеда «ноль», привезенная Энцелом, ничем не отличалась от предыдущих модификаций. Во всякой другой ситуации она не причинила бы супру ощутимого вреда. Но в тот момент игрою случая она подтолкнула события. То, что должно было случиться, случилось на минуту раньше. Нерон резко затормозил, описал круг на месте и стал тяжело заваливаться назад. Оглушительный вой прокатился по всем диапазонам СВЧ-связи. Его можно было бы назвать ликующим, если бы он не был криком смерти.

Вой оборвался. От супра повалил густой фиолетовый дым. Все было кончено.

Но вопль Нерона слышали не только мы. Трудно сказать, что уловили в нем подданные. И когда из фиолетового тумана, закрывшего горизонт, один за другим стали выдвигаться блестящие корпуса, нацеленные на нашу ЛБ, мы поняли, что все только начинается.

И началось...

3

Я, Морт Ирис, консул-капитан Летучей Базы номер тринадцать на планете Рубера, ненавижу военную форму. Ничто так не уродует душу и тело, как она. В ней я чувствую себя изгоем, отделенным от обычного мира. Я чувствую себя брошенным во власть понятий и законов, противоречащих здравому смыслу и здоровой психике. Форма физически давит на меня, жжет, я ощущаю кожей ее грубость и непререкаемый стандарт покроя. Только поздним вечером, надевая пижаму, я снова обретаю себя, способность мыслить, сомневаться, плакать и смеяться. По ночам я читаю свои любимые книги — нет, эти книги не принадлежат к разряду мировых шедевров. Это пухлые сентиментальные романы с длиннейшими описаниями, возвышенными монологами героев, идиллическими сценами и благополучными концами. И никакой крови, никакого оружия, никаких убийств, никакой войны. Я читаю многотомные издания до самой побудки. Сплю я днем в кресле, мне надо немного: час — в полдень, два часа — после обеда, час — перед ужином. Все это знают — не то, что я делаю ночью, а то, что сплю днем, — и никто в эти часы не смеет меня беспокоить.

Мое признание несказанно бы удивило подчиненных, а еще больше — высшее начальство. Они считают меня бездумным автоматом, сухарем и службистом, помешанным на Уставе и боевой технике. В какой-то мере они правы — что еще могло получиться из потомка восьми поколений кадровых военных, родившегося в полевом лазарете во время «электрической войны» в

Агамах, в семь лет потерявшего сразу отца и мать во время «черного десанта» на Кору, в двенадцать кончившего спецшколу «белых волчат» в Спарате, в семнадцать — Высшую военную академию в Лигви, а с двадцати восьми — кадрового офицера действующих и бездействующих армий?

Я прочитал как-то в историческом журнале об известном в старые времена маршале, который всю жизнь командовал кавалерийскими частями. У сына его было что-то вроде психического заболевания: он не переносил лошадей и всего, что как-то с ними связано, его мучило от запаха и вида конской сбруи, шпоры и нагайки вызывали судороги ног или рук. Если бы такая чудесная болезнь была у моего сына...

Однако всякий рассказ требует точности и последовательности, как и воинский доклад. Поэтому — по порядку, и только факты.

Женился я рано и довольно романтическим образом — на девушке, которую спас из огня, медсестре наскочившего на мину неприятельского транспортера с ранеными. Вначале Сила Импер жила в моем подразделении на правах военного трофея, а после перемирия — уже на правах моей законной жены. Она была бесстрашна и вынослива как мальчишка, и в кочевой солдатской жизни лучшей подруги нельзя было и желать. Мы очень хотели иметь детей, но понимали, что такая роскошь не для нас. Точнее, Сила так не считала, но я слишком хорошо помнил свое детство, чтобы обдуманно возложить бремя на неповинное существо. Тогда даже нам было ясно, что должен прийти конец бессмысленной мясорубке, и Сила после долгих уговоров и слез согласилась подождать еще немного.

Наш час пробил. Когда постепенно улеглось заразительное безумие Последней Войны и был заключен Пакт Мира со всеобщим разоружением и роспуском государственных армий, мы наконец могли отдаться своей мечте. Я хотел девочку, Сила — мальчика. Родил-

ся мальчик. Но я не чувствовал себя ущемленным — напротив, я был нестерпимо, отчаянно, оскорбительно счастлив. Боюсь, что я вел себя не так, как подобает отцу, — сын с первых дней признавал в доме только мать и слушался только ее, а меня воспринимал как очень большую и совершенно бесполезную игрушку. Штатская одежда начисто лишила меня способности управлять и приказывать. Из всех возможных должностей и профессий я выбрал место помощника садовника в городском парке, не совсем честным путем устранив конкурента — школяра, бежавшего от знаний. За коробку печенья «Пески Марса» мой конкурент согласился быть моим начальником, и мы жили с ним душа в душу: он четыре раза в день хрустел песочным печеньем, а я возился с племенем садовых машин, обучал их рыть, копать, стричь газоны, удобрять почву, срезать цветы для букетов и составлять сами букеты. И конечно же, каждый день приносил целую охапку цветов домой.

Пока сын был маленьким, Сила проводила дни в хлопотах о нем, и на другое у нее не оставалось времени. Она радовалась цветам и умело украшала ими наши комнаты. Правда, уже тогда я с удивлением замечал, что некоторые ее букеты скорее напоминают боевые штандарты, а в комнате сына царит строгость военного городка. Замечал я и то, что сын все чаще в наших играх заставляет меня строить, а сам разрушает. Какие мелочи! Я был счастлив и доволен всем и по наивности думал, что все вокруг довольны и счастливы.

Когда маленький Юл пошел в школу, Сила заскучала. У нее появилось время для раздумий, и она воспользовалась им в полной мере. Пять лет протекли как сон. Наступило пробуждение.

Сила была натурой самоотверженной и властолюбивой. Последняя черта отличала ее от моего небрежения общественным положением. Я, как наследный принц, тяготился обязанностью повелевать, ибо кровь

восьми поколений высших командиров исчерпала во мне весь запас положенного честолюбия. Сила, напротив, только в моей командирской палатке попробовала отраву вынужденной покорности окружающих, беспрекословного повиновения по долгу службы. В мирные дни она лишилась трона, у нее не было своей профессии и работы, следовательно, общественная значимость равнялась нулю. И я не мог теперь быть ее щитом, ее державой, ее знаменем — я не был героем, славу которого по праву она могла считать своей. Я был чудачком, городским казусом, чуть ли не шутком гороховым, над которым открыто посмеиваются соседи и у которого нет желания возмутиться этим.

Счастье кончилось. Начались скандалы. Многодневные, изнурительные, изматывающие, как неприятельская осада. И самое худшее — истерики Силы чаще находили поддержку Юла. Может быть, в школе ему приходилось слышать колкости в мой адрес, может быть, мать была для него неоспоримым авторитетом, но его молчаливый укор ранил меня сильнее, чем бессвязная демагогия жены. Я теперь не спешил домой из парка, я старался найти себе дело в цветочных джунглях и порой задерживался там до самой ночи, теряясь и забываясь в нарядной молодой толпе, среди полуосвещенных лиц и безадресных улыбок, среди музыки и смеха, среди беззлобных розыгрышей и громогласных аттракционов. Я только по-прежнему не выносил фейерверков... Это бессмысленное торжество огня, шипение взлетающих ракет, запах пороха и гари действовали на меня как красная тряпка на раненого быка.

А дома меня ждали тесные окна, комнаты, где приtvоряются спящими, остывший ужин, накрытый салфеткой, и мертвая, враждебная, пригибающая к полу тишина.

Так продолжалось три с лишним года. Однажды я, не выдержав, посоветовал жене самой добиваться того высокого положения, на которое она благословляла ме-

ня. Я очень подробно и, на мой взгляд, убедительно объяснил ей, что существующее положение вещей меня вполне устраивает и я не намерен его менять. Сомнительное удовольствие — заставлять людей делать то, что им не хочется.

Вопреки обыкновению Сила выслушала меня до конца, а потом сказала спокойно:

— Да, Морт, ты действительно мертвый. Я вышла замуж за героя, а он оказался манекеном в военной форме. Жаль, но ничего не поделаешь. Придется пойти по другому маршруту.

Так Сила Ирис снова стала Силой Импер, а сын принял ее девичью фамилию. Они вычеркнули меня из своей жизни, и я надолго потерял их след.

Но я не был мертвым. Я бы, наверное, сошел с ума или опустил, если бы не мой начальник с его неистощимой любовью к печенье «Пески Марса». Я взял его к себе в опустевший дом. Родители с неприличной готовностью передоверили мне свои права. В долгие зимние ночи, когда пустой парк завален снегом, а мороз бессильно скребется в широкие стекла оранжерей, я читал ему пухлые сентиментальные романы, и мы оба плакали над монологом несчастного путника, застигнутого метелью в безлюдной степи.

Нет, он не стал великим человеком, мой добрый лентяй с большими ушами, вечно пылающими, как птушиные гребни. Он так и остался садоводом, но занимался теперь не цветами, а яблоками. Год назад он прислал мне на Руберу посылку — яблоки собственной селекции. Свой сорт назвал «Морт Ирис». Яблоки чудесно дошли. Они неказисты на вид, у них толстая кожура, но сердцевина очень мягкая и сладкая. Мне показалось, что по вкусу они напоминают песочное печенье...

Так я жил, застыв в своем горе и взаимно деля потребность в ласке с мальчишкой, чужим мне по крови, но близким по духу. До той самой поры, пока органы

массовой информации не начали склонять вопрос «О возможной инопланетной угрозе и необходимости создания международной оборонительной армии».

Думаю, что вопрос этот искусственно раздували кадровые военные, оставшиеся не у дел в годы мира. Их не устраивало новое, более чем скромное положение. Во всяком случае, именно к этим дням относится неожиданный визит одного моего бывшего сослуживца, работавшего на каком-то складе. Он долго предавался воспоминаниям о «добрых старых временах», потом перешел к Глубокому космосу и таящимся там ужасам. Я поддерживал разговор неохотно — «добрые старые времена» были для меня, перенесшего пять тяжелых ранений и три контузии, не очень добрыми, космос со всеми его ангелами и демонами трогал мало. Но когда мой знакомый намекнул на «восстание из пепла» и «поруганные человеческие доблести», я насторожился. Коллега, ободренный вниманием, в туманных выражениях поведал о существовании целой подпольной организации бывших офицеров и явно приглашал присоединиться к ней. Зная поразительную способность военных видеть не то, что есть, а то, что хочется, думаю, что подпольная организация существовала в пустующей черепной коробке бывшего полковника, но что касается защитников идей «оборонительной армии», то среди их фамилий я слышал очень много знакомых.

Я ожидал услышать в этом хоре голос Силы и не ошибся: за ее подписью появились две трескучие статьи «Матери требуют защиты» и «Слово к невестам», где со своей жестокой непоследовательностью женской логики смешались в кучу наивность и холодный расчет, убежденность и отсутствие доказательств.

Я пытался узнать через редакцию ее адрес. Все мои три письма остались без ответа.

Было бы логично, если бы я стал в ряды активных пацифистов. Но штатский костюм лишил меня и этой возможности — я избегал многолюдных митингов, стес-

нялся выступать по телевидению, страшился печатного слова. Я только выращивал еще больше цветов и еще щедрее дарил их. Но цветы не помогли. Пакт о создании войск ЗОА — Звездной Оборонительной Армии — был принят.

Скоро на улицах снова появились военные. Теперь у них была новая форма, новые звания и новый устав. Все остальное осталось прежним.

Я снова переживал кризис, более глубокий, чем первый. Мой милый друг ничем не мог помочь мне — он не знал, что такое смерть оптом и чем пахнут окопы после боя. Он пошел из солидарности со мной на высшую доступную жертву — отказался от «Песков Марса» и только вздыхал, проходя мимо магазинных витрин.

Кончилось все тем, что я получил письмо от сына — единственное в моей жизни. Оно было написано тайком от матери. Это сумбурное послание я храню как талисман — оно примирило меня с планетой и одновременно ожесточило.

В нем была исповедь. Сын, оказывается, всем своим еще не очерстевшим сердцем жалел меня, жалел мою «загубленную жизнь». В странной исповеди была вся демагогия материнского тщеславия, но было и нечто, заставившее Юла утаить свой поступок. Сын жаждал всегалактической справедливости и всепланетного добра, не понимал, что подлость и справедливость, зло и добро — понятия, рожденные на Гее и лишь для Геи пригодные. Тем не менее он хотел немедленного, насильственного воцарения этих понятий во всей доступной вселенной, снова забывая, что насильственное добро — самое тягчайшее из зол. Единственным инструментом для своих целей он считал армию. Я не мог, не имел права оставить его заблуждение в силе. Я командовал в свое время тысячами таких вот преданных идее юнцов — и я знаю, какие безмерные гнусности порой совершались их чистыми руками, какую мерзость защищали они своими чистыми сердцами.

У меня был один путь борьбы — снова надеть мундир. Только мундир мог вернуть мне ту силу, которая взорвет изнутри очарованное царство Устава и спасет моего сына.

Так я оказался на Рубере — на той самой Рубере, название которой так часто мелькало в статьях, призывающих усилить оборону Геи.

Армия — особый мир, где обычные нормы и методы бессильны. Но я этот мир знал как свою собственную биографию и поэтому действовал безнаказанно и не вызывая подозрения.

Я ждал сына на Рубере, уверенный, что нам не разминуться, и дождался его. Но об этом позже.

Из всего личного состава я чувствовал определенную симпатию к зистору Либеру. Он привлекал меня своей крепкой и гибкой костью — такого не сжуешь за раз. Армию он знал так же хорошо, как и я, так же, как и я, не был приспособлен к мирной работе, так же, как и я, боролся с жертвами ветряных мельниц доступными ему приемами. Вся разница состояла в том, что он делал это ради собственной персоны, а я — ради моего мальчика.

Вряд ли Кол Либер догадывался об этой симпатии: я ревностно следил за ним и строго карал каждый промах, поддерживал его тонус, как у беговой лошади — хлыстом.

Был на Базе еще один человек, перед которым я едва не раскрылся и который дал мне хороший урок сохранения тонуса, как я — зистору Либеру. Он показался мне неисправимым чудачком, влюбленным в науку, ученым той редкой породы, который не замечает, во что одет, — были бы под руками его любимые игрушки. Я недоверчив и поэтому устроил ему не один строгий экзамен, прежде чем довериться. Сим Бибиоз выдержал их на «отлично».

Я стал даже подумывать, что не совсем прав в своем апостольском рвении сломать армию изнутри, что

под руководством сугубо штатских людей науки она постепенно потеряет свое разрушительное жало.

Я все больше и больше передоверял цид-биологу функции управления базой, одновременно пытаюсь сблизиться с ним духовно, мне был так необходим если не союзник, то хотя бы нейтрал, перед которым можно выговориться в трудную минуту.

Но Бибиоз принимал мои подачи чуточку поспешнее, чем делал бы человек, за которого он себя выдавал. Это насторожило меня — интуицией почувствовал я крупного игрока, сдающего крапленую колоду. Но подозрения еще не есть доказательство — они могут быть вызваны перенапряжением души, уставшим мозгом, заселяющим реальный мир угрожающими фантомами.

Требовалось время, чтобы раскусить и обезвредить Бибиоза. Жаль, что этого не случилось. День тридцать третьего мюона заставил Сима раскрыться раньше, чем я подготовился к атаке.

Ох, этот день...

Скоро мы оба предстанем перед военным трибуналом — я и Юл, отец и сын. Юл — за то, что выстрелил без приказа, я — за то, что утаил сие обстоятельство в рапорте командованию. Это дело рук Бибиоза, бесцельная месть неизвестно за что. Трибунал вряд ли грозит нам чем-либо серьезным — проступок невелик, Устав нарушен только формально.

Меня беспокоит другое. Как Юл вообще смог нажать красную кнопку? Даже если бы я приказал — как он смог?

События тридцать третьего мюона окончательно ожесточили меня, порвав последнюю паутинку надежды. Когда-то, в эпоху войн, говорили, что наука на службе армии — явление позорное и крайне опасное. Один день тридцать третьего мюона на планете Рубера показал, что армия на службе науки — явление не менее позорное и не менее опасное. Армия может диктовать условия,

решать вопросы она не в состоянии. Вопросы решает жизнь, а не смерть.

Мне остается добавить к моей исповеди немного. Ничто уж не изменит того, что случилось. Но на Рубере осталось больше половины Летучих Баз, которые не вышли на орбиту после сигнала общего отступления. Мы не знаем, что с ними. Я вправе предполагать худшее.

Комиссия, которая проверяла состояние дел на Рубере и трое суток провела на моей Базе, состояла из трех членов МСК и двух генералов войск ЗОА. Общее руководство осуществлял кварт-секретарь Лиги Старейших Сент Энцел. Ученые в основном имели дело с Симом Бибиозом, генералы со мной. Генералы были довольны: «добрые старые порядки» на ЛБ-13 пришлись им по душе, а мелкие погрешности вроде подпольного пьянства Овера Килиа стали тем необходимым объектом для критики, без которой можно было бы усомниться в целесообразности генерального инспектирования.

Утром тридцать третьего мюона мы все собрались вместе в моей рабочей каюте для подведения окончательных итогов.

Энцел в общих чертах одобрил работу Бибиоза и мой, как он выразился, «обнадеживающий контакт» с цид-биологом. Но и он, видимо, что-то приметил, ибо долго и настойчиво повторял, что мы не должны идти дальше системы «зеркала», пытаться навязать супрам более тесный контакт. И ни при каких обстоятельствах не употреблять торпеду «ноль». Он так и сказал — «ни при каких», не зная того, что через два часа сам нарушит свое категорическое указание...

Я согласился с Энцелом с великим огорчением и готовностью: генералы хотя пока и помалкивали, но были явно другого мнения. Совсем недавно один из них сетовал на то, что у них нет данных об эффективности ультраторпед и что это затрудняет им работу: они не могут рассчитать, сколько торпед понадобится, скажем,

для «подавления агрессивной среды» средней по величине планеты.

— Нам не дают развернуться, Морт, — говорил генерал. — Нам не дают достойного оружия, не дают испытать то, что есть. Штатские сантименты.

Я слушал его и всеми силами старался отогнать от себя видение Кис-Тауры, кошмара моих снов, долины, которая стала адом после меня. Тогда я, молоденький лейтенант особой группы, нажал красную кнопку какого-то «оружия ноль» — до сих пор не знаю толком, что это было...

Наставления Сента Энцела прервал Бибиоз своим звонком с Верхнего боевого яруса — и мы стали действующими лицами трагедии.

Мое толкование происшедшего людям авторитетным кажется, вероятно, ребяческим. Я дилетант в науке. Но я лучше, чем кто-либо, знаю и понимаю психологию войны. А если считать супра живой военной машиной, то и психология у него должна быть соответствующей.

Не буду гадать как — не мое это дело, — но супры добились всеобщего благополучия на основе равенства сил, обоюдной независимости и персонального бессмертия. Вначале все было хорошо, а потом громовержцам стало скучно: дым древних битв тревожил их сон. Они попробовали снова палить друг в друга, но толку от этого занятия было мало — неуязвимый и бессмертный сосед воспринимал потасовку как приглашение к приятным воспоминаниям, как неожиданный подарок. Мало-помалу взаимная перестрелка стала чем-то вроде приветствия, данью уважения, знаком внимания и любви. Всаживая в бока своих друзей атомные заряды, воспитанный супр словно желал им недостижимого блаженства — смерти в бою.

Да, высшей мечтой, неоценимым благом для бессмертного супра, измученного скукой, была смерть! Цель всего существования — смерть!

Я предвижу иронические улыбки в свой адрес — вот

и договорился старый Морт. Напрасно улыбаетесь. Я видел людей, для которых высшим наслаждением было лезть под пули. Они ненавидели жизнь и не знали, что делать с ней...

Нерон, потеряв Клеопатру, потерял вместе с ней и уважение подданных. Он потерпел поражение, а к побежденному в Свирепой империи не могло быть иного отношения, кроме презрения. И поэтому «империя» встретила обреченного молчанием.

Нерон не нападал, паля из всех орудий, он умолял о прощении, умолял о смерти и понимал, что никто не выйдет с ним на бой. И никто не спасет от позора. Ему оставался один путь...

Но спасение пришло. Моя прямолинейная фантазия не в силах представить, чем или кем виделась супрам наша ЛБ — то ли хорошо воспитанным привидением, то ли дефектным супренком. Могу только утверждать, что, когда на безнадежную мольбу Нерона грянул ответный залп, наша герметическая сковородка оказалась низложенному императору прекрасным ангелом. И он обрушил на нас всю силу своей благодарности.

Все мы, ученые и профаны, мудры задним умом. Приди ко мне озарение тогда на капитанском мостике, я бы, возможно, действовал по-другому. И то сомнительно. Ведь я не супр, и мне не улыбалась возможность стать радиоактивным облачком на чужой планете. И рядом со мной сидел мой мальчик, ради спасения которого я готов был забыть все писаные и неписаные законы и разгромить половину вселенной для устрашения другой.

И если все-таки медлил с приказом пустить торпеду «ноль», то не из-за моральных колебаний, а потому, что со школьной скамьи помнил закон природы о действии, на которое рано или поздно отвечают столь же внушительным противодействием.

Когда смертельно раненный Нерон, трубя от счастья, завалился набок, я выключился на минуту. Все восемь

поколений бравых убийц проснулись во мне. Артиллерия и ракеты добивали супра по всем правилам военного искусства, и я был вдохновенным дирижером этого мерзкого концерта.

Я опомнился только тогда, когда из фиолетового тумана показалось множество супров, ведущих прицельный огонь по нашей Базе.

Бой был неравным. Если мы еще могли потягаться с одним-двумя супрами в мощности огня, то по оборонительным достоинствам любое из этих существ превосходило нас намного. А главное — мы проигрывали в скорости, так как конструкторы не рассчитывали на необходимость быстрых горизонтальных перемещений станции. Вертикальный взлет был нам заказан — супры снизу продырявили бы нас в несколько секунд.

Короче говоря, через десять минут после начала баталии супры взяли ЛБ в кольцо, прижали к самой поверхности океана и расстреливали в упор.

Естественно, я попытался вызвать подмогу. Связь работала плохо, ядерные взрывы сильно ионизировали воздух. Радисту все-таки удалось нащупать несколько соседних Баз. С восьмой и пятнадцатой Базы не было изображения, нам прокричали только, что «супры восстали» и что «чертовы торпеды только подлили масла в огонь». ЛБ-6, видимо, пыталась уйти на орбиту, но получила пробоину в машинное отделение: там бушевал пожар, капитану было не до нас. Девятнадцатая ЛБ успела взлететь и находилась теперь в относительной безопасности, но и она не могла ничем помочь нам, кроме искренних пожеланий как-либо выкрутиться.

С согласия Сента Энцела и остальных членов Совета при молчаливом нейтралитете генералов я дал аварийный сигнал покинуть планету всем ЛБ, находящимся на Рубере. Ясно было, что империи супров как-то общаются друг с другом, и мятеж принял глобальный масштаб. Супры ищут ЛБ и нападают на них, требуя смерти для своих уставших от бесцельного долголетия

особ. А у каждой ЛБ — всего одна торпеда «ноль». И еще неизвестно, сработает она или нет. Да и в торпедах ли дело?

Снаряды супров делали свое дело. Саперы едва успевали заваривать трещины в бронеобшивке. Зенитчики пытались сдерживать рой самонаводящихся боеголовок лазерными веерами, но пользы от них было столько же, сколько от японского веера на комарином болоте. Глоб-ракеты пробовали ослепить ближайших супров залпами прямой наводкой. Атакующие фланги на время теряли прицел, но и бесприцельного огня было достаточно, чтобы запечь нас в собственном соку.

База была обречена. База умирала. Я мог только продлить агонию, маневрируя в смыкающемся кольце так, чтобы часть огня через наши головы мятежники обрушивали друг на друга.

Первым не выдержал шестой ярус. Взрыв повредил створы входного шлюза, нарушив герметизацию станции. Автоматика перекрыла переходный тоннель, отрезав нас от пораженной зоны. Мы видели на экранах, как гибнут товарищи в клубах коричневого газа. Впрочем, смерть их была почти мгновенной — двенадцать секунд с четвертью по хронометру командного пульта.

Я мельком взглянул на Юла. Он оторвался от прицельного сектора и смотрел в потолок, словно прощался с кем-то в космической бездонности. С кем? Может быть, с матерью, пославшей его в этот ад? Или просто со всем, что остается жить после нас?

Наши глаза встретились. Юл покраснел и снова наклонился к прицелу. Я посмотрел на потолок, словно впервые увидел его обводы, зеркально повторяющие обводы пола.

Мне пришла в голову идея — опасная идея, но выбирать не приходилось. Я дал команду прекратить огонь.

Я, Юл Импер, младший зистор Десантной службы войск ЗОА, хотел рассказать многое и о многом, но сейчас все это не имеет уже значения. Я помирился с Юной, Юна со мной, Юна любит меня — разве может что-нибудь погасить это счастье, разве может кто-нибудь омрачить нашу близость?

Я с радостью жду трибунала — я надеюсь, что меня выгонят из армии раньше, чем кончится первый срок службы. Мне, правда, немного жаль отца — по моей вине его военной карьере будет нанесен ощутимый удар, а для иной карьеры он уже не годится. Но пусть он лучше перебивается своими цветами, как раньше, чем пресыщается безнаказанностью и вынужденным почитанием в отвратительном образе Мортиры, которого довелось мне узнать на ЛБ-13.

Он настолько очерствел и отупел на своей бронированной посудине, что даже не узнал меня сразу, когда я прилетел на Руберу. Я его тоже не узнал — с детских лет у меня оставалась память о длинном худом человеке, похожем на бродячую мачту, отставшую от своего корабля. Мачта пахла розами и травой, у нее были теплые ладони, нерасторопные и неуверенные, как слепые котята. Лица я почти не помнил — оно было слишком высоко для меня, да и не особенно меня интересовало.

На Летающей Базе я увидел прежде всего лицо — высушенное лицо мумии, на котором застыла гримаса недовольства. Это были черты Власти, лишённые эмоций и желаний, черты Устава, высеченные вместе с черепом из одного каменного бруса. И глаза были неживые, каменные, как у парадных гранитных бюстов.

— Смотри поверх головы, — шепнул мне Кол Либер. — От его взгляда пища портится. Минимум три дня будешь запором мучиться...

Но я не мог оторваться от Морта Ириса, как воробей от подползающего птицееда. Если бы я встретил на

Рубере второго Юла Импера, и то удивился бы меньше. Мать всегда говорила об отце презрительно, называла его идиотом, мямлей и трусом. Мои детские наблюдения как будто подтверждали это — он боялся матери, на которую даже я покрикивал, боялся фейерверков, которых не боялись даже грудные дети, вздрагивал от видеофонных звонков, не мог пить томатный сок, потому что он похож на кровь. Он боялся кошек, собак, пауков, тараканов, но испытывал странную слабость к мышам.

И вот этот блаженненький, нескладный высохший человечек — на Рубере, где нет иного цвета, кроме цвета крови, на Рубере, где нет иных животных, кроме всесокрушающих супров, на Рубере он — в военной форме, он — мой командир, мой мозг и мой суд, мой хранитель и повелитель.

Первую ночь на ЛБ я провел в штрафном отсеке: поразмыслив, я вынужден был признать, что плохо знал отца. О нашем родстве никто не догадывался, у нас были разные фамилии, а Морт даже не соизволил заговорить со мной. Видимо, он вырвал из сердца не только Силу, но и меня.

Проще всего было попроситься на другую Базу, но для этого надо было выдвинуть какие-то аргументы. Аргументов у меня не было. Я тоже не хотел выдавать своего родства с Мортирой — мне было стыдно.

Я проклинал судьбу, забросившую меня на Руберу, проклинал материнские советы, поссорившие меня с Юной, проклинал себя и всех, кто меня сделал таким, но от моих проклятий ничего не менялось. Только Кол Либер начал отпускать всякого рода сальности и советовал обратиться за помощью к доктору Симу Бибиозу.

Дружбы с Колом у нас не получилось. Он по-своему честен и чуток, ему можно довериться без риска, но он не из тех людей, кому приятно доверить сокровенное. Либер — скептик, он счастлив потому, что намеренно сузил свои потребности до какого-то полурастительно-

го минимума. Этот минимум он находит везде, куда бы ни бросал его случай, а потому ему везде хорошо и уютно. Обижаться на его выпады бессмысленно, но согласиться с ними — значит предать себя.

А вот с отцом я еще не разобрался. Очень он странный, неправильный, неуловимый какой-то. Я уже говорил, что в детстве не мог разглядеть его лица — отец казался мне невероятно высоким. Сейчас я сам на голову выше Морта, но настоящего его лица увидеть не могу. Порой мне кажется, как в детстве, что оно слишком высоко для меня — и я терзаюсь муками совести. Порой мне кажется, что лица у Морта нет, что маска Власти и есть его настоящая суть — и тогда я ненавижу его.

Впервые после Руберы мы встретились с ним в стеклопластовом восьмиграннике Верховной Ставки ЗОА. Нас вызвали туда по доносу Бибиоза. Кол Либер под большим секретом сказал мне, что цид-биолог обвиняет во всем, что случилось, Мортиру, собирается устроить ему «легкий насморк» и предлагает соучастие в «неофициальном рапорте». При всем своем хорошем отношении к доктору Бибиозу и весьма прохладном к Морту я тем не менее посчитал подлостью такой поступок. Ведь именно Морт спас ЛБ от неминуемой гибели. Кол выслушал меня, пожал плечами и бросил, уходя, в обычной своей манере: «Странно... Оказывается, на Гее еще умеют делать хороших парней...»

И вот мы сидели с Мормом одни в большом пустом зале, в который выходило много разноцветных дверей и к каждой вела ковровая дорожка своего цвета. Консул-капитан Морт Ирис курил. Мой отец, насколько я помню, терпеть не мог табака — он убивал запах цветов.

— Вы живете вдвоем с матерью?

Ни привета, ни эмоций по поводу встречи, естественных после стольких лет разлуки, — нет, спокойный голос, каменные черты, ноги вытянуты под столом, чтобы не затупилась острая складка на парадных брюках.

— Нет, я живу отдельно.

Я ждал и боялся вопроса «почему?», ибо тогда придется рассказать о Юне и о нашем разрыве с матерью, но Морт спросил совершенно другое:

— Ты хотел убивать того супра?

Я даже не понял вначале, о чем он говорит, но поняв, ответил честно:

— Не знаю. Наверное, нет. Я очень хотел выручить Базу.

— Совершить подвиг?

— Может быть...

— Чтобы все восхищались тобой и благодарили тебя?

Я промолчал. Что я мог ответить? Он все равно ничего бы не понял. Электронный диагност может точно определить болезнь, но не способен вылечить — у него вместо сердца коммутатор.

Да, но ведь именно Морт спас ЛБ...

— Они будут запугивать тебя, но ты не бойся. Тверди, что ослышался. И не философствуй. Им нужен козел отпущения. Но у них нет, за что уцепиться...

Он говорил так, словно между нами и теми, кто скрывался за бронированными дверями, лежала бездонная трещина. Он, служака по кличке Мортира, произносил «они», как произносят тяжкое ругательное слово.

Кто же ты, отец?

Я снова задыхался от ненависти и отвращения в кресле стрелка, и снова концентрические круги прицела накрывали забрызганные красной пеной, чадающие туши супров, и снова пальцы отчаянно давили гашетку. Я снова слышал сдавленный крик: «Шестой ярус... Шлюз... Воздух...» — и видел, как металась в западнелюди в серебристых комбинезонах Звездных Десантников, как хватались они за горло, падали, корчились и замирали, а потом тела их непомерно раздувались и лопались, выбрасывая фонтаны черной крови. За эти две

надцать с четвертью секунд я умер, и родился заново, и прожил долгую-долгую жизнь до седых волос. Я впервые увидел себя со стороны и был поражен своей самонадеянностью и эгоизмом, своим наивным верхоглядством и примитивным честолюбием. Я хотел, как бывало, дать себе клятву справиться как можно скорее и тут же оборвал себя — опять позерство, даже сейчас позерство, когда нас всех, и меня в том числе, ждет участь шестого яруса. Мне показалось, что уже не хватает воздуха, рванул ворот, оглянулся с ужасом на Кола — тот что-то жевал, откинувшись на спинку кресла.

Это было настолько нелепо и страшно — страшней, чем удушье, — что я истерически захихикал. Кол вытер губы рукавом.

— Не таращись... Не успел... Не успел позавтракать. С утра нет аппетита. Захватил бутерброд, а тут... Не пропадать же добру... Да и помирать на сытый желудок веселей...

Он ни в чем меня не обвинял, хитрый добрый Кол, но его слова я принял как пощечину. Ведь это я виноват во всем, я убил супра и вызвал атаку, я хотел сделать лучше, а получилось хуже — ведь я не знал...

Я впервые пожалел, что нет бога с молниями мгновенной расплаты, и глянул на потолок, втайне надеясь, что карающий огонь все-таки есть и он испепелит меня на месте. И я встретил глаза — огромные, обведенные синевой, — это были глаза Морта, и мне почудилось в них презрение. Я снова припал к прицелу, но команда Морта опередила выстрел:

— Всем ярусам — прекратить огни!

На мостике среди ученых и генералов произошло легкое замешательство. Доктор Бибиоз схватил отца за руку, но тот стряхнул его, как большого жирного паука.

— Все калибры правого борта — по подводной цели, прямо, прицел минус девяносто! Все калибры ле-

вого борта — по воздушной цели, прямо, прицел плюс девяносто!

— Правый борт — есть!

— Левый борт — есть!

Этот сумасбродный приказ выполнили только потому, что никто уже ничего не соображал среди воя аварийных сирен, треска гнущихся переборок, свиста компрессоров и неустанных, неотвратимых, жестоких ударов в бронеобшивку полурасплющенной Летучей Базы. Какая подводная цель? Какая воздушная цель? Супры были вокруг, смерть сжимала кольцо, но орудия покорно отворачивались от нее, бессмысленно упирались в пустое небо и в пустые глубины.

— Внимание! Всему личному составу любыми средствами закрепиться на месте! Сейчас полетим вверх ногами! Держитесь, ребята!

Полуразбитая ЛБ и спятивший командир! Разве так рисовали Миссию Разума рекламные проспекты ЗОА? Там серебристые полубоги уничтожали отвратительных чудовищ, вырубали хищные смертоносные леса, выжигали ползучие смердящие травы — и вышколенная продезинфицированная, обезвреженная, умытая и причесанная Природа, благодарно скуля, ложилась у ног всемогущих Звездных Десантников. Все эти сказки — ложь, ложь для доверчивых юнцов вроде меня! Ее придумали те, кого эпоха приговорила к забвению, — они не хотят быть забытыми, они согласны умереть, но умереть в славе и почете — супры, супры, безжалостные супры! — они забивают голову дешевой романтикой тем, кто не знает истинной цены живущему, живому, жизни — они тянут молодых за собой, в свою неизбежную смерть... И мой обезумевший отец — один из них, на нем серебристый панцирь лжи, он тайно счастлив и приготовил последнее издевательство над покорными ему людьми.

— Всем калибрам — огонь!

Мир в прицельном секторе встал на дыбы, и я почувствовал, что лечу вниз головой в облако холодного бе-

лого пламени — полет продолжался долго, нескончаемо долго, невероятный полет с остановившимся сердцем и неподвижной кровью, без удивления и страха, только откуда-то от солнечного сплетения растекалась по телу безотчетная щемящая тоска, и сквозь мозг, как сквозь сгусток тумана, проходили часы, годы, века... Может быть, я уже умер и растворился в океане протовита, и вернулся в жизнь бессмертным супром и сейчас несу его бытие, не видя конца пути и не надеясь на конец, ничего не страшась и ни от чего не завися — только шорох часов, лет, столетий?

Очнулся я одним из первых, но стал связно соображать одним из последних. Картина была не для слабонервных. Все, кто находился в Верхнем ярусе, в самых неожиданных позах стояли, сидели и лежали на потолке. Я обнимал двухметровую люминесцентную лампу. Кол Либер с недоеденным бутербродом в зубах ощупывал кресло на своей спине. Бибиоз парил над сеткой вентиляционной шахты. Сент Энцел возлежал на плечах своего врача. Генералы пытались сохранить достоинство, замерев по стойке «смирно», и сохранили бы его, если бы не одна маленькая деталь — оба стояли на головах. А в обзорных экранах, как в распахнутых окнах, белели любопытные звезды.

Кол Либер справился с креслом — оно оставалось висеть в воздухе, — внимательно изучил окружающую обстановку и заговорил. Его монолог начался с шепота и состоял из одних бранных слов. По ходу дела голос его креп, а ругательства становились все сильнее и совершеннее. И кончился монолог без всякой логической связи криком: «Братва, ура Мортире! Качать Мортиру!»

Только на следующий день я взял в толк, что сделал отец в те критические минуты.

Все современные инопланетные станции, в том числе и станции типа ЛБ, по соображениям безопасности и надежности, работают в режиме АНГ — Автономной Нулевой Гравитации. Такой режим предполагает три

независимые гравитационные системы — одна изолирует станцию от всех внешних сил тяготения, другая как бы привязывает гравитационным канатом к нужной планете, третья тянет в противоположную сторону, к Полярной звезде, к центру Галактики. Меняя напряженность двух последних систем, станция может плавно и безопасно для космонавтов перемещаться по вертикали. Так мы парили и над Руберой, так — и только так — могли уйти на орбиту в случае опасности.

Супры отрезали нам этот путь. Наше незащищенное дно с хрупкими выростами спасательных антигравов было для них детской мишенью.

Но Морт Ирис пошел на трюк: соединенные и противоположно направленные залпы правого и левого бортов одним ударом перевернули нашу «кастрюлю». Это произошло так быстро, что даже прославленная сверхреакция супров оказалась чересчур медленной: пока их снаряды летели в цель, сложившаяся тяга двух гравитационных систем рывком выбросила нас в космос, за пределы Руберы...

И я снова думаю: кто ты такой, отец? Этот фантастический взлет не записан в армейском Уставе или руководстве по выращиванию эдельвейсов. Надо было знать устройство станции, помнить инженерные параметры и физические формулы, надо четко оценивать, мгновенно сопоставлять, доверяться интуиции — словом, мыслить широко и раскованно, как мыслят люди истинно талантливые. Как это непохоже на тебя, на все, что ты делал до сих пор! Может быть, твоя жизнь — совсем не твоя, а подсунутая случаем, первая попавшая форма с чужого плеча, и твое истинное призвание осталось невостребованным в каптерке прижимистого интенданта?

Я не хочу жить так. Я не хочу носить чужую одежду.

Мне жалко мать. Я принадлежу ей независимо от своего желания — так же, как независимо от своего от-

ношения принадлежу тебе. Но мать мне понятнее. Не знаю, как ты относишься к ней сейчас — наверное, ненавидишь: говорят, неразделенная любовь перерастает в ненависть. Она тебя не любила. Не любит она и меня, хотя готова ради одного моего ласкового слова пойти на все. Мне кажется, она вообще неспособна любить, она способна только принимать любовь — и поэтому без чьей-либо любви, без поклонения, без славы начинает чахнуть.

Я прилетел на Гею в праздничный день, уверенный, что никому на планете нет до меня дела. Мать позвонила мне, едва я успел переступить порог своей нежилой квартиры. Она выглядела не старше Юны — то ли прошла курс гормональной косметики, то ли сделала пластическую операцию. Тон у нее был деловой, а голос звучал так, словно между нами никогда не было разлада.

— Ты не устал, Юл? Обнимаю тебя. Ты молодец. Ты хорошо сделал, что поступил в ЗОА. Это единственная дорога для современного парня, который не хочет быть дохликом. Посмотри газеты. Вся Гея говорит о тебе. Ты настоящий герой, Юл...

Я смотрел на нее с горькой иронией, но она продолжала тараторить:

— Телевидение хотело встречать тебя на космодроме. Я запретила. Тебе трудно сразу перейти от ясных устоев армии к сумбуру нашей штатской клоаки. Слава имеет свои права. Я буду оберегать тебя, пока ты не наберешься сил для воспоминаний. Ведь они прекрасны, не правда ли, Юл? Ответь мне без утайки — ведь нас только двое, ты можешь не опасаться любопытных ушей и глаз...

— Ты собираешься замуж?

Она подняла удивленные глаза и, заметив мою усмешку, быстро кивнула куда-то в сторону: я понял, что шла записать ее «беседы с сыном».

— Откуда ты взял? — Теперь ее голос звучал на-

туральнее. — Если бы ты лучше меня помнил, то не говорил бы глупости. Замужество меня не прельщает. Мужчины в большинстве своем лентяи и трусы. А это... Это необходимость. В последнее время я плохо выгляжу на телетестах и в газетах. Теперь нам придется часто сниматься вместе. Ты же не хочешь, чтобы рядом с тобой красовалась дряхлая уродина?

Бедная Сила! Провалившись на ампулу жены героя, истомленная безвестностью, она теперь пыталась наверстать упущенное в роли матери героя.

— Я приду к тебе, Юл? Нам надо с тобой посоветоваться, припомнить кое-какие факты, я стала забывчива...

Я вспомнил прочитанную где-то брошюру о технике съемок через зашторенные окна и ответил поспешно:

— Я действительно устал, мама. Ты не звони. Я сам загляну к тебе. Так будет лучше...

Сила, как всегда, преувеличивала. У Геи были свои новости и свои проблемы. Обо мне писала только одна газета — орган войск ЗОА «Серебряный феникс». Печатное устройство информа выбросило на стол полосу с шапкой «Он убил супра» и моей фотографией четырехлетней давности из маминого архива. С фото смотрел на читателя молодой упитанный щенок с капризным узким подбородком.

Неужели я был таким всего четыре года назад?

В праздник Совершеннолетия мы с Юной решили сбежать ото всех за город куда-нибудь в дикое поле. Мы несколько раз меняли маршруты, чтобы сбить со следа возможных, а вернее, воображаемых, преследователей. Была уже глубокая ночь, полутемные и пустые залы метро отзывались на наши шаги загадочным шепотом. Вызвав цито-экспресс, мы долго не решались войти в его кабину, похожую на каплю ртути. Он забросил нас за сотню километров от дома, на горное плато, полное неуловимых ночных движений и доброго тепла от нагретого за день камня. Мы долго куда-

то брели, спотыкаясь о корни и валуны, и Юна прижималась все теснее ко мне и все чаще оглядывалась по сторонам. Безлюдье угнетало ее.

Мы вышли к обрыву, очерченному на слабо светящемся небе, и сели, обнявшись, прямо на теплую землю. Голова Юны сладкой тяжестью сковывала плечо. Мы не целовались. Просто наши губы были вместе и дышали вместе, и это было нужней всех поцелуев на свете.

Юна заговорила, и мои губы послушно двигались вместе с ее губами:

— Юл, я хочу, чтобы все эти звезды, все эти пространства, вся эта вселенная была моей до самого последнего лучика. Чтобы она не была отдельно от меня, а во мне, чтобы она была мной — чтобы она радовалась и грустила, смеялась и плакала, ждала и любила. Я хочу, чтобы она была живая, теплая, чтобы она росла во мне и становилась все ближе и лучше. Чтобы звезды не гасли, а горели все ярче, понимаешь?

Я не понимал и ответил, разбухая от гордости:

— Да. Я завоюю для тебя всю вселенную. Я сниму все звезды и сложу в твой старый портфель. И повешу новые, в сто раз ярче, и на каждой напишу: «Юне от Юла». Я отшлифую каждый луч до блеска скальпеля и разрежу ими пространство на мелкие кусочки, чтобы ты могла играть ими, как детскими кубиками...

— Юл, я не хочу такой вселенной. Даже от тебя. Больше всего — от тебя. Мне не нужны подписанные звезды и разрезанные пространства. Я не хочу, чтобы вселенная покорялась. Я хочу, чтобы вселенная не могла без меня жить, как я без нее.

— Хорошо, я приручу ее. Я надену ошейники на чудовищ и вырву жала у змеиных трав. Я выучу светила быть нежнее котенка, когда они прикасаются к тебе. Я сделаю Галактику доброй и покорной, как домашнее животное.

— Ты опять ничего не понял, Юл. Я не хочу приру-

ченной вселенной. Жизнь должна быть свободной и дикой, иначе она перестанет быть жизнью и превратится в имитацию. Я хочу, чтобы все оставалось как есть — и было во мне, а я была для всего. Я хочу настоящего счастья, а не имитации.

— Я не могу понять тебя, Юна. Я не могу уловить, что именно ты называешь счастьем. Разве борьба и победа — не настоящее счастье, разве распространение разумного — не благородная задача, разве истребление зла умаляет свободу жизни?

Юна отняла свои губы и долго молчала.

— Мне грустно, Юл. Иногда мне кажется, что мы чужие...

Ночь вокруг взорвалась бульканьем, скрежетом, воем, хрюканьем. «Чужие! — шипело и жужжало со всех сторон. — Чужие! Чужие!»

Я закрыл Юну собой, схватил какой-то сук и включил фонарик. Луч вырвал из ночи мшистый валун, а на нем — хохочущих Сита и Молу, наших закадычных друзей. Десятки фонариков заплясали вокруг, и мы оказались в кольце одноклассников — оказывается, все наши парами бежали с бала, и в поисках уединения, не сговариваясь, попали именно сюда. Мы пришли уже последними, и весь наш разговор был внимательно выслушан целым классом.

И теперь шутовской хоровод передразнивал нас и высмеивал, устроив гогочущий шабаш над обрывом.

— Я буду подметать вселенную кометами! — вопил Кир.

— Не хочу-у, — ныла Ана. — Я хочу ее ам-ам, чтобы она буль-буль внутри меня...

— Я нарежу ее мелкими кусочками, полью слезами в маминой кастрюле и сделаю для тебя гуляш из пустоты! — подхватывал Мол.

— Не хочу-у, — ныла Сана. — Вареные звезды — тьфу! Я хочу сырую вселенную, чтобы она пик-пик внутри меня!

— Тогда я не понимаю, почему ты не ешь меня! — заходилась Сит. — Разве я хуже какой-то залежалой вселенной.

Я шагнул к Ситу и толкнул его. Но Сит был крепкий парень, он даже не покачнулся. И не перестал дурачиться.

— На колени. Все — на колени! Совершеннолетний Юл начинает приручать вселенную! Я уже чувствую себя нежнее котенка!

Юна, вначале смутившаяся до слез, постепенно пришла в себя и скоро хохотала вместе со всеми. Я счел это предательством и сказал ей об этом. Она ответила: «Глупый!» — и продолжала смеяться, скакать и передразнивать сама себя. И она добавила обиду, держа за руки Мола и Сану:

— Юл, он, правда, нежнее котенка? Я могу поселить его в своей грудной клетке?

— Юна, пойдем домой.

— На мне еще нет ошейника, чтобы командовать мной! Мне весело здесь, и я останусь с ребятами!

— Хорошо, я уйду один...

Так мы поссорились с Юной, без которой вся моя жизнь — пустая трата времени. Я рассказал все матери, и она горячо поддержала меня, называя моих товарищей «скрытыми врагами» и «завистливыми тупицами». Но особенно нападала на Юну, осыпая титулами «коварной лазутчицы», «провокаторши», «подлой интриганки» и «бессердечной бесстыдницы», пока я не заставил ее замолчать. Я давно замечал, что Сила органически не переносит Юну, толкуя каждый ее поступок как глубоко продуманную тайную диверсию... Все мои попытки восстановить объективную истину кончались целым потоком слез: «Ты готов бросить мать ради этой коварной девчонки, которой ты совсем не нужен...»

Сейчас Сила торжествовала — ее предсказания сбылись, она все время предупреждала меня: ох, как доверчивы парни!

— Все это сплошная чепуха, ты сама не веришь тому, что говоришь. Но помоги мне, ведь ты женщина и лучше понимаешь женскую душу. Юна иногда говорит непонятное. Она хочет, чтобы вселенная была не вне, а внутри ее, чтобы вселенная была частью ее, а она — частью вселенной. Но она не хочет, чтобы я покорил вселенную с ее именем, как хочешь ты, — ты мне часто повторяла такое в детстве. Она хочет чего-то другого. Чего?

Злая гримаса передернула лицо Силы.

— Она хочет ребенка!

Так я ушел от матери...

Конечно, я не лег спать. Отправив «Серебряного феникса» в мусоропровод, я сидел у окна, когда зазвонила входная дверь. Я пошел в прихожую на негнущихся ногах, и мне чудился в комнатах странный звук — так поют над полем высоковольтные провода. Только один человек мог прийти ко мне без приглашения, но я ничем не заслужил его прихода. Я открыл дверь в прихожую, уверенный, что мне померещился долгожданный звон, и готовый заплакать от обиды.

У двери стояла Юна.

Мы так и не успели ничего рассказать друг другу в тот вечер — я не помню ни единого слова, по-моему, за весь вечер и ночь так и не было сказано ни одного слова...

В пустой приемной Верховной Ставки, после аудиенции с каким-то пузатым чином, который всю свою непонятную злобу обрушил на консул-капитана, а меня, главного виновника, величал «этот самый стойкий юноша», Морт Ирис сказал:

— Я тоже живу один. Тебе будет неприятно, если я как-нибудь загляну к тебе?

— Я сказал, что живу отдельно от матери, но не говорил, что я живу один. Приходи. Юна будет рада увидеть тебя.

Я сказал это из вежливости, но Юна на самом деле

обрадовалась Морту. Отец ей понравился, и с тех пор он часто бывает у нас. При ней он становится каким-то незнакомым, открытым и цельным. Мне кажется порой, что Юна знает о нем больше, чем я, и это меня настораживает. Может, она и обо мне знает что-то мне неведомое? Что — хорошее или плохое? И откуда? Ведь она — моя ровесница, мы учились вместе и вместе узнавали жизнь. Почему она знает о людях больше, чем я?

Рубера снится мне все реже, и, если бы не будущий трибунал и не звонки матери, я бы забыл о ней окончательно. Бедная Сила! Она не может никак смириться, что амплуа матери героя — тоже не для нее. Я вижу ее только по видеофону, и меня это вполне устраивает.

О Рубере сейчас много спорят, но мне эти споры неприятны, и я стараюсь не участвовать в них. Пока это удастся. Рубера гаснет в моей памяти.

Но вчера я неожиданно проснулся среди ночи и долго лежал с открытыми глазами. Юна спит очень чутко, и я старался дышать в такт с ее дыханием.

Зачем я убил супра?

Почему мне не перестали нравиться фейерверки?

5

От меня, Сента Энцела, действительного члена Международного Совета Космонавтики, четвертого в Лиге Старейшин, почетного члена тридцати или сорока академий, постоянного консультанта и председателя Комиссии по контактам, всегда почему-то ждут откровений, которые сразу решат все споры и все расставят по местам. Вначале мне это льстило, потом забавляло, потом стало раздражать. Теперь я привык и примирился с этой неосознанной хитростью, освобождающей поклонника авторитетов от тяжести собственных раздумий и ответственности собственных решений. А кто я, Сент Энцел, авторитет из авторитетов? Просто очень старый человек, который сделал за свою долгую жизнь очень много

ошибок — гораздо больше, чем кто-то другой, потому что у меня было неизмеримо больше возможностей для их совершения. Открытия, сделанные в молодости, я теперь сам понимаю с трудом... в них царствует абсолютизм юности, отрицающий права старости на самоуспокоенность и тем оскорбляющий ее шаткое достоинство. И если я все-таки могу чем-то помочь людям в делах, сопряженных с наукой, — то единственно своим жизненным, а не научным багажом, ибо отстал от науки ровно на одну жизнь — это говорю я, Сент Энцел, почетный член многих академий, авторитет из авторитетов, и я говорю чистую правду.

В спорах о Рубере, о супрах я слышу невысказанный вопрос, обращенный ко мне. Ведь я видел все собственными глазами и прямо причастен ко всему, что там случилось.

Мне задают вопрос: кто такие супры, и я могу ответить — не знаю. Никто из нас не знает, кто такие супры, и вряд ли узнает в обозримом будущем. Во всяком случае, я уже никогда не узнаю. И поэтому предлагаю второй вопрос поставить в другой редакции. Не о разумности супров следует вопрошать — прежде стоит подумать: разумны ли были мы на Рубере?

На этот вопрос я отвечаю со всей прямоотой человека, знающего цену ошибкам: нет. Нет! И по вине нашего недомыслия, а не по вине супров или неожиданных обстоятельств погибли наши товарищи, по нашей общей вине половина Летучих Баз нашла вечный покой в протовитовых пучинах Красной планеты.

Я говорю про общую вину не для того, чтобы уйти за чужие спины. Я готов отвечать за то, что сделал, но я не член иудаистской секты, готовый идти на крест за грехи чужие.

Я виноват в том, что потакал Бибиозу. Цид-биолог Сим Бибиоз немолод, такие редко достают звезды с неба, но, достав, держатся за них крепко. Я видел, что он спешит с выводами, жертвует чистотой эксперимента

ради его зримой убедительности, но кто из нас не участвовал в этой вечной гонке за ускользающей молодостью, за вчерашней смелостью, за промелькнувшей ясностью мысли? Годы безжалостны, они чересчур быстро разменивают золотые россыпи возможностей на медную мелочь достигнутого. Бибиоз спешил, а я не имел твердости осудить его за это. Возможно, влияла на мое отношение и общность касты: он был ученый, и мне нравилось, что он может диктовать свои условия консул-капитану Морту Ирису, человеку другой касты, которая извечно командовала учеными.

Во всяком случае, я относился к Симу Бибиозу более чем снисходительно, не питая особой надежды на его работу. В университете он слыл довольно средним преподавателем. Не думаю, что близость протовита повлияла на него тонизирующим образом.

Вся беда Бибиоза состояла в неверности исходной посылки. Он пользовался шкалой понятий, составленной геянами и, следовательно, вершиной своей имеющей геянина. Еще не видя супров и ничего не зная о них, он без тени колебания отнес их к низшим существам.

Но на Рубере такая шкала была лишена смысла: супры и геяне находились на одной ступени взаимного непонимания.

Я пробовал объяснить Бибиозу его ошибку, но он, как часто бывает с узкими специалистами, понял меня превратно — точнее, ничего не понял. Я должен был отстранить Бибиоза от работы и «закрыть» возможный контакт. Я не сделал этого. Я виновен.

Но я не чувствую за собой вины в том, что дал разрешение на выстрел торпедой «ноль». Во-первых, я не верил в ее действенность. Она рассчитана на теплокровное существо и работает по принципу эмоционального сверхдопинга, до разрушительной силы умножая чувства. То, что торпеда сработала, — единственный серьезный научный факт, полученный за все время эксплуатации Руберы. Он говорит за то, что супры обладают

достаточно высоким уровнем эмоций и, видимо, богатой духовной жизнью — каковы эти эмоции и какого рода духовная жизнь доступна им, можно только гадать.

Время от времени по Гее проносится эпидемия страха перед звездами. Страх этот настолько заразителен, что вербует сторонников среди людей умных и наделенных властью. Именно в периоды таких эпидемий происходят на Гее вещи, которые гораздо опаснее «мятежа» супров на Рубере, — я говорю о возрождении армии.

Мне скажут, что ЗОА — армия нового типа, что у нее иные задачи и другая форма, что вообще обсуждение таких вопросов вне моей компетенции, но я тоже имею право на страх. Вы боитесь вторжения — я боюсь армии. Вашему страху нет прецедентов, моему — есть. Их много, но самый свежий — Рубера.

Ни консул-капитан Морт Ирис, попросивший разрешение на роковой выстрел, ни три члена МСК, и я в том числе, давшие такое разрешение, ни зистор Кол Либер, задержавший пуск, ни младший зистор Юл Импер, сделавший выстрел без команды, не виновны в случившемся. В нем повинны те, кто послал отряд Армии Звездной Обороны за сотни парсеков от Геи, придав экономически оправданному использованию бесхозного протовита сомнительный привкус военного грабежа.

Трудно быть разумным. Но если мы решились на диалог со вселенной, надо быть разумным. Без тех условностей и оговорок, которые позволяем себе в стенах своего дома. Только доверившись своему разуму, мы сможем довериться разуму чужому — и только на языке доверия прозвучит наше первое «здравствуй».

И это взаимное самоусовершенствование будет главной, если не единственной, пользой Контакта, на который мы еще продолжаем надеяться. Надо взглянуть в глаза этой простой истине и перестать строить пустые иллюзии по поводу «высших» спасителей, которые преподнесут нам невиданное техническое могущество, нео-

бозримые духовные силы и спокойную совесть солдата, за которого думают «те, кому положено».

Мы не должны и не будем стоять «смирно» в ожидании разрешения быть счастливыми и вольными.

Мы разумны. Я верю в это как ученый и как старый человек, который совершил за свою жизнь очень много ошибок. Что касается прочего, то вы знаете все не хуже меня — телевизионные экраны и каретки газетных информов перегреваются от сообщений с грифом «Рубера». Геяне никак не могут соединить вместе два слова: «Рубера» и «никогда».

И все-таки придется соединить. Нам преподан хороший урок космической вежливости — оказывается, пора быть воспитанными. Международному Совету Космонавтики пришлось вычеркнуть Руберу из перспективного плана звездных визитов. Супры отказались принимать нас в своем доме. Мы плохо вели себя. В ближайшие столетия ни один танкер не подойдет к Рубере — нам придется искать другие родники протовита. Этот родник утерян для человечества, и придется с этим смириться. После долгих дебатов Международный Совет Космонавтики вынужден был признать, что на сегодняшний день Гея не располагает средствами для обоюдобезопасного и продуктивного контакта с супрами. Нет и серьезных идей, которые могли бы быть реализованы в ближайшем будущем.

А предложения были. Много предложений. Разных. Начиная от специальных телевизионных передач для супров, реабилитирующих наше достоинство и улучшающих агрессивные нравы «живых атомоходов». И кончая планами поголовного истребления «отвратительных чудовищ» торпедами «ноль», чтобы без помех откачивать протовит в емкости танкеров.

Первое предложение вызвало дружный хохот, второе не прошло только потому, что какой-то очень робкий молодой человек предъявил прогностические расчеты. С вероятностью тридцать к одному они дока-

зывали изменение химического состава протовита в результате массового забоя и утерю его ценных качеств.

А ведь в наивности первого предложения, сделанного десятилетней девчонкой, было больше смысла и ответственности, чем в атавистической жестокости второго, поданного... Впрочем, неважно, кто подал это предложение. Важно то, что мы еще не научились смеяться над такими вещами. В лучшем случае мы негодуем и стараемся логично доказать обратное. Это очень плохо, когда необходимость добра приходится доказывать. Это значит, что тысячелетия недоверия и ненависти, сделавшие зло почти безусловным рефлексом, еще одинаково живы в крови противников. Но оно должно наступить, время, когда безусловным рефлексом станет добро, когда призыв к злему делу вызовет дружный хохот, — этот день станет первым днем Разума!

Ну вот я увлекся и невольно заговорил откровениями, которых ждали от меня. Я стал в позу пророка и с легким сердцем предсказал лучшие времена. Я даже превысил полномочия — примерял багряную тогу надмирного судьи, обличающего пороки сограждан, и, кажется, весьма преуспел. Это позволило мне полюбоваться собой, своей смелостью, своей принципиальностью и эрудицией, своей дальновидностью и любвеобилием. Наивное высокомерие! Все мы хорошо знаем, как не надо делать, но никто не знает определенно, как надо.

Я не могу быть беспристрастным судьей трагедии на Рубере — я сам ее участник. Я вообще не могу быть судьей, ибо любой суд предполагает унификацию вины, а потому несправедлив.

У меня отнюдь не старческий слух, и я часто слышу за спиной: «А коллега Энцел, кажется, выжил из ума». Это тоже суд, суд скорый и несправедливый. Мой разум ясен, как никогда, но я вижу теперь не только одежду окружающих, не только их кожу, дряблую или упругую, но и то, что под кожей — красные бугры мышц, оплетенные изощренным голубым орнаментом

нервов, переплетение кровеносных сосудов, соединивших неразрывно два полюса Жизни — сердце и мозг... Они неразрывны в теле и наполнены одной кровью, они неразрывны в делах — это единство и зовется Разумом, который нести нам в пространства, как лучшее свое достояние.

Я с нежностью вспоминаю тех, с кем свел меня на ЛБ-13 случай в час испытаний. У каждого из нас была своя звезда, и каждый жил на своей планете, и каждый двигался по своей жизненной орбите. Каждый из нас был далек от другого, как звезда от звезды, и знал другого не лучше жителя Альфы Центавра. Но в час опасности одинокие звезды мгновенно превратились в созвездие. И недаром нашим героем стал тот, от которого меньше всего ждали этого, — консул-капитан Морт Ирис. Не берусь судить, какие лавины потрясли его душу, но в одну ослепительную секунду он не только узнал, но и сделал как надо.

Мне хочется верить, что не только крайняя опасность соединяет живущих в единый разум и не только непоправимые ошибки способны изменять закостеневшее понятие. Но если я не прав, то пусть будут опасности и ошибки. Крайние опасности и непоправимые ошибки.

Поучительная история. Научит она нас чему-либо?

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Слово о Вячеславе Назарове (предисловие Д. Жукова)</i>	5
Игра для смертных	15
Нарушитель	61
Силайское яблоко	127
Восстание супров	245

ИБ № 3573

Вячеслав Алексеевич Назаров

ДОРОГИ НАДЕЖД

Редактор Т. Журавлева

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор Е. Михалева

Корректоры А. Долидзе, В. Назарова

Сдано в набор 17.06.82. Подписано в печать 24.11.82. А03426.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 13,3.
Учетно-изд. л. 14,1. Тираж 100 000 экз. Цена 1 руб. Зак 871.

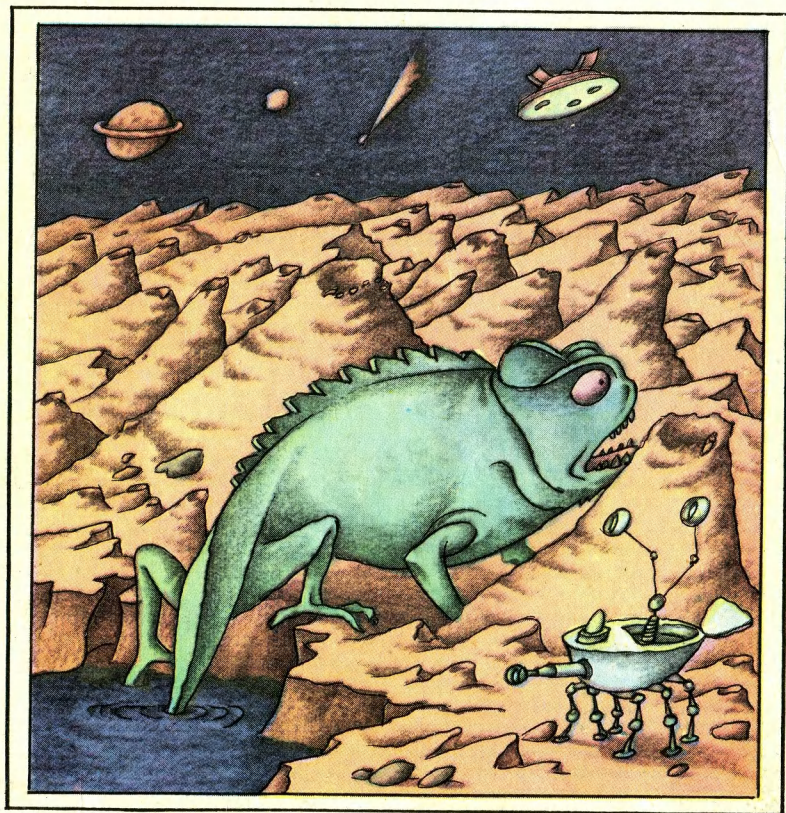
Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типогра-
фии: 103030, Москва, К-30, Суцневская, 21.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

1 руб.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ВЯЧЕСЛАВ НАЗАРОВ ДРОГИ НАДЕЖД

Ж

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЯЧЕСЛАВ НАЗАРОВ

ДРОГИ НАДЕЖД

